

Вестник Московского университета

ISSN 2074-6636

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

*Основан
в 1946 году*

Серия 22

теория перевода

3/2017

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 22 ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Издательство Московского университета

№ 3 • 2017 • ИЮЛЬ–СЕНТЯБРЬ

Выходит один раз в три месяца

Содержание

Костикова О.И. Наука о переводе в Китае. 3

Общая теория перевода

Гарбовский Н.К. Устный перевод в условиях новых политических и экономических инициатив: теория, практика, дидактика 6

Хуан Ятин, Бай Вэньчан. Переводческая деятельность и механизм мышления переводчика 26

Юе Жуйин. Особенности русской школы устного перевода 37

Методология перевода

Гу Хонфэй, Ли Сюаньин. О стратегиях русско-китайского устного перевода на основе анализа связности текста 50

Ху Гумин. О применении некоторых языковых средств китайского языка при устном переводе с русского языка на китайский 60

Дидактика перевода

Мэн Ся. Синонимическая компетенция как ключ компетенций перевода с родного языка на иностранный: аспект механизма речевого порождения 69

Царева Н.Ю. Синтаксические параллели как лингводидактическая проблема в теории и практике РКИ при подготовке будущих переводчиков 78

Чжао Хун, Дубкова О.В. Востребованность и подготовка в КНР переводчиков-русистов в период строительства «одного пояса и одного пути» 86

Лингвистические и культурологические аспекты перевода

Ван Цуй. Функциональный анализ китайского наречия “也” и его перевод на русский язык. 97

Цзя Юннин. Перевод китайской классики Валерием Перелешиним . . 108

Contents

Kostikova, O.I. The science of translation in China 3

General Translation Theory

Garbovsky, N.K. Interpreting within the Framework of New Political and Economic Initiatives: Theory, Practice, Didactics 6

Huang Yating, Bai Wenchang. Translation Activities and Thinking Mechanism of Interpreters 26

Yue Ruiying. Features of the Russian School of Interpreting. 37

Translation Methodology

Gu Hong-fei, Li Xuan-ying. A Study of Russian-Chinese Interpretation Based on the Analysis of Discourse Coherence. 50

Hu Guming. The Application of Some Special Chinese Language Means in Russian-Chinese Interpreting. 60

Translation Didactics

Meng Xia. Synonymic competence as a key competence in translation from one's mother tongue to a foreign language: the mechanism of speech generation. 69

Tsareva, N.Yu. Syntactic Parallels as a Linguodidactic Problem in the Theory and Practice of Teaching Russian as a Foreign Language to Future Translators 78

Zhao Hong, Dubkova, Olga V. Demand for and Training of Russian Language Translators in the Context of the One Belt One Road Initiative (OBOR) 86

Linguistic and Culturological Aspects of Translation

Wang Cui. A Functional Analysis of the Chinese Adverb “也” and Its Translation into Russian 97

Jia Yongning. Valery Pereleshin's Translations of Chinese Classical Literature . . 108

НАУКА О ПЕРЕВОДЕ В КИТАЕ

Настоящий номер журнала посвящён вопросам теории, методологии и дидактики перевода с русского языка на китайский и с китайского на русский.

Публикации подготовлены на основе материалов, представленных участниками второй всекитайской конференции «Теория и практика обучения устному переводу в контексте строительства одного пояса и одного пути: проблемы и перспективы», проходившей в г. Сиане 5–8 мая 2017 года.

История перевода знает немало примеров того, как переводческая деятельность оказывалась связанной с политической и экономической конъюнктурой, зависела от концепций, установок и задач государственного развития, определяемых на самом высоком уровне.

Реформы Петра I, направленные на модернизацию России, просветительская деятельность монархов Альфреда Мудрого, Альфонсо X и Карла V, стремление представителей военной, торговой и политической элиты во главе с халифами к накоплению и развитию научного знания в эпоху арабских завоеваний, освоение новых территорий в эпоху великих географических открытий, выстраивание отношений Китая с Западом в XIX в. и ратификация Тяньцзинских трактатов в 1860 году – вот лишь некоторые примеры ключевых моментов истории, отразившихся на характере, условиях и интенсивности переводческой деятельности в разных странах.

Сформулированные председателем Си Цзинпинем две концепции будущего внешнеэкономического развития Китая – Экономический пояс Шёлкового пути и Шёлковый морской путь XXI столетия – нацелены на осуществление проекта «Один пояс, один путь». В результате успешной реализации этого амбициозного проекта «один пояс» свяжет Азиатско-Тихоокеанский регион с Европой, пройдя через Евразию и Ближний Восток. Проект всецело соответствует наметившейся в последние годы тенденции по формированию зон свободной торговли, затрагивающих страны Западной, Центральной и Восточной Азии, и способствует развитию интеграционных процессов в этой географической зоне и укреплению взаимного сотрудничества в политической, интеллектуальной и культурной областях.

Эти масштабные перспективы дают новый импульс развитию переводческой отрасли прежде всего благодаря их ярко выраженному многоязычному вектору. На смену искушению «облегчённого» общения с использованием английского языка в качестве *lingua franca* приходит осознание необходимости равноправной коммуникации с использованием языков всех взаимодействующих партнёров.

Таким образом, становится очевидной важная роль высококвалифицированных переводчиков и других специалистов межкультурной коммуникации для обеспечения эффективного посредничества и востребованность таких специалистов, владеющих разными языковыми комбинациями, помимо традиционной для современного Китая комбинации *английский язык — китайский язык*.

О том, как готовить таких специалистов, какая роль в этом отводится классическим и отраслевым университетам, профессиональным организациям, какой опыт был накоплен ведущими мировыми школами в этой области и насколько он применим в Китае, в чём особенность подготовки устных переводчиков с китайским языком — таковы вопросы, которые в течение нескольких дней обсуждали участники конференции из 35 вузов, общественных организаций и государственных структур Китая, Монголии и России.

Примечательно, что этот профессиональный форум, организованный Китайской ассоциацией преподавателей русского языка и литературы, Шэньсийским педагогическим университетом и Высшей школой перевода МГУ имени М.В. Ломоносова проходил в городе Сиань (бывший Чанъянь) — одной из четырёх великих древних столиц Китая, ставшей отправной точкой Великого Шёлкового пути, проложенного ещё во II веке до н.э. и связывавшего Восточную Азию со Средиземноморьем около 17 столетий. Как и сегодня, в те времена торговцы и путешественники, дипломаты и миссионеры не обходились без услуг переводчиков — основной силы, приводящей в движение механизмы многоязычной коммуникации.

Проблема подготовки устных переводчиков для Китая не нова. За многие десятилетия накоплен достаточно богатый опыт подготовки переводчиков в комбинации *английский язык — китайский язык*.

Однако академическому, научному и профессиональному сообществу предстоит ещё большая работа, чтобы вывести дидактику перевода на достойный уровень, развивая эффективные методики преподавания как письменного, так и устного перевода в комбинациях китайского языка с языками государств, расположенных вдоль Шёлкового пути.

У русско-китайской языковой комбинации в этом плане большие перспективы, обусловленные постоянно растущей потребностью в подготовке переводчиков-русистов и государственной поддержкой образовательных инициатив в области подготовки и повышения квалификации переводчиков в Китае.

Более того, китайская русистика богата традициями, развиваемыми не одним поколением учёных, сформировавших научную и педагогическую школу, в лоне которой ведутся исследования в области теории и методики преподавания русского языка.

Сейчас необходимо сделать следующий, но крайне важный и осмысленный шаг – перейти от лингводидактики к дидактике перевода.

О.И. Костикова

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Н.К. Гарбовский, член-корреспондент Российской академии образования, доктор филологических наук, профессор, декан Высшей школы перевода (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: garok46@mail.ru

УСТНЫЙ ПЕРЕВОД В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНИЦИАТИВ: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ДИДАКТИКА

В условиях глобальной взаимозависимости стран в области экономики и политики при явном стремлении народов не только к сохранению национальной самобытности, основных вектором которой являются национальные языки, вопросы обеспечения успешной коммуникации с помощью переводчика вызывают интерес специалистов в области теории и методологии перевода, межязыковой и межкультурной коммуникации.

Российская школа устного перевода имеет богатые традиции, заложенные исследователями второй половины XX века.

Сегодня проблемы теории и методологии устного перевода вновь оказываются в центре внимания исследователей разных стран, в частности, Китая. В связи с этим представляется важным вновь обратиться к основным характерным чертам российской школы устного перевода, её становлению и эволюции.

Ключевые слова: теория и методология устного перевода, российская школа устного перевода, последовательный перевод.

Nikolai K. Garbovsky, Corresponding Fellow at the Russian Academy of Education, Dr. Sc. (Philology), Professor, Director of the Higher School of Translation and Interpreting, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: garok46@mail.ru

INTERPRETING WITHIN THE FRAMEWORK OF NEW POLITICAL AND ECONOMIC INITIATIVES: THEORY, PRACTICE, DIDACTICS

Now that the vast majority of countries are becoming interdependent both economically and politically and peoples are striving, inter alia, to preserve their national identity, whose main vectors are national languages, ensuring successful communication through translation generates interest among specialists in the field of translation theory and methodology, as well as cross-lingual and cross-cultural communication.

The Russian school of interpreting prides itself on its rich traditions established by researchers in the second half of the 20th century.

Today, interpreting theory and methodology issues are once again in the focus of the attention of international researchers, including those in China. Thus, we deem it important to analyze the fundamental features of the Russian school of interpreting and its evolution.

Key words: interpreting theory and methodology, Russian interpreting school, consecutive interpreting.

1. Новые политические и экономические инициативы и русско-китайский устный перевод

В современном мире глобальной взаимозависимости стран в области экономики и политики при явном стремлении народов не только к сохранению, но и к демонстрации национальной самобытности, основным вектором которой являются национальные языки, вопросы обеспечения успешной коммуникации с помощью переводчика оказываются в центре внимания специалистов в области теории и методологии перевода, межъязыковой и межкультурной коммуникации.

Не случайно вопросы коммуникации с переводом оказываются сегодня в центре внимания китайских исследователей: реализация инициативы «один пояс, один путь», сулящая Китайской Народной Республике в ближайшие десятилетия стремительный экономический рост, предполагает значительное расширение международных обменов во всех областях общественной жизни не только в сфере экономики и бизнеса, но также политики и права, науки, образования и искусства со странами вдоль Шёлкового пути.

Россия, поддержав китайскую инициативу, оказывается вовлечённой в этот коммуникативный процесс. Соответственно, возрастает потребность в большом числе квалифицированных переводчиков с лингвистической *комбинацией русский язык — китайский язык*, способных обеспечивать межъязыковую коммуникацию во всех сферах российско-китайского сотрудничества.

Подготовка высококвалифицированных переводческих кадров в конкретной языковой комбинации требует не только осмысления общих методологических проблем переводческой деятельности, но и глубокого изучения теоретических основ национальной школы перевода, сформировавшейся в научно-образовательном континууме народа-партнёра по коммуникации.

Хорошо известно, что язык является необходимым инструментом формирования и функционирования всех форм общественного сознания — политики, идеологии, религии, науки и искусства. Но очевидно, что и формы общественного сознания воздействуют на языковую ситуацию, на функционирование тех или иных языковых комбинаций в международной коммуникации.

Не секрет, что после периода идеологического взаимопонимания и взаимного уважения, политической дружбы, экономического и военного сотрудничества, культурного взаимообогащения, когда Советский Союз виделся китайскому народу идеальным другом, способным по первому зову прийти на помощь, помочь экономически, построить завод, подарить технологию производства, поде-

литься недрами, дать хорошее образование китайским юношам и девушкам, наступил период сдержанности, охлаждения, а порой и враждебности.

К сожалению, период взаимопонимания и дружбы между СССР и Китаем завершился как раз к тому моменту, когда теория и методология перевода в мире только зарождались, т.е. к середине 50-х годов прошлого столетия.

Этот политически конъюнктурный фактор не мог на сказаться на языковой политике ещё недавно крепко друживших стран. Изучение китайского языка в СССР и русского языка в Китае резко сократилось, подготовка квалифицированных переводчиков с этой языковой комбинацией упала до минимума. Советская теория и методология перевода оказалась мало кому интересной.

В поисках приоритетного партнёра для развития своей экономики Китай заглянул за океан. Соответственно, приоритетной языковой комбинацией оказалась комбинация китайского языка с английским. Именно английский язык стал основным иностранным языком для всей массы китайских школьников. Для подготовки переводчиков главным образом с этой языковой комбинацией создавались высшие школы перевода в университетах Китая. Это было вполне оправданным, так как основной объём переводного материала составляли тексты на английском языке.

Но, как известно, подготовка квалифицированных кадров требует прочной теоретической и методологической базы. И китайские специалисты обратились к опыту западных школ перевода, в первую очередь, англоязычных. Китайские исследователи глубоко изучали основные работы западных теоретиков перевода, писали статьи о переводе и публиковали их в западных англоязычных научных журналах, создавали совместные китайско-английские учебные пособия по переводу.

Теория и практика устного перевода в комбинации русский язык – китайский язык находились на периферии общественного интереса.

Ситуация с обучением устному переводу в Китае в комбинации русский язык – китайский язык, проблемы, существовавшие в этой сфере в начале нашего тысячелетия, хорошо обрисованы китайским исследователем Гу Хунфэем. Отдавая должное достаточно полно разработанной в Китае проблематике теории и методологии русско-китайского письменного перевода, имеющего давнюю историю, исследователь отмечает: «С изучением двустороннего устного русско-китайского перевода ситуация в Китае гораздо сложнее. В обществе бытует мнение о том, что устный перевод не является отраслью науки. Считается, что для осуществления устного пере-

вода не требуется специальной подготовки и любой, кто владеет разговорным русским языком, способен к этому роду деятельности» [Гу Хунфэй, 2002: 7]. Исследователь сетует на то, что обучение устному переводу не носит сколько-нибудь системного характера: «Не существует чёткой формулировки целей и задач этого курса, нет единого мнения о том, какой методике следует придерживаться в преподавании этой дисциплины (одна часть специалистов полагается на собственную интуицию, другая опирается на английскую систему). Отсутствуют учебные пособия по этой учебной дисциплине. Иными словами, изучение находится на начальном уровне [там же]. Причиной этой ситуации, по мнению китайского исследователя, является **«не востребованность»** (выделено мной. — *Н.Г.*) специалистов в области двустороннего устного перевода», которая «приводит к тому, что эта учебная дисциплина преподаётся не более чем в пяти вузах, а с другой — к нехватке специалистов, владеющих навыком двустороннего устного перевода и методикой его преподавания» [там же].

Сегодня ситуация как в сфере переводческой практики, так и в сфере подготовки переводческих кадров только начала изменяться. И сегодня переводы с русского языка занимают в китайской переводческой практике чрезвычайно малый процент по сравнению с переводами с английского языка, число переводчиков русского языка несравненно меньше числа их коллег, работающих с английским языком.

Но меняется политический, экономических, военный профиль современного глобального мира. Однополярный мир, с единственным центром доминирования, где признается авторитет лишь одной культуры, уступает место многополярному. В этом многополярном мире Россия и Китай выступают против политики эксклюзивности и предлагают так называемую интеграцию интеграций, примером которой и являются планы сопряжения Евразийского экономического союза с китайской инициативой по созданию экономического пояса Шёлкового пути.

В этой внешнеполитической обстановке, новой для современного мирового сообщества, изменяется и профиль межъязыковой коммуникации. Заинтересованность китайского общества в переводчиках русского языка становится всё более очевидной. Переводчики русского языка становятся более востребованными, изучение русского языка — более привлекательным. О необходимости подготовки и повышения квалификации профессиональных устных переводчиков русского языка задумываются государственные и партийные структуры, крупные издательские дома, университеты и другие образовательные учреждения.

Разумеется, подготовка переводчиков русского языка в Китае только начинает набирать обороты. Институты русского языка, традиционно существующие в структурах классических, лингвистических и педагогических университетов как оплоты русского языка и культуры, и готовящие «русистов-филологов общего профиля» принимаются за подготовку переводчиков, т.е. встают на более прагматичный путь, что должно способствовать укреплению их престижа и позиций в образовательном пространстве страны.

Сопряжение политических и экономических интересов влечёт за собой сопряжение образовательных и исследовательских усилий. Успешная реализация образовательных программ подготовки переводчиков русского языка во взаимодействии с образовательными структурами России предполагает более широкое ознакомление с российской школой перевода.

Нельзя сказать, что российская школа перевода была бы совсем неизвестна китайским учёным и преподавателям перевода. Имена советских учёных, заложивших фундамент современной российской школы перевода, — Л.С. Бархударова, В.Н. Комиссарова, А.Ф. Фёдорова и некоторых других — известны в Китае, основные их труды переведены на китайский язык. Китайским русистам и преподавателям перевода известны также книги ряда российских специалистов в области общей теории и практики перевода в комбинации русский язык — китайский язык, написанные для русских студентов-китаистов, в частности, *Теория перевода китайского языка* В.А. Ростовцева, представляющая собой курс лекций по общей теории перевода и теории перевода китайского языка, где автор рассматривает предмет, задачи и основные направления развития теории перевода, сущность перевода, характеристики процесса перевода, виды перевода и пр. [Ростовцев, 1977], учебное пособие В.Ф. Щичко *Китайский язык. Теория и практика перевода*, в котором рассматриваются некоторые приёмы и способы перевода, используемые в реальных условиях работы переводчика и преподавателя перевода [Щичко, 2004] и др. Можно надеяться, что учебник О.П. Попова *Частная теория и практика перевода. Китайский и русский языки*, вышедший в издательстве Флинта в этом году, не будет обойдён вниманием китайских специалистов, тем более, что автор видит его предназначение как для студентов российских вузов, изучающих китайский язык по специальности «Лингвистика», «Перевод и переводоведение», так и для китайских студентов, изучающих в российских вузах русский язык и теорию перевода как дисциплину специализации [Попов, 2017].

Однако область теоретической и методологической разработки вопросов профессионального устного синхронного и последова-

тельного перевода советскими, а в последующем, и российскими исследователями остаётся в Китае малоизвестной.

Работы этих учёных рельефно отражают основную особенность российской школы перевода и российской науки о переводе, заключающуюся в том, что перевод рассматривается как когнитивно-коммуникативная деятельность в условиях двуязычия, обладающая специфическими чертами. Письменный и устный перевод различаются лишь условиями и способами восприятия исходных сообщений и порождения сообщений на языке перевода, т.е. как формы (или виды) этой деятельности.

В Китае же доминирует представление об устном и письменном переводе, сформировавшееся, вероятно, в результате многолетнего обращения к западным теоретическим школам перевода, к западной дидактике перевода, к западным образовательным моделям, как о различных деятельности, предполагающих различные теоретические построения, а также разные образовательные траектории. О последнем свидетельствует тот факт, что в последние годы в Китае обучение устных и письменных переводчиков осуществляется по отдельным образовательным программам не только на уровне магистратуры, но и на уровне бакалавриата.

Поэтому в современных условиях возникает потребность в изучении российской школы устного перевода, её теории, практики и методологии.

Следует отметить, что даже имена основоположников современной российской школы устного перевода, точнее, российских переводоведов, разработывавших теорию устного перевода на фоне общих вопросов теории перевода, значительно менее известны в Китае.

В связи с этим представляется интересным вновь обратиться к основным характерным чертам российской школы устного перевода, её становлению и эволюции.

2. Начала российской школы устного перевода.

Р.К. Миньяр-Белоручев

Российская школа устного перевода, точнее теоретическое осмысление практики устного перевода и методики подготовки устных переводчиков, восходит к первым послевоенным десятилетиям XX в., когда молодые фронтовики, выпускники Военного института иностранных языков Красной Армии, начинали свою профессиональную деятельность как переводчики и преподаватели перевода. Почти одноклассники, Р.К. Миньяр-Белоручев (1922–2000), Л.С. Бархударов (1923–1985), А.Д. Швейцер (1923–2002), В.Н. Комиссаров (1924–2005), В.Г. Гак (1924–2004), М.Я. Цвиллинг (1925–

2013) взяли за труднейшую задачу – построить отечественную теорию и методологию перевода на основе собственного опыта переводческой деятельности, собственных размышлений о переводческих трудностях, «подводных камнях» перевода, диалектики переводческих решений, с привлечением данных современной им лингвистики, психологии, культурологии¹.

Из этой «могучей кучки» военных лингвистов-переводчиков и преподавателей перевода, разбросанных хрущёвской военной реформой по разным вузам Москвы, в проблематике устного перевода обратился Р.К. Миньяр-Белоручев, специалист в области так называемого «конференц-перевода», имевший опыт устного синхронного и последовательного перевода на внешнеполитических переговорах первых лиц государства, съездов КПСС, крупных международных конференций.

В 1959 г. из-под его пера вышла небольшая книга – *Методика обучения переводу на слух* [Миньяр-Белоручев, 1959], выпущенная скромным тиражом издательством Института международных отношений. Как следует из названия, это было учебное пособие для обучения устному переводу. В советской образовательной литературе 50-х годов книга Миньяра-Белоручева была первой, целиком и полностью посвящённой методике обучения устному переводу. Это методическое пособие, адресованное преподавателям перевода, было построено на основе обобщения и осмысления собственного опыта устного перевода, результатов педагогических экспериментов, проводимых как лично автором, так и его современниками, в первую очередь, советскими психологами, изучавшими психологические аспекты речевой деятельности, в частности, на иностранных языках, а также преподавателями иностранных языков. Таким образом, книга оказывается первым методическим пособием по обучению переводу, построенным на междисциплинарном научном фундаменте.

В предисловии автор отмечал необходимость «систематизации уже накопленного опыта» [там же] в области методики обучения устному переводу.

Именно попытка систематизировать эмпирические данные, полученные в результате опыта практического перевода, позволяет рассматривать данную работу как начало построения отечественной теории устного перевода.

¹ По мнению Д. Красовского и А. Чужакина, *конференц-перевод* – «это современный термин, включающий в себя последовательный (КП-1) и синхронный (КП-2) виды устного перевода как наиболее часто встречающиеся на конференциях и переговорах» [Красовский, Чужакин, 2016: 3].

Опираясь на «существенные различия в восприятии и внешнем оформлении речи», Миньяр-Белоручев путём проведения простой математической операции перемножения видов восприятия порождения речи выводит «четыре основных вида перевода, исчерпывающие все возможные варианты практической работы переводчика: зрительно-письменный перевод, зрительно-устный перевод, письменный перевод на слух и устный перевод на слух» [там же: 4].

Исследователь концентрирует своё внимание на процессе перевода на слух, понимая, что «изучение особенностей перевода на слух возможно только в том случае, если внимательно проследить процесс работы переводчика, если проанализировать основные стороны перевода на слух» [там же: 4].

Строя систему обучения переводу на слух, исследователь опирается на экспериментальные данные, полученные психологами и педагогами, изучавшими речевую деятельность и стремившимися разработать оптимальные педагогические модели для эффективного обучения иностранным языкам в условиях языковой изоляции, т.е. без возможности погружения в естественную языковую среду, что было обусловлено «железным занавесом», отгораживавшим советских студентов от внешнего мира.

Эта социальная особенность обучения легла в основу построения основной образовательной модели подготовки профессиональных переводчиков. Эта модель предполагала обучение переводу одновременно с обучением иностранным языкам. Возможно поэтому дидактика перевода как теория обучения переводу тесно переплеталась с лингводидактикой как теорией обучения языкам.

Рассматривая проблемы понимания воспринимаемого на слух текста, Миньяр-Белоручев останавливается на вопросах изучения лексики и грамматики исходного (иностранного) языка. По мнению исследователя, следует учитывать область будущей профессиональной деятельности студентов и обучать их специальной лексике конкретной предметной области. «Одним из условий непосредственного понимания речи, — писал он, — является умение определять значение главных слов. К этому и следует готовить будущих переводчиков, каждый раз принимая во внимание ту область, в которой им предстоит действовать после окончания учебного заведения. Действительно, если вы готовите работников внешней торговли, то в качестве главных слов в текстах будут выступать, например, *spécimen* («образец»), *stock* («запас товаров»), *courtier* («посредник»), *devises* («валюта»); если вашим учащимся предстоит работа в области медицины, то «смысловыми вехами» для них могут быть и *cancer* («рак»), и *radiologie* («рентгенология»)» [там же: 18]. Именно так была построена программа подготовки переводчиков в Военном

институте, где изучение военной терминологии, естественно, составляло один из важнейших аспектов общей языковой подготовки.

Однако исследователь понимает, что далеко не всегда уже в процессе подготовки очевидна будущая специализация переводчиков, поэтому, по его мнению, «при подготовке переводчиков без ранней специализации особый упор следует, по-видимому, сделать на общественно-политический словарь <...> и бытовую лексику [там же: 19].

В то же время следует иметь в виду, что существуют отдельные категории слов иностранного языка, которые представляют наибольшие трудности для их восприятия на слух. К таким группам слов Миньяр-Белоручев относит в первую очередь числительные, особенно трёхзначные и четырёхзначные, которые могут давать до 80–100% ошибок, а также названия дней недели, имена парных понятий и топонимы [там же: 19–20].

Восприятие на слух затрудняют не только отдельные группы лексики, но и некоторые грамматические категории. Разумеется, изучение грамматики иностранного языка предшествует обучению переводу на слух. Однако, как отмечает Миньяр-Белоручев, «имеются грамматические трудности, которые следует учитывать именно при слуховом восприятии речи, трудности, которые тогда и возникают, когда мы сталкиваемся с необходимостью понимать устную речь» [там же: 21]. Эти трудности связаны со спонтанностью устной речи, неполными формами высказываний, а также с частичной омофонией некоторых грамматических значений.

Большой раздел книги автор посвятил проблемам переводческой памяти и средствам, помогающим переводчику удержать в сознании содержание исходного сообщения. «Кратковременность и неповторяемость слуховой рецепции предъявляют особое требование к памяти переводчика. Это требование возрастает при необходимости переводить большие отрезки текста. Поэтому методика обучения переводу на слух не может не учитывать ряда особенностей такого сложного психического процесса, как память» [там же: 26].

Особое внимание автор уделяет смысловому запоминанию, справедливо полагая, что навыки механического запоминания малоэффективны в устном переводе.

Как развить смысловое запоминание? Как связано смысловое запоминание с интересом учащихся? Какова роль установки на запоминание? Как влияет на успех запоминания взаимодействие нового материала с известным? Как осуществлять смысловую группировку информации и создавать опорные пункты памяти? Что и как следует записывать при восприятии на слух сообщения на иностранном языке? На каком языке вести запись информации? Миньяр-Белоручев формулирует ответы на эти вопросы и обращает

внимание на то, что следует развить у учащихся смысловое запоминание и слуховую память, «на которую падает при переводе на слух наибольшая нагрузка, обращая особое внимание на такие качества памяти, как её готовность, а также быстрота и точность запоминания по содержанию и форме» [там же: 42].

Завершая рассмотрение особенностей перевода на слух, Миньяр-Белоручев обращается к специальным навыкам, присущим только переводу на слух, среди которых называет прежде всего навык переключения. «Навык переключения находит своё применение в условиях сложной, всё время меняющейся языковой ситуации. Его сознательное приспособление к меняющимся требованиям языковой обстановки, то есть готовность к действию в любой вариации, является там собственно переводческим умением, которое характерно для переводческой деятельности вообще и особенно для перевода на слух» [там же: 43], — замечает исследователь.

Построив основы психологической теории перевода на слух, включавшей в себя описание особенностей этого вида двуязычной речевой деятельности и характера трудностей, с которыми встречаются обучаемые и преподаватели, Миньяр-Белоручев предлагает модель системного курса перевода на слух: «Обучить переводу на слух можно лишь приведя в систему наиболее эффективные с точки зрения решения основных задач упражнения и методические приёмы. Обучить переводу на слух — это значит построить курс обучения, учитывающий многообразные требования, которые вытекают из особенностей перевода на слух» [там же: 62].

Через 10 лет после выхода в свет этого первого методического труда по обучению устному переводу — в 1969 г. — будет опубликована книга Миньяра-Белоручева *Последовательный перевод*, в которой развиваются и систематизируются основные ранее сформулированные положения теории устного последовательного перевода, предлагается система упражнений для подготовки к последовательному переводу и первая в советском профессиональном переводческом и образовательном континууме система записи в последовательном переводе [Миньяр-Белоручев, 1969а].

Эта книга знаменовала собой начало нового направления в советской науке о переводе, состоявшего в изучении самого процесса перевода. «В большинстве случаев, — писал автор, — перевод рассматривается как результат лингвистической работы², но не как процесс, в котором лингвистический аспект накладывается на по-

² Миньяр-Белоручев ссылается здесь на следующие работы: *Рецкер Я.И.* О закономерных соответствиях при переводе на родной язык // Теория и методика учебного перевода. М., 1950; *Соболев Л.Н.* Пособие по переводу с русского языка на французский. М., 1952; *Федоров А.В.* Введение в теорию перевода. М., 1958.

ведение переводчика» [Миньяр-Белоручев, 1969а: 7]. Автор справедливо полагал, что лингвистический подход к изучению феномена перевода не способен выявить и объяснить специфику устного перевода. «Сугубо лингвистический подход к переводу, — писал он, — наложил известный отпечаток на методику обучения переводу, которая сводилась главным образом к изысканиям эффективных способов сопоставления элементов двух языковых систем и в которой не уделялось достаточного внимания элементам поведения переводчика. Это особенно чувствовалось при подготовке устных переводчиков, где лингвистические знания, которые совершенно справедливо находятся в центре внимания при изучении письменного перевода, не могут заменить соответствующие навыки и умения» [там же: 8].

Миньяр-Белоручев исследует последовательный перевод как «процесс передачи сообщения». Учитывая специфику последовательного перевода, отличающую его от синхронного перевода и состоящую в том, что «в последовательном переводе исходное и выходное сообщения отделены значительным периодом времени» [там же: 9], что, разумеется, предполагает необходимость надёжного запоминания, автор полагает, что для исследования процесса последовательного перевода наиболее существенными являются четыре звена этого процесса:

«1. Источник информации + сама информация или сообщение, закодированное устно по системе языка № 1. <...>.

2. Приём исходного сообщения путём его декодирования, или, другими словами, восприятие и понимание звуковой речи. <...>.

3. Кодирование принятого сообщения по системе записей, т.е. запись выступления оратора. Назовём третье звено запоминающим устройством.

4. Устное кодирование по системе языка № 2 сообщения, зафиксированного в запоминающем устройстве, т.е. окончательное оформление выходного сообщения» [там же: 10].

Автор справедливо полагал, что «для того чтобы определить, чему учить и как учить при подготовке к последовательному переводу, целесообразно рассмотреть отдельно четыре звена процесса последовательного перевода» [там же]. Значительным шагом вперёд в области методологии устного перевода были и разработанные исследователем система упражнений для подготовки к последовательному переводу [там же: 127–207], и система записи в последовательном переводе [там же: 208–286].

Займствовав некоторые принципы известных к тому времени систем фиксации информации, в частности, систем франкоязычных переводчиков Женевской школы Ж.-Ф. Розана, предложившего

особый, логико-грамматический принцип расположения элементов высказываний и границ между ними – «принцип вертикализма», – Ж. Эрбера, разработавшего коллекцию символов, призванных заменить знаки естественных языков, Миньяр-Белоручев построил систему записи в последовательном переводе для переводчиков, у которых родной язык – русский.

Именно эта книга, являющаяся результатом серьёзных размышлений автора, на основе глубокого изучения произведений отечественных и зарубежных психологов, лингвистов и переводчиков, специалистов в области информации первой четверти послевоенного XX века, а также целой системы собственных экспериментальных исследований, представляет собой первый важнейший теоретический труд, на мой взгляд, наиболее глубокий в истории теоретического осмысления устного перевода как в Советском Союзе, так и в постсоветской России. Глубиной научного осмысления проблем устного перевода, широтой охвата проблематики, обоснованностью идей и разработанностью методической системы обучения устному последовательному переводу эта работа советского учёного ничем не уступает, а во многом и опережает разработки западных учёных, на которые так часто ссылаются современные российские исследователи устного перевода.

Можно с уверенностью сказать, что идеи, сформулированные этим выдающимся учёным, переводчиком и педагогом в названных здесь и последующих работах [см.: Миньяр-Белоручев, 1980; 1997, 1998 и др.] легли в основу многих теоретических и методических разработок современных российских исследователей и преподавателей устного перевода.

К сожалению, теоретические взгляды Миньяра-Белоручева на устный последовательный перевод и методику его преподавания недостаточно хорошо известны современным исследователям и преподавателям устного перевода.

Напротив, разработанные им принципы записи при последовательном переводе, положенные в основу разработанной им системы фиксации информации переводчиком, представленной в том же 1969 г. более популярной форме в *Пособии по устному переводу (записи в последовательном переводе) для институтов и факультетов иностранных языков* [Миньяр-Белоручев, 1969б], нашли своё воплощение в системах записи, предлагаемых в современных учебных пособиях по устному последовательному переводу³.

³ Именно на это учебное пособие ссылаются И.С. Алексеева [Алексеева, 2000: 84; 2001: 127]; Е.В. Аликина [Аликина, 2006: 9]; А.П. Чужакин [см. напр.: Красовский, Чужакин, 2016: 61] и др.

Разумеется, система записи в последовательном переводе не идеальна и может быть подвергнута справедливой критике. Довольно сомнительными представляются преимущества консонантной записи русских слов (сохранение только согласных букв). Чужакин называет этот способ «арабским подходом» [см. напр.: Красовский, Чужакин, 2016: 68]. Можно без труда записать любой газетный текст одними согласными и затем без труда расшифровать запись. При этом можно получить выгоду в месте и во времени записи. Но в условиях жёсткого дефицита времени, т.е. в реальных и обычных для устного последовательного перевода условиях, сам процесс «препарирования слов» с целью устранения ненужного вокализма представляет собой дополнительную мыслительную операцию, которая способна не облегчить, а затруднить весь процесс перевода. Более того, неизвестное ранее и сложное по форме иностранное имя собственное, записанное только согласными, составит немалые сложности для его воспроизведения и может ввести переводчика в состояние стресса.

Безусловно, более выигрышный по сравнению с последовательной «горизонтальной» записью способ вертикального логического письма – «вертикализм»⁴, – предполагающий чёткое закрепление мест за определёнными членами высказывания, при котором обязательно за первым местом в иерархии закреплена группа подлежащего (грамматический субъект), также в ряде случаев реальной коммуникации оказывается затруднительным для применения.

В качестве иллюстрации этого принципа Миньяр-Белоручев приводит следующий пример трансформации реального высказывания в структурированное по принципу вертикализма.

Реальное высказывание:

18 марта 1871 года в Париже впервые в истории человечества была установлена диктатура пролетариата.

Трансформ:

Диктатура пролетариата

была установлена в Париже

18 марта 1871 г.

впервые в истории человечества.

В качестве аргумента подобной трансформации Миньяр-Белоручев приводит два довода. Первый заключается в том, что в языках превалирует прямой порядок слов (в на русском языке он встречается примерно 70% высказываний, а, например, во французском

⁴ Чужакин называет такое расположение «ступенчато-диагональным» или «вертикально-ступенчатым», не меняя при этом никоим образом его логико-грамматических оснований [см. напр.: Красовский, Чужакин, 2016: 63, 69].

достигает 95% [Миньяр-Белоручев, 1969: 218]. То есть приведённое в качестве примера высказывание скорее исключение из общего правила. Довод представляется несколько сомнительным, во-первых, потому, что 30% инвертированных конструкций в русском тексте – это цифра, которой вряд ли корректно пренебрегать. Кроме того, прямой порядок слов вовсе не отрицает того, что грамматическому субъекту могут предшествовать обстоятельственные конструкции времени и места, и некоторые косвенные дополнения, например:

«Уже в ближайшие дни Россия, как председатель Совета Безопасности, созывает министерское заседание для комплексного анализа угроз на пространстве Ближнего Востока» (из выступления президента России Владимира Путина на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН)⁵.

«В рамках своего национального вклада к 2030 году планируем ограничить выбросы парниковых газов до 70–75 процентов от уровня 1990 года» (из выступления президента России Владимира Путина на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН).

Приводя в качестве аргумента более высокую частотность высказываний с прямым порядком слов, Миньяр-Белоручев косвенно признаёт, что фиксация информации осуществляется переводчиком параллельно с восприятием сообщения. Переводчик воспринимает информацию, поступающую из устной речи оратора, естественным для восприятия речи сукцессивным способом, т.е. последовательно, шаг за шагом. Так же сукцессивно он её и фиксирует, начиная с группы подлежащего, расположенного в начале высказывания, затем размещает в определённом месте группу сказуемого и т.д.

Но остаётся «неудобный» пример. И для обоснования трансформации Миньяр-Белоручев приводит второй довод: «Во-вторых, что особенно важно, при рабочем аудировании происходит процесс выделения главных смысловых членов с большим числом мысленных трансформаций воспринимаемых предложений, в результате чего первоначальная схема высказывания претерпевает неоднократные изменения. Причём переработка воспринимаемого материала происходит не просто в поисках подлежащего, а в поисках более простой «символовозможной» и лаконичной формулировки» [там же].

Иначе говоря, переводчик воспринимает на слух сообщение, осознав его, трансформирует в определённую систему, записывает

⁵ Полный текст и видео выступления Владимира Путина на Генеральной Ассамблее ООН 28 сентября 2015 г. <https://russian.rt.com/article/119712> (здесь и далее выделено мной. – Н.Г.).

трансформ и... в это же время воспринимает следующее сообщение, так как оратор не делает паузы после каждого высказывания. То есть запись делается не по ходу восприятия исходного высказывания, а после его осознания и трансформирования в соответствии с системой. На это непосредственно указывает Миньяр-Белоручев в более позднем описании предлагаемой систем записи: «Перетасовка и переоценка воспринимаемых лексических единиц всё равно неизбежна, и запись начинается только после осмысления хотя бы части поступающего материала. Процесс записи у **опытного переводчика** совпадает с восприятием и переработкой нового материала, следующего за тем, который в данный момент фиксируется на бумаге» [Миньяр-Белоручев, 1997: 23] (выделено мной. — Н.Г.).

Иначе говоря, при использовании системы записи происходит синхронизация фиксирования предшествующей *девербализированной* информации с восприятием новой, что является весьма сложной когнитивной операцией, успешное осуществление которой доступно лишь тогда, когда все когнитивные навыки переводчика уже полностью сформированы.

На мой взгляд, это одна из главных методических проблем обучения системе записи. Именно сложность когнитивной операции синхронизации фиксации и восприятия информации нередко приводит начинающих переводчиков-практиков к отрицанию её целесообразности, а исследователей и преподавателей перевода — к необходимости искать новые, «более комфортные» для переводчика системы записи или усовершенствовать старые, а также рекомендовать будущим переводчикам разрабатывать и последовательно усваивать собственные, сугубо личные, системы фиксирования получаемой для перевода информации, доводя владение ими до автоматизма.

3. Исследования устного перевода в современной России

Исследования устного перевода в современной России продолжают развивать теоретические положения и методические системы, разработанные учёными советского периода.

В новом тысячелетии появилось немало работ, посвящённых тем или иным проблемам теории, технологии и методике обучения устному переводу.

Так, способы фиксирования информации в ходе последовательного перевода в последующем описывались неоднократно, применительно к разным языковым комбинациям [Аликина, 2006; Бурляй, 2001; Зубанова, 2013; Чужакин, 2001 и др.]. При этом способы фиксации информации приобретают самые различные названия: *переводческая скоропись* [Чужакин, 2001 и др.; Сачава, 2011; Зуба-

нова, 2013], *переводческая запись* [Бурляй, 2001], *переводческая семантография* [Аликина, 2006]. Алексеева, комментируя системы записи в последовательном переводе называет их *переводческой нотацией* [Алексеева, 2000: 84; 2001: 127].

Однако основные принципы, разработанные Миньяром-Белоручевым, на основе проанализированных им систем фиксации информации европейских коллег, а также собственного практического опыта устного переводчика и педагогических экспериментов, остались практически неизменными: систематизация и распределение информации по степени значимости, индивидуальный подход к формированию навыков фиксации информации, логическое расположение элементов высказывания, отказ от линейности в пользу вертикальной записи, сокращения слов естественного языка, использование аббревиатур, изобретение наглядных символов и пр.

Это свидетельствует об универсальности некоторых принципов фиксации информации в ходе последовательного перевода.

В то же время обилие работ, посвящённых одной теме и развивающих одни и те же идеи, создаёт впечатления инфляции в этой области науки о переводе и методики обучения переводу. И методисты, и переводчики-практики, пожелавшие поделиться с будущим поколением устных переводчиков своим опытом, своими размышлениями о переводе, дают аналогичные рекомендации, приводят примеры одного порядка.

Возможен ли новый подход в научном и методическом освоении теоретического наследия, оставленного исследователями первого поколения для дальнейшего развития и обогащения отечественной школы устного перевода?

Интеграционные процессы, происходящие в настоящее время в самых разных отраслях науки, и в образовании показывают возможные пути развития как научного знания о специфике разных видов устного перевода, так и возможные модели учебных материалов, призванных формировать необходимые компетенции будущих переводчиков.

Как мы отмечали, Р. Миньяр-Белоручев, строя свою теорию устного последовательного перевода как основу дальнейшей разработки методической системы обучения этому виду переводческой деятельности, рассматривал перевод как процесс передачи информации, **противопоставляя** свой подход так называемому лингвистическому, сводившемуся, по его мнению, к поиску межъязыковых соответствий.

В то же время, одним из лучших учебников по переводу в комбинации русского языка с французским, на протяжении уже более полувека считается *Практический курс перевода* В.Г. Гака и Ю.И. Львин

[Гак, Львин, 1962], выдержавший многие переиздания. Учебник, построенный по тематическому признаку (*борьба народов мира за мир, внешняя политика Советского Союза, национально-освободительное движение, съезд, конгресс, международная организация, экономическое положение страны, Франция, государственный и политический строй страны, выборы, политические партии, Советский Союз* и др.), показывает эффективные пути поиска межъязыковых эквивалентов и содержит ценные комментарии к наиболее сложным единицам перевода, встречающимся в коммуникации в общественно-политической сфере, т.е. в основной сфере применения устного «конференц-перевода».

Таким образом, чрезвычайно интересная и важная методическая система выработки навыков устного перевода, разработанная на примере французско-русской языковой комбинации Миньяром-Белоручевым, никак не взаимодействовала с методической системой, разработанной Гаком и нацеленной на то, чтобы обучаемые приобретали обширные знания межъязыковых соответствий, необходимые будущему «конференц-переводчику» для обеспечения эффективной коммуникации в общественно-политической сфере.

Идея интеграции этих двух подходов была предпринята нами в начале нынешнего тысячелетия и воплощена в *Курсе устного перевода* [Гарбовский, Костикова, 2006], разработанного для подготовки переводчиков той же языковой комбинации (французский язык – русский язык).

Цель учебного пособия состояла в том, чтобы на основе интеграции двух методических систем совершенствовать первичные навыки и приёмы устного перевода, приобретённые ранее, и развить комплексные навыки, необходимые профессиональному переводчику, в частности, навыки последовательного с записью и синхронного перевода.

Материал учебного пособия был подобран таким образом, чтобы охватить наиболее значительные сферы международного сотрудничества (*Франция в современном мире. Франкофония. Россия: прошлое и настоящее. Россия и Франция: дипломатические, экономические и культурные отношения. Международная безопасность и борьба с терроризмом. Права человека. Наука и образование*).

Прошедшее с момента выхода в свет пособия десятилетие показало актуальность избранной тематической гаммы, о чём свидетельствует, в частности, содержание переговоров Президента Российской Федерации В.В. Путина и Президента Франции Э. Макрона в 2017 г.⁶

⁶ См.: Совместная пресс-конференция с Президентом Франции Эммануэлем Макроном. Сайт Президента России 29 мая в 19:17.

Возможен ли перенос данной интегрированной модели на другие языковые комбинации, в частности, на комбинацию русский язык – китайский язык?

Опыт разработки аналогичных учебных пособий, основанных на том же интеграционном подходе, для других языковых комбинаций в Высшей школе перевода Московского университета, в частности, *Курса устного перевода* для подготовки переводчиков испанского языка [Смышляев, Сорокин, 2009] даёт некоторые основания для положительного ответа на этот непростой вопрос, скрывающий в себе не только специфику каждой языковой комбинации, но и традиции переводческого опыта, сложившегося под воздействием многолетних межъязыковых и межкультурных контактов.

Список литературы

- Алексеева И.С.* Профессиональное обучение переводчика. Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. СПб.: Институт иностранных языков, 2000. 192 с.
- Alekseeva, I.S.* Professional'noe obuchenie perevodchika. Uchebnoe posobie po ustnomu i pis'mennomu perevodu dlja perevodchikov i prepodavatelej [Professional training of translators. An interpreting and translation manual for translators and professors]. Saint-Petersburg: Institut inostrannyh jazykov, 2000. 192 p. (in Russian).
- Алексеева И.С.* Профессиональный тренинг переводчика. Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. СПб.: Союз, 2001. 288 с.
- Alekseeva, I.S.* Professional'nyj trening perevodchika. Uchebnoe posobie po ustnomu i pis'mennomu perevodu dlja perevodchikov i prepodavatelej [Professional translators training. An interpreting and translation manual for translators and professors]. Saint-Petersburg: Sojuz, 2001. 288 p. (in Russian).
- Аликина Е.В.* Переводческая семантография. Запись при устном переводе. М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. 156 с.
- Alikina, E.V.* Perevodcheskaja semantografija. Zapis' pri ustnom perevode [Translator's semantography. Interpreting note-taking]. Moscow: AST: Vostok-Zapad, 2006. 156 p. (in Russian).
- Бурляй С.А.* Переводческая запись. Учебное пособие. М., 2001. 160 с.
- Burl'jaj, S.A.* Perevodcheskaja zapis' [Interpreting note-taking]. Uchebnoe posobie. Moscow, 2001. 160 p. (in Russian).
- Гак В.Г., Львин Ю.И.* Практический курс перевода. Французский язык. Учебник. М.: Изд-во ИМО, 1962. 436 с.
- Gak, V.G., L'vin, Ju.I.* Prakticheskij kurs perevoda [Practical Course of Translation. French language]. Francuzskij jazyk. Uchebnik. Moscow: Izd-vo IMO, 1962. 436 p. (in Russian).
- Гарбовский Н.К., Костикова О.И.* Курс устного перевода. Французский язык – русский язык. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006. 304 с.

- Garbovskij, N.K., Kostikova, O.I.* Kurs ustnogo perevoda. Francuzskij jazyk – russkij jazyk [Interpreting course. French and Russian languages]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 2006. 304 p. (in Russian).
- Gu Хунфэй.* Лингвистические основы устного перевода. Русский – китайский. М.: Валент, 2002. 127 с.
- Gu Hunfjej.* Lingvisticheskie osnovy ustnogo perevoda. Russkij – kitajskij. [Linguistic basis of interpreting. Russian-Chinese languages]. Moscow: Valent, 2002. 127 p. (in Russian).
- Зубанова И.В.* Скоропись в последовательном переводе [Текст]: английский язык (с аудио- и видеоприложением). М.: Валент, 2013. 216 с. (с илл., табл.).
- Zubanova, I.V.* Skoropis' v posledovatel'nom perevode: anglijskij jazyk (s audio-i videopriloženiem) [Consecutive note-taking]. Moscow: Valent, 2013. 216 p. (s ill., tabl.). (in Russian).
- Красовский Д.И., Чужакин А.П.* Конференц-перевод. Теория и практика. 3-е изд., исправленное и дополненное. Минск-Москва: Р. Валент, 2016. 211 с.
- Krasovskij, D.I., Chuzhakin, A.P.* Konferenc-perevod. Teorija i praktika [Conference translation. Theory and practice]. 3-e izd., ispravlennoe i dopolnennoe. Minsk-Moscow: R. Valent, 2016. 211 p. (in Russian).
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Методика обучения переводу на слух. М.: Институт международных отношений. 1959. 214 с.
- Min'jar-Beloručev, R.K.* Metodika obuchenija perevodu na sluh [Methodology for teaching aural translation]. Moscow: Institut mezhdunarodnyh otnoshenij. 1959. 214 p. (in Russian).
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Последовательный перевод. Теория и методы обучения. М.: Воениздат, 1969а. 288 с.
- Min'jar-Beloručev, R.K.* Posledovatel'nyj perevod. Teorija i metody obuchenija [Consecutive interpreting. Theory and training methodology]. Moscow: Voenizdat, 1969a. 288 p. (in Russian).
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Пособие по устному переводу (Записи в последовательном переводе). М.: Высшая школа. 1969б. 194 с.
- Min'jar-Beloručev, R.K.* Posobie po ustnomu perevodu (Zapisi v posledovatel'nom perevode) [Consecutive interpreting textbook. (Consecutive interpreting note-taking)]. Moscow: Vysshaja shkola. 1969b. 194 p. (in Russian).
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Общая теория перевода и устный перевод. М.: Воениздат, 1980. 288 с.
- Min'jar-Beloručev, R.K.* Obshhaja teorija perevoda i ustnyj perevod [General Theory of translation and interpreting]. Moscow: Voenizdat, 1980. 288 p. (in Russian).
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Записи в последовательном переводе. Учебное пособие. М.: Стелла, 1997. 173 с.
- Min'jar-Beloručev, R.K.* Zapisi v posledovatel'nom perevode [Consecutive interpreting note-taking]. Uchebnoe posobie. Moscow: Stella, 1997. 173 p. (in Russian).
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Курс устного перевода. Французский язык. М.: Московский Лицей, 1998. 173 с.

- Min'jar-Beloručev, R.K.* Kurs ustnogo perevoda. Francuzskij jazyk. [Interpreting course. French language]. Moscow: Moskovskij Licej, 1998. 173 p. (in Russian).
- Попова О.П.* Частная теория и практика перевода. Китайский и русский языки. Учебник. М.: Флинта: Наука, 2017. 352 с.
- Попов, О.П.* Chastnaja teorija i praktika perevoda. Kitajskij i russkij jazyki [Specific theory and practice of translation. Chinese and Russian languages]. Uchebnik. Moscow: Flinta: Nauka, 2017. 352 p. (in Russian).
- Ростовцев В.А.* Теория перевода китайского языка. Курс лекций по общей теории перевода и теории перевода китайского языка. М.: Военный институт, 1977. 202 с.
- Rostovcev, V.A.* Teorija perevoda kitajskogo jazyka. Kurs lekcij po obshhej teorii perevoda i teorii perevoda kitajskogo jazyka. [Translation theory of Chinese language. Course of lectures on the general theory of translation and Chinese translation]. Moscow: Voennyj institut, 1977. 202 p. (in Russian).
- Сачава О.С.* Переводческая скоропись: теория и практика. СПб.: СПбГУЭФ, 2011. 41 с.
- Sachava, O.S.* Perevodčeskaja skoropis': teorija i praktika. [Interpreting note-taking. Theory and practice]. Saint-Petersburg: SPbGUJeF, 2011. 41 p. (in Russian).
- Смышляев А.В., Сорокин А.Л.* Курс устного перевода. Испанский язык – русский язык. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. (Серия HIERONYMUS). 336 с.
- Smyshljaev, A.V., Sorokin, A.L.* Kurs ustnogo perevoda. Ispanskij jazyk – russkij jazyk [Interpreting Course. Spanish-Russian languages]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 2009. (Serija HIERONYMUS). 336 p. (in Russian).
- Чужакин А.П.* Устный перевод XXI: теория + практика, переводческая скоропись. Учебник. М, 2001. 255 с.
- Chuzhakin, A.P.* Ustnyj perevod XXI: teorija + praktika, perevodčeskaja skoropis' [Interpreting in the 21st century. Theory, practice, interpreting note-taking]. Uchebnik. Moscow, 2001. 255 p. (in Russian).
- Щичко В.Ф.* Китайский язык. Теория и практика перевода. М. Восток-Запад, 2004. 223 с.
- Shhichko, V.F.* Kitajskij jazyk. Teorija i praktika perevoda. [Chinese language. Theory and practice of translation]. Moscow: Vostok-Zapad, 2004. 223 p. (in Russian).

Хуан Ятин, аспирант, старший преподаватель Хэйлунцзянского университета, г. Харбин, КНР; e-mail: huangyating1990@163.com

Бай Вэньчан, доктор филологических наук, профессор Хэйлунцзянского университета, г. Харбин, КНР; e-mail: sashabai@126.com

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И МЕХАНИЗМ МЫШЛЕНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА

Благодаря длительной практике перевода, человечество получило очень ценное понимание его сущности. Тем не менее, предыдущие исследователи уделяли больше внимания сравнению результатов перевода, при этом механизм мышления переводчика фактически не рассматривался. В связи с этим полученные выводы или методы не могли эффективно использоваться на практике перевода и в теории преподавания перевода. На основе модели семантического треугольника авторы пытаются описать работу переводчика с помощью серии экспериментов и познать суть перевода посредством изучения особенностей процесса.

Ключевые слова: семантический треугольник, процесс перевода, механизм перевода.

Huang Yating, Ph.D., Senior Lecturer at Heilongjiang University, Harbin, PRC; e-mail: huangyating1990@163.com

Bai Wenchang, Ph.D., Professor at Heilongjiang University, Harbin, PRC; e-mail: sashabai@126.com

TRANSLATION ACTIVITIES AND THINKING MECHANISM OF INTERPRETERS

Humanity has achieved a very valuable understanding of the essence of translation during the long period of translation practice. However, researchers in the past paid more attention to the translation product, while research into the thinking mechanism of translators/interpreters was of little interest to them. Therefore, the conclusions or methods obtained could not be effectively applied to translation practice and translation pedagogy. Through the use of the semantic triangle theory, the authors of the present paper try to describe the fundamental principles of translators and interpreters' work with the help of a series of experiments in order to learn the translation/interpreting essence through studying the translation/interpreting process.

Key words: semantic triangle, translation process, translation mechanism.

Переводческая деятельность человечества имеет более чем тысячелетнюю историю. В этом длительном практическом процессе люди постоянно размышляют о сути переводческой деятельности и постепенно получают ценные выводы. В целом, эти выводы отражают суть переводческой деятельности. Например, Бархударов даёт такое определение: «Переводом называется процесс преобразования речевого произведения на родном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания,

то есть значения» [Бархударов, 1975: 11]; Виноградов понимал перевод как «вызванный общественной необходимостью процесс и результат передачи информации (содержания), выраженной в письменном или устном тексте на одном языке, посредством эквивалентного (адекватного) текста на другом языке» [Виноградов, 2001: 14]. Известные переводчики обогатили исследования новыми теориями: Юджин Найда вывел теорию динамической эквивалентности, Сьюзен Басснетт — теорию культурной эквивалентности, Даница Селескович — интерпретативную теорию перевода и т.д.

Но приходится признать, что знание лишь теории переводческой деятельности не может помочь нам выполнять эффективные и качественные переводы, как знание только о том, что «живопись — это искусство цвета и линий» не может помочь нам нарисовать картину. Таким образом, люди начали исследовать законы переводческой деятельности, исходя из операционного аспекта. В результате были выделены определенные типы перевода, а именно: «буквальный перевод», «свободный перевод», «описательный перевод». В ходе исследований были сформулированы конкретные переводческие методы: «разделение, объединение, увеличение, сокращение, трансформация, конверсия». [Бархударов, 1975].

Но следует сказать, что эти методы и способы не всегда могут предоставить переводчикам конкретные решения проблем в переводческой деятельности. Когда нужен буквальный перевод? Когда свободный перевод? При каких обстоятельствах нужно объединение и при каких обстоятельствах разделение? Чем это объясняется? Практика перевода и преподавание перевода требуют исследований, которые могут предоставить конкретные решения. Это требует от исследователей изменения угла зрения и выявления наиболее существенных законов процесса перевода — механизма мышления переводчика.

Игра как пример механизма перевода

На развлекательном канале ССТV играли в игру, в которой игроки должны были описывать друг другу увиденное через язык тела. Правила заключаются в следующем: судья показывает игроку А табличку, где в течение 5 секунд отображаются слова «У Сун убивает тигра»¹. Игрок А должен передать информацию игроку В с помощью жестов (говорить запрещено). Игрок В должен передать игроку С полученное от игрока А содержание таким же образом, а когда содержание передано последнему игроку, он(а) должен(а)

¹ У Сун — персонаж романа «Речные заводы». Можно также показывать другие фразы, афоризмы, названия песен, сказок.

озвучить его. Два случая, произошедших во время этой игры, могут быть очень познавательны для изучения перевода:

1. Язык тела игрока А менее развит. Он с трудом передал игроку В информацию «У Сун убивает тигра». Язык тела игрока В очень развит, и у него талант актёра. Правильно поняв действия игрока А, он не скопировал его действия, а передал ту же информацию игроку С таким образом, чтобы тот быстрее его понял (подобно тому, как в переводе существует «передача смысла при отбрасывании формы»).

2. Игрок А передал игроку В информацию достаточно удачно подобранными жестами, но игрок В его не понял. Игроку В приходится имитировать действия игрока А по памяти, в результате чего игрок С не понял смысла полученного сообщения.

3. Другой вариант развития ситуации (2): игроку В приходится механически имитировать действие игрока А по памяти, но игрок С по этому, не вполне удачному, описанию определил значение переданного от игрока А через игрока В сообщения. Исход игры был удачным².

Можно сделать вывод о том, что у каждого человека разная способность понимать и выражать понятое. Ключ к успеху в этой игре состоит не столько в способности игроков выражать, сколько в способности понимать. Правильное понимание является предпосылкой правильного выражения. Даже при хорошо развитых актёрских способностях, не поняв изначального сообщения, невозможно правильно передать информацию. Так же происходит при переводе.

Пример № 1. Проходит месяц, другой – Паша безмолвствует. Достоевского, поглощённого сочинением «Идиота», начинает сильно тревожить это молчание. (Волгин, с. 57).

Первый перевод: 过了一个月, 另一边的巴沙一直沉默。这种沉默使正在致力于《白痴》创作的陀思妥耶夫斯基焦虑不安。

Поправленный перевод: 过了一个月, 又过了一个月, 一直没有巴沙的信。他的沉默让一心扑在《白痴》写作上的陀思妥耶夫斯基焦虑不安。

Автор первого перевода не понял значение слова «*другой*» в этом контексте. Но проверяющий переводчик, полностью поняв значение слова «*безмолвствует*» в этом контексте, отказался от глагола и предпочёл употребить предложение, чтобы точно передать исходную информацию.

Пример № 2. Обсуждая с Майковым Пашину неустроенность и неукоренённость, он в сердцах добавляет: «Какое направление,

² Это похоже на «буквальный перевод», который иногда может помочь осуществить коммуникацию. В настоящей статье это подробно не обсуждается.

какие взгляды, какие понятия, какое фанфаронство! Это типично. Но опять-таки, с другой стороны, как его оставить? Ведь ещё немного, и из этаких понятий выйдет Горский или Раскольников» (там же, с. 59).

Первый перевод: 在和迈科夫谈巴沙的不妥善和轻浮时, 他在心里补充到: “什么方向, 什么观点, 什么概念, 多么夸口! 这很典型。但是又从另一方面讲, 怎么留下他? 在戈爾斯基和拉斯科尔尼科夫身上多多少少会体现这些概念。

Проверенный перевод: 在和迈科夫谈起巴沙的不妥善和不定性时, 他生气地补充到: “都是些什么倾向! 什么观点! 什么概念! 这么夸口! 太典型了。从另一方面讲, 怎么能撇下他不管呢? 再往前走一步就是戈爾斯基和拉斯科尔尼科夫啦。

Проверяющий переводчик исправил неверно понятое первым переводчиком выражение «*в сердцах*», учитывая контекст, уточнил значение фразы «*его оставить*» и исправил неправильный перевод конструкции «из X выйдет Y». Особенно стоит отметить, что в проверяющем переводе сочетание «*ещё немного*» было переведено как 再往前走一步. Этот переводческий вариант точный, естественный и уместный.

Из этих двух примеров следует следующее: причина ошибок первого перевода заключается в том, что переводчик не понимает смысл оригинала, а не в том, что он не способен выразить мысль (подобно второму случаю из игры, где В только механически подражает действию А: *другой* > 另一边的, *в сердцах* > 在心里 и т.д.).

Два семантических треугольника в сознании переводчика

В лингвистике существует «модель семантического треугольника», которая объясняет взаимосвязь между экспонентом, сигнификатом и денотатом.

Рисунок 1

В этом треугольнике денотат является конкретным объектом действительности. Сигнификат является абстракцией, отражающей наиболее существенные признаки бесчисленных объектов. Экспонент является планом выражения лингвистического знака, то есть фонетической или письменной формой. Если сигнификат – 无色无味的透明液体，其化学分子式为 H_2O ，то экспонент – 水 (река, колодезная вода, дождь, питьевая вода, хозяйственно-бытовая вода и т.д.), денотат – 水或 /shui/³.

Переводчик мыслит на двух языках⁴. В его сознании сосуществуют два семантических треугольника. А именно:

Рисунок 2

Если мы сравним рис. 2 и 3, то мы обнаружили, что сигнификат № 2 = сигнификат № 3, денотат № 2 = денотат № 3, экспоненты при этом не равны. Таким образом, мы можем поместить два рисунка в один.

³ Исходя из этого, мы можем расширить понятие сигнификата с предмета на явление (т.е. если сигнификат — «солнце поднимается с востока», то денотат — один из законов вращения Земли вокруг своей оси и вращения Земного шара вокруг Солнца, т.е. Солнце всегда появляется с Востока, а экспонент — это текстовое предложение «Солнце поднимается с востока». Конечно, сигнификат может быть расширен на силлогизм или рассказ о каких-либо сложных процессах. Соответственно экспонент расширяется на группу предложений, абзац и текст.

⁴ В этой статье не рассматривается многоязычный перевод.

Сигнификат:
Бесцветная прозрачная жидкость; химическая формула: H_2O

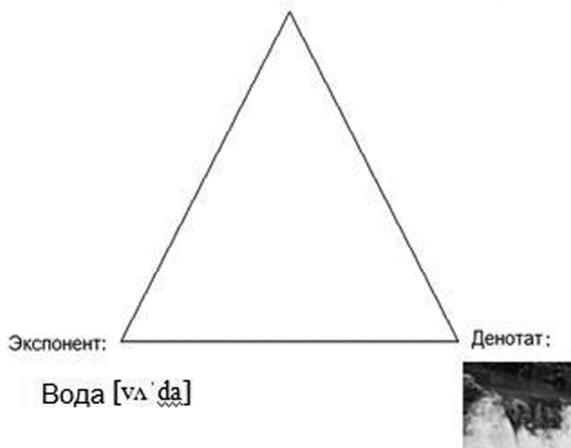

Рисунок 3

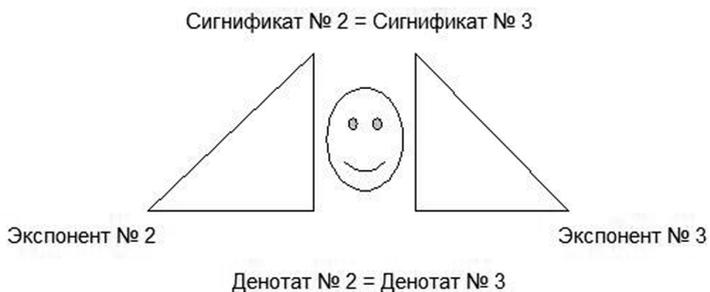

Рисунок 4

Этот рисунок также может быть упрощён:

Рисунок 5

Это полученная нами схема механизма мышления переводчика. Переводчик воспринимает информацию (через прослушивание или чтение) на языке оригинала и выражает сообщение на другом языке (через говорение или написание) после обработки информации. Здесь мы не видим процесс преобразования сигнификат № 2 → сигнификат № 3, денотат № 2 → денотат № 3, однако можем наблюдать переход экспонент № 2 → экспонент № 3. Это совпадает с видимым процессом перевода: «сырьё» — экспонент № 2, и «продукт» — экспонент № 3, при этом мы не видим сам процесс «производства». Таким образом, люди называют процесс мышления переводчика «чёрным ящиком» и думают, что этот процесс таинственный и непредсказуемый, его суть не может быть раскрыта и не допускает наблюдения изнутри. Только путём контрастивного анализа разницы между входной и выходной информацией можно предположить, каков рабочий механизм этого «чёрного ящика».

Поэтому, в настоящее время много исследований по переводу основаны на сравнении продукции языка в оригинале (на самом деле сырьевых материалов) и продукции языка в переводе. Хотя это сравнение также учитывает верность между информацией перевода и оригинала, в основном оно остановилось на уровне форм языка в оригинале и языка в переводе. В результате возникло два различных метода перевода — «буквальный перевод», «свободный перевод» и два различных способа перевода — «увеличение» и «сокращение».

Познание рабочего механизма «чёрного ящика» — механизма мышления переводчика — является наиболее важной частью исследований перевода и наиболее полезной информацией для практики и преподавания перевода. Этот процесс может быть проанализирован через эксперименты и путём исследования опыта переводчиков.

Эксперименты и результаты

Эксперимент 1. Группу, состоявшую из танцора, музыканта, художника, учителя жестового языка, корабельного сигнальщика, учителя русского языка попросили перевести стихотворение Ли Бо «Думы тихой ночью» на их профессиональные языки.

Результат 1. Резко отличаются методы, которые применили специалисты. Несмотря на разные методы изображения, все они передали основную мысль стихотворения «Думы тихой ночью» — то есть мысль стихотворения «Мысли тихой ночью», интерпретированную экспертами. При этом только учитель русского языка учитывает «увеличение» или «сокращение» слов в переводе в отличие от оригинала, а также стратегию перевода — «буквальный перевод»

или «свободный перевод». Над этими вопросами совсем не задумывались другие специалисты⁵.

Вывод 1. У человека есть много средств выражения идей и эмоций, таких как танец, живопись, музыка и т.д. Естественный язык — это только одно из этих средств, и язык каждой конкретной нации является таким средством.

Вывод 2. Эти средства, используемые для выражения идей и эмоций взаимозаменяемы. Так происходит не потому, что мелодия может быть преобразована в цвет, текст может быть преобразован в действие, а потому, что эти символы (мелодия, цвет, текст, действие) кодируют один и тот же объект (мысль или концепцию). Это обобщённый перевод.

Эксперимент 2. Вторую группу людей (тех же профессий, что и в первой) — попросили передать стихотворение Ли Бо «Думы тихой ночью» своими профессиональными языками. (Можно увеличить выборку для получения более убедительных результатов.) Сравнив результаты эксперимента 1 и эксперимента 2, мы обнаружили:

Результат 2. Резко отличаются и методы изображения разных специалистов в одной области. Например, художник китайской традиционной живописи А и художник китайской традиционной живописи Б, художник примитивной живописи и художник-акварелист.

Результат 3. Почти совпадают только средства выражения корабельных сигнальщиков А и Б. Очень близки также средства выражения двух учителей одного и того же жестового языка.

Вывод 3. Только тогда, когда символическая система относительно проста (количество символов ограничено, эквивалентность сигнификатов и экспонентов однообразна), форма «текста перевода» относительно стабильна (как сообщение, переданное двумя корабельными сигнальщиками).

Вывод 4. Люди, которые используют методы танца и живописи, совсем не учитывают добавление или сокращение символов выражения и стратегии «буквального перевода» или «свободного перевода», потому что это совершенно разные наборы символических систем. Нет никакой возможности сравнивать формы. Использована только стратегия «свободного перевода».

Вывод 5. Этот закон действителен и в языковом переводе.

⁵ Другие специалисты не рассматривали проблему, потому что рабочие языки, которые они использовали, принадлежали к совершенно другим символическим системам. Между ними не было возможности напрямую конвертироваться путём увеличения или сокращения слов. На самом деле, похожие отношения наблюдаются между русским и китайским языками. Мы не можем склонять или спрягать китайские слова, и не можем писать русские слова иероглифами.

Эксперимент 3. Госслужащего попросили передать стихотворение Ли Бо «Думы тихой ночью», используя танец, пианино, кисть, язык жестов, язык флагов, знакомый ему иностранный язык. Мы обнаружили:

Результат 4. Несмотря на его неловкость выражения в танце, всё же можно ощущать какую-то мысль. Он совсем не умеет играть на пианино. Кистью пользуется очень хорошо, хотя у него нет никаких художественных навыков, но передать идею и соответствующее настроение ему удалось. Качество перевода на язык жестов было близко к тому, которое наблюдалось в танце, сообщение на языке сигнальных флажков так же не удалось, как и игра на пианино. Передача стихотворения на английском языке далась ему легко, однако несколько слов были подобраны неудачно.

Вывод 6. При условии правильного понимания оригинального сообщения, переводчик всегда может в определённой степени выразить информацию на языке перевода, за исключением тех случаев, когда он не владеет языком перевода (например, семафор). Качество перевода прямо пропорционально уровню владения языком перевода.

Эксперимент 4. Танцора попросили исполнить стихотворение Дай Ваншу «Дождливая аллея» языком танца. Затем попросили поэта, музыканта, художника, учителя жестов языка, корабельного сигнальщика, учителя русского языка перевести это на их профессиональные языки.

Результат 5. Поэт немедленно понял содержание исполненного танца и зачитал полный текст стихотворения «Дождливая аллея». Пианист и художник реагировали на абстрактные движения танцора абстрактными звуками и красками. Учитель жестового языка механически имитировал танцевальное действие. Не поняв содержания танца, учитель русского языка неправильно перевёл текст. Корабельный сигнальщик по разным причинам не смог выполнить задание.

Вывод 7 (это подтверждение и дополнение к выводу 6). Правильное понимание информации оригинала является основой правильного перевода (например, учитель русского языка). С помощью двух сходных средств можно, используя механическое подражание, передать информацию оригинала (например, танец ↔ язык жестов).

Эксперимент 5. Переводчика высокого уровня, молодого учителя русского языка, аспиранта, студента третьего курса попросили перевести первый абзац песни «За окном»⁶ на русский язык. Резко

⁶ 今夜我又来到你的窗外，窗帘上你的影子多么可爱，悄悄地爱过你这么多年 высокого, 明天我就要离开。

отличаются формы, слова и настроения четырёх вариантов перевода. Сравним два репрезентативных варианта перевода.

Перевод студента третьего курса	Перевод переводчика высокого уровня
Сегодня вечером я пришёл к окну твоего дома, На окне я вижу красивую твою тень. Я люблю тебя тайно так много лет, А завтра уеду насовсем.	Ночью я вновь пришёл под твои окна, На шторе вырисовывается тень – как она прекрасна, Любил я тебя безмолвно столько лет... А завтра уезжаю – оставлю лишь лунный свет...

Результат 6. Текст перевода высокого уровня отражает не только глубокое понимание оригинала переводчиком, но и сильную способность контролировать текст перевода вне зависимости от формы языка оригинала. А в тексте перевода студента переданы только отдельные фразы, студент не обратил внимания на ритм и настроенные стихотворения. Его перевод является типичным буквальным переводом.

Вывод 8. При условии правильного понимания информации оригинала, чем выше уровень целевого языка у переводчика, тем свободнее у него получается перевод, и, соответственно, может быть больше формальных отклонений от оригинального текста.

Эксперимент 6. Трёх студентов четвёртого курса специальности «Русский язык» и трёх студентов четвёртого курса специальности «Физика» со знанием русского языка попросили перевести Закон Паскаля⁷.

Результат 7. Наилучший текст перевода студента по специальности «Русский язык»: 外力给液体表面造成的压力由液体均匀地传提到各个方向。 Один из студентов физического факультета не понял задания из-за низкого уровня знания русского языка. Другие два студента с точностью перевели Закон Паскаля⁸.

Вывод 9. Понимание является наиболее важным звеном перевода. В эксперименте 6, хотя студенты по специальности «Русский язык» лучше понимают язык оригинала, но всё же неправильно перевели текст из-за недостаточного знания физики. В результате в тексте перевода возникло две неточности – 压力和均匀, и отсутствовало условие – 密闭. Хотя в этом случае профессионал может понять, что речь идёт о законе Паскаля, но для успешного понимания необходимы собственные профессиональные знания и адекватная оценка знаний переводчика.

⁷ Закон гидростатики, согласно которому давление на поверхность жидкости, произведённое внешними силами, передаётся жидкостью одинаково во всех направлениях.

⁸ 帕斯卡定律: 加在密闭液体上的压强大小不变地由液体向各个方向传递。

Таким образом, как показано на рисунке 5, механизм мышления переводчика является процессом, в котором переводчик принимает информацию, закодированную в экспоненте № 2, на языке оригинала, потом соотносит её с пониманием информации (то есть сигнификат № 2 в сознании в определённом смысле является сигнификатом № 3), а затем выражает сигнификат № 3 на языке перевода. Это самый основной принцип.

Поскольку переводчик работает на двух языках, а сам язык представляет собой очень сложную систему символов, фактическая работа по переводу демонстрирует более сложную ситуацию.

Таким образом, причины осложнения перевода заключаются в следующем: 1) культурные различия; 2) языковые различия; 3) различия в способах мышления; 4) различия в индивидуальном понимании и выражении; 5) различия способности индивидуума понимать и выражать мысли. Каждая из этих причин требует специальных углублённых исследований.

Список литературы

- Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л.С. Бархударов. М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
- Barhudarov, L.S.* Yazyk i perevod (Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda) [Language and translation (Questions of general and particular theory of translation)], Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1975. 240 p. (in Russian).
- Bassnett, S.* Translation Studies. London: Routledge, 2002. 176 p.
- Виноградов В.С.* Введение в переводоведение. Общие и лексические вопросы / В.С. Виноградов М.: ИОСО РАО, 2001. 224 с.
- Vinogradov, V.S.* Vvedenie v perevodovedenie. Obshchie i leksicheskie voprosy [Introduction to translation studies. General and lexical questions], Moscow: IOSO RAO, 2001. 224 p. (in Russian).
- Волгин И.Л.* Сага о Достоевских / Октябрь. 2009. № 1. С. 57–59.
- Volgin I.L.* Saga o Dostoevskih. I.L. Volgin. *Oktjabr'*, 2009, No. 1, pp. 57–59 (in Russian).
- Комиссаров В.Н.* Общая теория перевода. М.: ЧеРо, 1999. 136 с.
- Komissarov, V.N.* Obshchaya teoriya perevoda [General theory of translation]. Moscow: СHeRo, 1999. 136 p. (in Russian).
- Nida, Eugene A.* Toward the Science of Translation. Leiden, E.J. Brill, 1964. 331 p.
- Seleskovich, D., Lederer, M.* Interpréte pour traduire, Paris: Didier Érudition. 1984. 311 p.
- 黄忠廉, 李亚舒. 科学翻译学[M]. 北京: 中国对外翻译出版公司, 2004. *Хуан Чжунлиань, Ли Яшу* (Huang Zhonglian, Li Yashu). Научное исследование перевода [Scientific translation studies]. Пекин: Китайская переводческая корпорация, 2004. 444 p. (in Chinese).

Юе Жуйин, аспирантка Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: alina_yueruiying@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ ШКОЛЫ УСТНОГО ПЕРЕВОДА

В данной статье рассматриваются основные черты современной российской школы устного перевода. Актуальность внимания китайских исследователей к русской школе перевода обусловлена прежде всего стремительным развитием отношений между Российской Федерацией и Китайской народной республикой в области политики, экономики, культуры, науки и образования, необходимостью обеспечить взаимопонимание в диалоге между Россией и Китаем, а также интересом науки о переводе к формированию новых подходов и эффективных методик обучения. Цель статьи – рассмотреть основные периоды становления российской школы устного перевода, выстроить историю развития устного перевода в России в XX–XXI вв. На основе проведённого анализа автор делает вывод о том, что для советской и для унаследовавшей её образовательные традиции современной российской школы характерны уникальные особенности, отличающие их от западных школ перевода.

Ключевые слова: советская школа устного перевода, современная русская школа устного перевода, теория перевода, дидактика перевода.

Yue Ruiying, Postgraduate Student at the Higher School of Translation and Interpreting, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: alina_yueruiying@mail.ru

FEATURES OF THE RUSSIAN SCHOOL OF INTERPRETING

This article examines the main features of the modern Russian school of interpreting. The relevance of Chinese researchers' attention to the Russian translation school is primarily due to the rapid development of relations between the Russian Federation and the People's Republic of China in the field of politics, economy, culture, science and education, the need to ensure mutual understanding in the dialogue between Russia and China, and also professional translators' interest in the formation of new approaches and effective teaching methods. The purposes of the article are to consider the main periods of the formation of the Russian school of interpreting, to build a history of the development of interpreting in Russia in the 20th and 21st centuries. On the basis of the analysis, the author concludes that the Soviet school as well as the modern Russian school which has inherited educational traditions from the Soviet one, both have unique features that distinguish them from Western translation/interpreting schools.

Key words: Soviet school of interpretation, Modern Russian school of interpretation, translation theory, translation didactics.

Введение

В современном научном знании о переводе всё большую актуальность приобретают вопросы, связанные с теорией и методологией устного перевода. Это обусловлено, прежде всего, стремительным внедрением в переводческую деятельность новейших и всё более совершенных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), меняющих профиль профессионального переводчика.

Особый интерес представляет частная теория устного перевода в комбинации русский язык – китайский язык в силу того, что отношения между Российской Федерацией и Китайской народной республикой стремительно развиваются в области международной политики, экономики, культуры, науки и образования. Массовая подготовка переводчиков в комбинации русский язык – китайский язык требует от китайских исследователей пристального внимания к тому, как сложилась современная российская школа перевода, какие традиции она переняла от советской школы, как развивается она в современных условиях глобализации образовательного пространства, основанных на Болонских соглашениях.

Происходящая сегодня смена парадигмы в науке о переводе – от лингвистической к трансдисциплинарной [Garbovskiy, Kostikova, 2012; Гарбовский, 2015а] приводит к некоторым изменениям как технологии устного перевода, так и методики обучения устному переводу. Во-первых, методика становится более содержательной и ёмкой. Во-вторых, она начинает вбирать в себя знания, связанные не только со структурными и функциональными особенностями языков, но и с обширным кругом представлений о всём комплексе проблем устного перевода, что, естественно, делает его изучение особенно актуальным.

Специфика устного перевода в советской и российской школах рассматривалась целым рядом учёных, среди которых следует назвать основоположников советской школы устного перевода Р.К. Миньяр-Белоручева, М.Я. Цвиллинга, Г.В. Чернова, Л.А. Черняховской, А.Д. Швейцера, А.Ф. Ширяева, а также исследователей современной России И.С. Алексеевой, Н.К. Гарбовского, Н.К. Дупленского, Г.Э. Мирама, П.Р. Палажченко, А.П. Чужакина и др. Однако с точки зрения комплексного анализа, особенности русской школы устного перевода рассмотрены и изучены недостаточно полно и досконально, что, в свою очередь, приводит к определённым трудностям на уровне формирования новых подходов и методик обучения этому виду речевой деятельности.

Таким образом, предметом нашего исследования является специфика русской школы устного перевода в советский и постсовет-

ский периоды. Цель статьи – рассмотреть основные периоды становления русской школы устного перевода и тем самым выстроить определённую, хронологически устроенную историю развития устного перевода в России в XX–XXI вв.

1. Специфика советской школы устного перевода

Советская школа устного перевода, как и перенявшая её основные традиции российская школа, имеет ряд специфических свойств и особенностей, отличающих их от западных аналогов. В основе советской традиции лежит то обстоятельство, что существует единая концепция перевода как когнитивно-лингвистической деятельности, проявляющейся главным образом в двух видах, различающихся способами восприятия и порождения речи.

Таким образом, термин «перевод» охватывает как устный, так и письменный перевод. Для того, чтобы различить эти виды, необходимо добавить прилагательные «устный» (т.е. устный перевод) или «письменный» (письменный перевод). Аналогичным образом обозначается и разновидность устного перевода – «синхронный перевод» [см.: Garbovskiy, 2015b: 391–392].

Эта особенность проявляется при подготовке профессиональных переводчиков. Как отмечает Н.К. Гарбовский, переводчики могут обучаться двумя путями. Первый предполагает длительный многолетний процесс полного университетского образования, в котором сопрягаются в едином стремлении к формированию высокообразованной личности общая гуманитарная подготовка, обучение иностранным языкам и развитие собственно переводческих навыков. Второй путь, более прагматичный, но и более ограниченный по своему содержанию, ориентирован на подготовку переводчиков по различным краткосрочным программам. Большинство краткосрочных программ изначально предполагают специализацию либо на устном, либо на письменном переводе. Напротив, многолетние программы университетского образования, составляющие основу российской системы подготовки профессиональных переводчиков, такого деления не предполагают, и будущие переводчики приобретают навыки как письменного, так и устного перевода [Гарбовский, 2013: 36–38].

Советская школа устного перевода зарождается в 40-е годы XX в., когда в ответ на вызовы международной политики начинают создаваться первые учебные заведения, специально ориентированные на подготовку профессиональных переводчиков. Однако, как и всякое научное знание, она начинается с эмпирической стадии. В тот начальный период устный синхронный перевод ещё не рассматри-

вается как особый вид речемыслительной деятельности. В международной коммуникации даже на конференциях доминирует последовательный перевод, который представляется ещё «скорее, как некая алхимия, нежели чем специфическая деятельность, которую следует изучать, описывать разрабатывать методику» [Гарбовский, 2015: 8].

Эмпирическая стадия научного знания об устном переводе завершается лишь к концу 50-х годов прошлого века. Знаменательной вехой, свидетельствующей о переходе к новой, собственно теоретической, стадии в науке об устном переводе следует считать малоизвестную работу Р.К. Миньяра-Белоручева «Методика обучения переводу на слух», опубликованную в 1959 г. [Миньяр-Белоручев, 1959]. Обращение автора к проблемам обучения переводу на слух наглядно показывает дидактическую направленность советской научной школы переводческой деятельности. Исследования переводческой деятельности ведутся, прежде всего, в интересах обучения переводу [Гарбовский, 2015: 9].

Р.К. Миньяр-Белоручев сосредоточил своё внимание на разных сторонах психической деятельности переводчика в ходе осуществления перевода. «Таковыми основными сторонами сложной психической деятельности переводчика являются: во-первых, восприятие и понимание текста подлинника; во-вторых, специальные переводческие навыки; в-третьих, воспроизведение оригинала средствами другого языка в виде письменного или устного оформления. Кроме того, в переводе на слух, где мы не имеем перед глазами текста подлинника и где чаще всего нет возможности повторить рецепцию, большое значение имеет и такая сторона психической деятельности человека, как память» [Миньяр-Белоручев, 1959: 6].

На основании изучения этих сторон психической деятельности переводчика Р.К. Миньяр-Белоручев построил оригинальную методику обучения переводу на слух, придерживаясь принципа «от малого к большому», «от простого к сложному». Отстаивая принцип постепенности, автор привёл в систему разнообразные упражнения, направленные на повышение переводческой компетенции учащихся, для их использования на определённых этапах обучения, соответствующих уровням овладения переводческими навыками учащихся.

Воспитание субъективной активности у учащихся является исключительно важным моментом в целом процессе обучения переводу на слух. Р.К. Миньяр-Белоручев подчеркнул: «Построение курса обучения переводу на слух должно основываться на важнейших дидактических принципах, принятых и разработанных советской методикой. Эти принципы следует проводить во всех упражнениях

и видах работ, используемых в процессе обучения, учитывать их повседневно, на каждом очередном уроке. Речь идёт прежде всего о таких дидактических принципах, как принципы воспитывающего обучения, сознательности, наглядности, активности, систематичности, доступности» [там же: 61–62].

Следует отметить, что данная научная работа, выполненная Р.К. Миньяр-Белоручевым, служит междисциплинарным исследовательским трудом, отвечавшим системе образования в Советском Союзе. Данная работа, объединяющая теорию устного перевода с методикой в интересах практики обучения переводчиков, заложила теоретическую основу для развития советской школы устного перевода.

Периодом расцвета советской научной школы устного перевода можно считать 60–80 годы XX в. Устные переводчики, переводчики международных конференций накопили достаточный опыт, чтобы построить теоретические модели этой деятельности [Гарбовский, 2015: 10]. Глубокие исследования проблем теории и практики синхронного перевода начались лишь в шестидесятых годах [Ширяев, 1979: 7].

А.Ф. Ширяев в монографии «Синхронный перевод. Деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода», рассматривая синхронный перевод как деятельность и используя методику экспериментального исследования, изложил динамические аспекты синхронного перевода с помощью целой серии схем, график и научных данных. Автор построил комплексную модель синхронного перевода и предложил методику обучения синхронному переводу, разработав систему упражнений.

А.Ф. Ширяев уделил большое внимание параллельности процессов восприятия исходного текста и порождения текста на языке перевода. «В синхронном переводе существует несколько режимов совмещения во времени процессов восприятия речи оратора и порождения речи на языке перевода. <...> Восприятие речи оратора в периоды произнесения речи на языке перевода обеспечивается совместным функционированием целого ряда механизмов, конкретная комбинация которых зависит от особенностей личности переводчика. <...> Адекватное прогнозирование переводчиком возможного развёртывания и исхода высказывания оратора позволяет ему воссоздавать в своём сознании содержание и форму исходного высказывания на основе восприятия отдельных, наиболее информативных фрагментов» [там же: 68–69].

Рассматривая темпоральные характеристики деятельности синхронного переводчика, А.Ф. Ширяев отметил, что темп речи переводчика зависит от темпа речи оратора, но обычно не совпадает

с ним. Переводчик стремится выдерживать оптимальный для себя темп речи, который располагается в нижней части диапазона среднего темпа публичной речи на языке перевода. Временные ограничения, налагаемые на деятельность синхронного переводчика, обуславливают подстраивание переводческих действий к ним как в психологическом, так и лингвистическом плане [там же: 80–81].

Г.В. Чернов также исследует синхронный перевод с позиций советской психолингвистики. Г.В. Чернов предложил методологические принципы изучения синхронного перевода, в частности, принципы уровневой иерархии, динамичности, кумулятивности и дискретности [см.: Чернов, 1987: 31–32].

Автор рассматривал синхронный перевод как деятельность, осуществляемую в условиях дефицита времени и строгой ограниченности объёма перерабатываемой информации [там же: 38]. Он построил вероятностно-прогностическую модель синхронного перевода, опираясь на понятия избыточности речи, грамматического и семантического согласования как основы для вероятностного прогнозирования в синхронном переводе.

Вероятностное прогнозирование понимается как «...иерархическая система трёх уровней – уровня лингвистической вероятности сочетания двух слов как наименьшей смысловой единицы..., уровня вероятности смысловых связей внутри предложения и уровня вероятности предикативных отношений во всём сообщении» [Зимняя, Чернов, 1970: 112].

В применении к синхронному переводу суть идеи вероятностного прогнозирования сводится к тому, что в процессе слухового восприятия речи мозгом переводчика выдвигаются гипотезы о том или ином смысловом или вербальном развитии, или завершении намерений автора. Выдвижение таких гипотез осуществляется на основе подсознательной субъективной оценки вероятностей дальнейшего развития данной смысловой или вербальной ситуации [Чернов, 1987: 128].

Миньяр-Белоручев, Ширяев, Чернов стояли у истоков советской научной школы устного перевода. Экспериментальные исследования деятельности устных переводчиков, предпринятые этими исследователями, позволили построить образовательные модели подготовки переводчиков, которые успешно используются и в современной российской образовательной системе [Гарбовский, 2015: 16].

Ещё одним выдающимся учёным в области науки о переводе в советское время является Л.А. Черняховская. В своей основной работе «Перевод и смысловая структура» [Черняховская, 1976] на основе анализа языковой структуры высказываний на русском

и английском языках, автор описал специфические особенности речевой структуры как в русской, так и в английской речи, построил модели преобразований речевых структур при переводе с русского языка на английский посредством рассмотрения внутренних членов предложений в комбинации русский язык – английский язык.

Автор стремился показать, что при переводе в первую очередь сохраняются именно компоненты информационной структуры, и рассмотреть те языковые средства, с помощью которых осуществляется их сохранение [там же: 64]. Информационная структура – структура содержания высказывания – при переводе сохраняется неизменной. Это означает, в частности, что смысловые группы, имевшие в русском варианте высказывания функции темы и ремы, должны сохранить эти функции и в английском варианте, в противном случае содержание высказывания может исказиться [там же: 68].

В русском языке, как известно, порядок слов относительно свободный (грамматически не фиксированный). Размещение смысловых единиц на различных позициях в предложении, однако, не является свободным. При переводе на английский язык, то есть при изменении плана выражения высказывания, осуществляются самые разнообразные перестройки речевой структуры [там же: 67]. И в русском, и в английском вариантах высказывания компоненты информационной структуры высказывания располагаются по принципу нарастания коммуникативной нагрузки к концу высказывания [там же: 72].

По мнению Л. А. Черняховской, создание адекватного перевода возможно даже в случае, если оратор использует в речи незнакомые фразеологические обороты и термины. Для этого необходимо развивать у студента собственную фантазию, позволяющую угадать мысли оратора и, по возможности не искажая сути, перевести их присутствующим [там же: 34–71]. Ведущим принципом Черняховской в устном переводе является творческая составляющая. Ориентация на простое механическое воспроизведение речи будет постоянно ставить переводчика в тупик, особенно тогда, когда сам оратор – неординарная личность.

А.Д. Швейцер даёт общее представление об уровне теоретических и практических знаний в устном переводе. В центре внимания его монографии «Перевод и лингвистика» [Швейцер, 1973] находятся проблемы современного перевода, связанные с общелингвистическими, семантическими, стилистическими и прагматическими аспектами. Автор полагает, что без учёта этих аспектов невозможно достичь совершенства в профессии и стать её признанным мастером. По мнению А.Д. Швейцера, начинающий пе-

реводчик должен ориентироваться в своей профессии на опыт прошлого, анализировать ошибки и достижения своих предшественников, изучать существующие российские и зарубежные методики устного перевода и совершенствовать своё собственное профессиональное мастерство [там же: 54–77].

М.Я. Цвиллинг ориентировал студенческую аудиторию на мастерство устного перевода, полагая, что предела в совершенствовании профессиональных навыков просто нет. По его мнению, «идеал – это когда ты не просто переводишь, а опережаешь мысли оратора» [Цвиллинг, 2009: 115–129].

В целом, в основе советской школы устного перевода лежала дидактическая концепция советского переводоведения, построенная преимущественно на базе «общей теории перевода», которая изучала вопросы, общие для всех видов перевода, формировала общие категории науки о переводе, развивала системы приёмов и модели перевода (денотативная, трансформационная и т.д.). При этом исследования устного перевода как особой формы речевой деятельности составили второстепенную парадигму советской научной школы [Гарбовский, 2013: 37–40].

2. Особенности современной российской школы устного перевода

Для современной российской школы устного перевода характерны особенности глобализации экономических, политических, правовых и отчасти образовательных процессов (процесс глобализации неизбежно приводит к унификации средств речевого взаимодействия, которая создаёт упрощение коммуникации в международном общении) [Суворова, 2014: 64–68]. При этом российская школа устного перевода стремится к тому, чтобы обучить переводчика навыку передачи многообразия «чужого» мира (это особо ценное качество переводчика на сегодняшний день), а также привить обучающимся стремление не только к познанию «чужого», но и к умению представить и объяснить «себя», свою культуру представителям «чужого» мира.

Современная российская школа устного перевода, сложившаяся к концу XX века на основе специфических культурных традиций, по мнению мирового профессионального сообщества, обладает весьма высокими профессиональными компетенциями [Митрофанова, Дерябина, 2016: 150–153]. Различные инновационные методы и подходы, которые сегодня всё чаще используются российской школой при подготовке переводчиков, позволяют сформировать точки соприкосновения традиционной российской системы обуче-

ния с системами различных зарубежных переводческих школ, тем самым выстроить эффективную образовательную модель.

Трансформируется техника перевода, что в корне меняет подходы к обучению. Меняются представления о навыках переводчика, о степени заучивания, о характере тренировок, о самом содержании обучения. Задача «запомнить» в обучении меняется на задачу «найти». Таким образом, современная российская школа устного перевода определяется, прежде всего, новыми представлениями о самой личности переводчика, который, в свою очередь, осознаёт возможности перевода и владеет современными инструментами поиска и обработки информации.

Профессиональный современный перевод ориентирован, прежде всего, на поддержание высокого уровня перевода, максимально приближенного к оригиналу. Этому способствуют:

- переподготовка действующих переводчиков с оглядкой на лучшие образцы;
- повышение образовательного уровня, в том числе и новичков, на теоретических и практических семинарах;
- изучение зарубежных и российских методик устного перевода;
- общение в профессиональной среде;
- учёт рекомендаций мастеров профессии.

И.С. Алексеева в своей монографии «Профессиональный тренинг переводчика», опубликованной в издательстве «Союз» в 2001 г. [Алексеева, 2001] подробно описала методику обучения устному переводу, которую можно рассматривать как методический ориентир для преподавательского состава и в равной степени справочное пособие для профессиональных переводчиков. Основным мотивом данного учебного пособия является призыв к постоянному изучению профильного языка и его обязательному применению на практике.

П.Р. Палажченко, основываясь на собственном опыте работы в Совете Европы, ООН и на всевозможных международных и всероссийских конференциях утверждает, что настоящее мастерство переводчика приходит только с пониманием не только предмета перевода, но и особенностей характера коммуникантов: «Переводчик должен не просто понимать, но и ощущать человека, слова и мысли которого ты собираешься переводить» [Палажченко, 1999: 35–60].

А. Фалалеев делает упор на автоматизм использования переводчиком навыков устного перевода. Он полагает, что «профессионал обязан довести выполнение работы до автоматизма, для этого он должен не только знать иностранный язык, но и мыслить на

нём» [Фалалеев, Малофеева, 2014: 94–112]. При обучении языку А. Фалалеев предлагает делать основной упор не на теорию устного перевода, а на практические навыки, решение определённых переводческих задач, которые могут возникнуть в процессе перевода.

А.П. Чужакин полагает, что устный перевод – это не характеристика мастерства переводчика, а только условия, в которых он вынужден действовать [Чужакин, 1999].

Как показывает анализ работ российских исследователей и преподавателей устного перевода, современные исследования этой разновидности специальной речевой деятельности имеют прикладной характер.

В современной российской науке о переводе постсоветского периода экспериментальные исследования и теоретические модели деятельности устного переводчика, к сожалению, весьма редки. В то же время их методологическая значимость очевидна, так как анализ действий устных переводчиков, поддающийся непосредственному наблюдению, способен раскрыть многие важнейшие аспекты переводческой деятельности в целом [Гарбовский, 2015: 16].

Заключение

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что для советской и для унаследовавшей её образовательные традиции современной российской школы характерны уникальные особенности, отличающие их от западных школ перевода.

Советская школа устного перевода формировалась как ветвь общей теории перевода. В её основе лежала дидактическая концепция, которая и предопределяла специфику подготовки переводчиков, и в целом практику перевода. Теория перевода при этом разрабатывалась зачастую самими переводчиками, которые опирались на свой собственный опыт практической работы. Современная российская школа устного перевода определяется, главным образом, за счёт определённых представлений о самом переводе (рассмотрении его в контексте той или иной культуры), а также личности переводчика, который должен осознавать возможности перевода и владеть современными инструментами поиска и обработки информации. При этом современный переводчик – это специалист, постоянно совершенствующий навыки устного перевода, не просто знающий иностранный язык, а думающий на нём, использующий при переводе различные сложные лексические единицы, фразеологические обороты и термины, обладающий творческой фантазией и т.д.

Список литературы

- Алексеева И.С.* Профессиональный тренинг переводчика // Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей / И.С. Алексеева. СПб.: Союз, 2001. 287 с.
- Alekseeva, I.S.* Professional'nij trening perevodchika [Professional Training of Translators-Interpreters]. Uchebnoe posobie po ustnomu i pis'mennomu perevodu dlja perevodchikov i prepodavatelej. I.S. Alekseeva. St. Petersburg: Sojuz, 2001. 287 p. (in Russian).
- Гарбовский Н.К.* Российская школа перевода: традиции и вызовы XXI века // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2013. № 4. С. 36–51.
- Garbovskiy, N.K.* Rossijskaja shkola perevoda: tradicii i vyzovy XXI veka [Russian School of Translation and Interpretation: Traditions and New Challenges]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 22. Teorija perevoda*, 2013. No. 4, pp. 36–51 (in Russian).
- Гарбовский Н.К.* Теория и методология устного перевода: традиции отечественной школы // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2015а. № 2. С. 3–16.
- Garbovskiy, N.K.* Teoriya i metodologiya ustnovo perevoda: tradicii otechestvennoi shkoly [Theory and Methodology of Interpreting: Traditions of Russian School]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 22. Teorija perevoda*, 2015a. No. 2, pp. 3–16 (in Russian).
- Гарбовский Н.К.* Системологическая модель науки о переводе. Трансдисциплинарность и система научных знаний // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2015b. № 1. С. 3–20.
- Garbovskiy, N.K.* Sistemologicheskaya model' nauki o perevode. Transdisciplinarnost' i sistema nauchnyh znaniy [Sistemological Model of Translatology: Transdisciplinarity and the System of Scientific Knowledge]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, Seria 22, Teorija perevoda*, 2015b. No. 1, pp. 3–20 (in Russian).
- Зимняя И.А., Чернов Г.В.* К вопросу о роли вероятностного прогнозирования в процессе синхронного перевода. Вопросы теории и методики преподавания перевода. Тезисы Всесоюзн. конф. 12–14 мая 1970 г. Ч. I. М., 1970.
- Zimnyaya, I.A., Chernov, G.V.* K voprosu o roli veroyatnostnogo prognozirovaniya v processe sinhronnogo perevoda. Voprosy teorii i metodiki prenodavaniya perevoda [On the Role of Probabilistic Forecasting in the Process of Simultaneous Interpretation. Questions of Theory and Methodology of Teaching Simultaneous Interpretation]. *Tezisy Vsesoyuzn. konf. 12–14 maya 1970 g. Ch. I.* Moscow, 1970 (in Russian).
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Методика обучения переводу на слух. М.: Изд. Института Международных отношений, 1959.
- Min'jar-Beloruchev, R.K.* Metodika obucheniya perevodu na sluh [Methods of Teaching to Translate by Oral Form]. Moscow: Izd. Instituta Mezhdunarodnyh otnoshenii, 1959 (in Russian).

- Митрофанова И.И., Дерябина С.А.* Язык как основа формирования коммуникативно-культурной личности // Международный научно-исследовательский журнал, 2016. Выпуск № 9 (51). С. 150–153.
- Mitrofanova, I.I., Derjabina, S.A.* Jazyk как основа formirovanija kommunikativno-kul'turnoj lichnosti [Language as the Basis for the Formation of Communicative and Cultural Personality]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*, 2016. Vyp. No. 9 (51), pp. 150–153 (in Russian).
- Палажченко П.Р.* Мир перевода / П.Р. Палажченко. М.: Валент, 1999. 192 с.
- Palazhchenko, P.R.* Mir perevoda [World of Translation and Interpretation]. P.R. Palazhchenko. Moscow: Valent, 1999. 192 p. (in Russian).
- Суворова С.Л.* Современное языковое образование с позиций межкультурной лингводидактики // Вестник ЮУГУ, 2014. С. 64–68.
- Suvorova, S.L.* Sovremennoe jazykovoe obrazovanie s pozicij mezhkul'turnoj lingvodidaktiki [Modern Language Education from the Standpoint of Intercultural Linguodidactics]. *Vestnik JuUGU*, 2014, pp. 64–68 (in Russian).
- Фалалеев А., Малофеева А.* Упражнения для синхрониста. Зелёное яблоко / А. Фалалеев, А. Малофеева. СПб.: Высшая школа перевода, 2014. 187 с.
- Falaleev, A., Malofeeva, A.* Uprazhnenija dlja sinhronista. Zelenoe jabloko [Exercises for Simultaneous Interpreters]. A. Falaleev, A. Malofeeva. St. Petersburg: Vysshaja shkola perevoda, 2014. 187 p. (in Russian).
- Федоров А.* Введение в теорию перевода. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1953. 336 с.
- Fedorov, A.* Vvedenie v teoriju perevoda. Moscow: Izdatel'stvo literatury na inostrannyh jazykah, 1953. 336 p. (in Russian).
- Цвиллинг М.Я.* О переводе и переводчиках. Сборник научных статей / М.Я. Цвиллинг. М.: Восточная книга, 2009. 286 с.
- Cvilling, M.Ja.* O perevode i perevodchikah [About translation and translators]. Sbornik nauchnyh statej. M.Ja. Cviling. Moscow: Vostochnaja kniga, 2009. 286 p. (in Russian).
- Чернов Г.В.* Основы синхронного перевода. М.: Высш. шк., 1987. 256 с.
- Chernov, G.V.* Osnovy sinhronnogo perevoda [Basics of Simultaneous Interpretation]. Moscow: Vyssh. shk., 1987. 256 p. (in Russian).
- Черняховская Л. А.* Перевод и смысловая структура. М.: Изд-во Международные отношения, 1976. 264 с.
- Chernyahovskaya, L.A.* Perevod i smyslivaya struktura. Moscow: Izd-vo Mezhdunarodnye otnosheniya, 1976. 264 p. (in Russian).
- Чужакин А.П.* Прикладная теория устного перевода и переводческой скорописи. Мир перевода-7. Курс лекций (2-е издание) / А.П. Чужакин. М., 1999. 230 с.
- Chuzhakin, A.P.* Prikladnaja teorija ustnogo perevoda i perevodcheskoj skoropisi [Applied Theory of Interpretation and Note-Taking]. Mir perevoda-7. Kurs lekcij (2-e izdanie). A.P. Chuzhakin. Moscow, 1999. 230 p. (in Russian).
- Чужакин А., Палажченко П.* Мир перевода, или Вечный поиск взаимопонимания. Курс лекций (2-е издание) / А.П. Чужакин, П.Р. Палажченко. М., 1999. 192 с.

- Chuzhakin, A., Palazhchenko, P.* Mir perevoda, ili Vechnyj poisk vzaimoponimaniya [World of Translation and Interpretation or the Eternal Search for Mutual Understanding]. Kurs lekcij (2-e izdanie). A.P. Chuzhakin, P.R. Palazhchenko. Moscow, 1999. 192 p. (in Russian).
- Швейцер А.Д.* Перевод и лингвистика [заголовок на английском языке]. Учебник / А.Д. Швейцер. М.: Воениздат, 1973. 280 с.
- Shvejcer, A.D.* Perevod i lingvistika. Uchebnik [Translation and Linguistics]. A.D. Shvejcer. Moscow: Voenizdat, 1973. 280 p. (in Russian).
- Ширяев А.Ф.* Синхронный перевод. Деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода. М.: Воениздат, 1979. 183 с.
- Shirjaev, A.F.* Sinhronnyj perevod. Deyatel'nost' sinhronnogo perevodchika i metodika prepodavaniya sinhronnogo perevoda [Simultaneous Interpretation. Simultaneous Interpreter and Methodology of Teaching Simultaneous Interpretation]. Moscow: Voenizdat, 1979. 183 p. (in Russian).
- Garbovskiy, Nikolay.* Soviet School. Routledge Encyclopedia of Interpreting Studies (Hardback). Edited by Franz Pöchhacker. London and New York: Routledge, 2015 b, pp. 391–392.
- Garbovskiy, Nikolay, Kostikova, Olga.* Science of Translation Today: Change of Scientific Paradigm. Meta: journal des traducteurs. Meta: Translators' Journal, vol. 57, No. 1, 2012, pp. 48–66.

МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

Гу Хонфэй, доктор филологических наук, профессор Института иностранных языков и культуры Сямэньского университета, г. Сямэнь, КНР; e-mail: hongfeigu@126.com

Ли Сюаньин, магистр Института иностранных языков и культуры Сямэньского университета, г. Сямэнь, КНР; e-mail: 306427943@qq.com

О СТРАТЕГИЯХ РУССКО-КИТАЙСКОГО УСТНОГО ПЕРЕВОДА НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА СВЯЗНОСТИ ТЕКСТА¹

Статья посвящена рассмотрению стратегий в русско-китайском устном переводе на основе анализа связности текста. Автор отмечает, что с помощью анализа различия и тождества русского и китайского языков в аспекте применения средств связи мы можем узнать степень отклонения перевода от оригинала и оценить коммуникативную эффективность устного перевода. Данное исследование может способствовать дальнейшему развитию теории устного перевода, повысить степень изученности устного перевода, а также усовершенствовать педагогическую модель устного перевода, в результате чего повысится качество устного перевода.

Ключевые слова: русский и китайский тексты, связность текста, стратегия устного перевода.

Gu Hong-fei, Ph.D., Professor at the College of Foreign Languages and Cultures of Xiamen University, Xiamen, PRC; e-mail: hongfeigu@126.com

Li Xuan-ying, Master at the College of Foreign Languages and Cultures of Xiamen University, Xiamen, PRC; e-mail: 306427943@qq.com

A STUDY OF RUSSIAN-CHINESE INTERPRETATION BASED ON THE ANALYSIS OF DISCOURSE COHERENCE

This article studies strategies of Russian-Chinese interpretation based on the analysis of discourse coherence. The authors note that through studying and comparing the coherence in Russian and Chinese discourses, the degree of deviation between the source language and the target language can be measured. Meanwhile, the efficiency of interpreting can be accurately evaluated. This research attempts to contribute to further studies of interpretation, including theoretical and practical development in this research field, as well as to improve the quality of training programs. Thus, the quality of interpreting can be improved both theoretically and practically.

Key words: Russian and Chinese discourses, discourse coherence, strategies of interpretation.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке общественного научного фонда КНР (14BYU157). Проект «Устный перевод с русского языка на китайский на теоретических основах лингвистики текста».

Текст является одним из видов коммуникативных единиц в языке. Он представляет собой объединённую смысловую связью последовательность знаковых единиц [Лингвистический словарь, 1990: 507]. Среди всех проблем, связанных с характеристикой текста, ключевым вопросом для лингвистов является связность текста. Это объясняется тем, что она как один из конструктивных и главных признаков текста отражает свойство содержания и структуры текста, благодаря которому все элементы текста непосредственно или опосредованно взаимосвязаны в единое целое.

Текст может существовать и в письменной, и в устной формах. Но до сих пор изучение текста для перевода в Китае было практически сосредоточено на письменном переводе, а в устном переводе оно развивается довольно медленно. Причём подробное освещение текста для перевода путём сравнения связности текста русского языка с китайским встречается относительно редко. Не упоминаются также и переводческие стратегии в русско-китайском устном переводе на основе анализа связности текста. Таким образом, актуальность нашего исследования определяется необходимостью всеобъемлющего анализа связности текста оригинала на русском языке и сопоставления её в тексте устного перевода на китайский язык, а также необходимостью детального рассмотрения переводческих трансформаций, которые направлены на воссоздание связности текста оригинала в переводе.

1. Соотношение связности текста и устного перевода

Связность должна быть наиважнейшим объектом теории устного перевода, поэтому наиболее важной задачей для устного переводчика считается как полное воспроизведение содержания отдельных единиц оригинала, так и сохранение единства смысла текста, адекватная передача характеристики связности между отдельными предложениями. [Атултанова, 2006: 4]. При этом требуется, чтобы переводчик достиг эквивалентности на максимально возможном уровне, включая конструкцию связности в переводе путём анализа средств связи оригинального текста. Чтобы обеспечить коммуникацию между собеседниками, переводчику необходимо иметь способность создавать текст со всеми признаками и особенностями текста. Текстовая компетенция подразумевает, что переводчик должен уметь соединять различные компоненты, связанные друг с другом по смыслу, в единый текст. Этот процесс осуществляется посредством лексической когезии и стилистическими средствами. [Bachman, 1990: 87].

Текстовый анализ ограничивает конкретный процесс устного перевода. С помощью анализа различия и тождества двух языков в аспекте применения средств связи переводчик может узнать степень искажения и отклонения перевода от оригинала и оценить коммуникативную эффективность устного перевода после того, как будет проведено подробное сопоставление, анализ и статистические подсчёты средств связи в оригинале и переводе, в том числе будут проанализированы часто используемые средства связи, включая референцию, субституцию и лексические повторы, эллипсис и т.д. В данной статье материалами для анализа являются «Выступление В.В. Путина на открытии Года китайского туризма в России 2013» и «Выступление В.В. Путина 9 Мая 2015 года на Красной площади»².

2. Сравнение и анализ средств связи в русском и китайском текстах по устному переводу

А. Референция местоимения

Референция является средством для обеспечения связности текста, которое служит заменой для элементов, содержащихся в предшествующем или следующем отрезке текста. Среди различных видов референции в русском и китайском языках чаще всего используются личное и указательное местоимения.

Пример 1

Текст оригинала:

За последние годы российско-китайские связи приобрели характер всеобъемлющего и действительно стратегического партнёрства. Особое место в этом контексте занимают **гуманитарные связи**: **они** сближают народы, укрепляют доверие между ними, формируют широкую гражданскую и общественную основу межгосударственных отношений.

Текст перевода: 近期,两国已建立了全面战略协作伙伴关系,而且我们的人文合作占有特殊地位。人文合作使两国人民相互走近、巩固、信任,并且建立广泛的国民与社会关系基础。

Здесь мы видим, что в оригинале на русском языке оратор использует личное местоимения «они» для замены упомянутого словосочетания «гуманитарные связи». А в переводе устный переводчик не продолжает подобную когезию. При переводе применяется повторения словосочетание “人文合作”, которое не затрудняет восприятие у слушающих.

² На сайтах представлены видео-аудиоматериалы выступлений. Переводные тексты были записаны автором согласно содержанию устного перевода. <http://video.sina.com.cn/p/news/c/v/2013-03-23/015362201855.html>; <http://www.kankanews.com/a/2015-05-09/0016741968.html>

Пример 2

Текст оригинала:

Вместе с российскими военными по Красной Площади пройдут парадные расчёты ещё 10 государств. Это представители Азербайджана, Армении, Беларуси, Киргизии, Казахстана, Таджикистана. Их деды и прадеды были плечом к плечу – и на фронте, и в тылу.

Текст перевода: 今天和俄罗斯武装部队共同接受检阅的还有来自10支, 10个国家的队伍: 阿塞拜疆、亚美尼亚、白俄罗斯、吉尔吉斯、哈萨克斯坦、塔吉克斯坦, 他们的祖辈和我们的祖辈肩并肩的战斗过。

В этом примере в оригинале существует только одно притяжательное местоимение «их». Оно здесь обозначает представителей ряд стран «Азербайджана, Армении, Беларуси, Киргизии, Казахстана, Таджикистана», которые в предшествующем тексте уже были отмечены. Похожим образом, в переводе на китайский язык также используется личное местоимение “他们的” для выражения упомянутых в предыдущем тексте стран.

Пример 3

Текст оригинала:

И где бы ни жили сегодня ветераны Великой Отечественной, они должны знать, что здесь, в России, мы высоко чтим их стойкость, мужество и верность фронтовому братству.

Текст перевода: 无论当年的参加战争的那些军官和士兵生活在哪里, 我们都知道在这里, 正是在俄罗斯, 我们非常尊重他们的英勇以及对战斗、对战友的忠诚。

При обработке слов в большинстве случаев в русском языке имеется тенденция к употреблению личного и указательного местоимений с целью замены слов в предтексте, а в китайском языке – к лексическому повтору, особенно тогда, когда в контексте речь идёт только об одной личности; когда в оригинале фигурируют более двух личностей, особенно при обозначении людей разного пола. При употреблении указательных местоимений (например: тот, та, то, те, этот, эта, это, эти) в русском языке возможно заменять их на наименования предметов, содержащихся в тексте. При этом в китайском языке в подобных случаях их употребление в значительной степени ограничено.

Б. Способы субституции и лексические повторы

Субституция является заменой целых рядов слов или предложений, а не только отдельных обозначений. Для того чтобы избежать повторов одних и тех же выражений, в русском и китайском

языках обычно применяется средства субституции, среди которых чаще всего встречаются синонимия, гипонимия/гиперонимия и обобщённые слова.

Синонимические замены представляют собой один из типов субституции в русском и китайском языках. Однако их частотность употребления в русском языке выше, чем в китайском языке. В китайском языке чаще используется приём лексического повтора.

Пример 4

Текст оригинала:

Нами успешно реализованы такие масштабные проекты, как национальные Годы России и Китая, Годы русского и китайского языков, проведены сотни ярких, запоминающихся мероприятий, вызвавших живой отклик наших граждан наших стран.

Текст перевода: 双方已经成功举办了大规模人文活动, 包括国家年、语言年活动, 我们举办了数百个精彩活动。

В этом примере есть две группы синонимичных слов, а именно: «проекты» и «мероприятия», «реализованы» и «проведены». Их соответствующий перевод в китайском языке выражен лишь повтором лексики одного слова – “活动” и “举办”. При этом «проекты» и «мероприятия», «реализованы» и «проведены» считаются синонимичными словами в контексте оригинала.

Пример 5

Текст оригинала:

Китай – страна с многовековой историей, богатейшей культурой, философией. Это уникальные памятники, изысканная кухня и древнее искусство врачевания.

Текст перевода: 中国是文明古国, 有悠久历史, 灿烂文化和丰富哲学, 有独特的景点, 非常美好的菜肴和悠久的医学。

Для того чтобы охарактеризовать Китай как страну с долгой историей и богатой культурой, в своём выступлении Путин использует синонимы «древний» и «многовековой». Очевидно, что употребление синонимичных слов может описать предмет различными языковыми формами, хотя по сути все они могут означать одно и то же. Значение применения данного средства в русском языке заключается в уходе от неизменных повторений. В отличие от русского языка в китайском языке обращают больше внимания на смысловую связь. Таким образом, в китайском языке акцентируют внимание на грамотность текста, а не на изменение формы. В примере 2 в оригинале на русском языке используются синонимы «древний» и «многовековой», а на китайский они переводятся повторением слов “悠久”.

Гипонимия/гиперонимия как способ связи широко употребляется и в русском, и в китайском языках; в переводе на китайский язык гипонимия/гиперонимия встречается чаще, чем в русском.

Пример 6

Текст оригинала:

Почти на 50 процентов выросло число наших туристов в *Китае*, а гости из *Китая* стали вторыми по численности среди граждан иностранных *государств*, посетивших *Россию*. Да, на первом месте у нас *Федеративная Республика Германия*, но если сравнить численность населения в *Германии* и в Китае, то ясно, что у нас в туристическом обмене с Китаем ещё очень большие перспективы. Убеждён, что популярность нашей *страны* у граждан *КНР* будет расти и дальше.

Текст перевода: **中国赴俄罗斯的游客人数增长近50%，而且中国成为了俄罗斯的第二大游客来源国，仅次于德国，但是我们可以比较德国和中国的人口，所以可以看到和中国的旅游合作潜力巨大。我相信俄罗斯会越来越对中国人有吸引力，俄罗斯人民一直视中国为优先旅游目的地。**

В оригинале фигурирует группа слов с отношениями гиперогипонимической связи: «страна – государство» и «Россия – Китай – Германия», среди которых «страна» и «государство» служат гиперонимами, а «Россия – Китай – Германия» – их соответствующие гипонимы. Причём слова «Россия», «Китай» и «Германия» являются друг для друга согипонимами. При переводе на китайский язык переводчик дословно сохраняет их форму и повторяет эти гиперонимы/гипонимы.

Обобщённые слова как средство для обеспечения связности встречаются как в русском оригинале, так и в китайском переводе. Вместе с тем, китайский язык отличается многочисленными повторами и обобщённостью. Ещё одной отличительной особенностью слов широкой семантики является их тесная связь с контекстом. По сравнению с гиперонимией смыслы обобщённых слов более неопределённые и нечёткие, вследствие чего, если мы отойдём от их контекста, нам будет трудно понять их смысл.

Пример 7

Текст оригинала:

Уважаемый *Председатель! Дамы и господа!* Дорогие *друзья!* Искренне рады приветствовать *китайских друзей* в столице России – в Москве. Ровно три года назад мы с нашим *другом господином Си Цзиньпином* в этом же зале открывали Год китайского языка в России, а сегодня официально стартует Год китайского туризма в России.

Текст перевода: 尊敬的习近平主席, 女士们先生们, 朋友们, 热烈欢迎中国朋友们到俄罗斯首都莫斯科。整整三年前我和我的朋友习近平先生就在这一个大厅开幕了俄罗斯汉语年, 今天我们正式启动在俄罗斯的中国旅游年。

В оригинале обобщённое слово «друзья» подразумевает «председателя Си Цзиньпина» и других лиц, таких, как личности в предыдущем тексте – «дамы», «господа», «китайские друзья». Также возможно референцировать слушающих и зрителей перед экраном. Наглядно демонстрируется, что слово «друзья» при подобном использовании имеет сильный обобщённый характер. В отличие от русского, в китайском языке иногда тоже употребляются обобщённые слова, но исходя из принципа избегания неясной референции в китайском языке зачастую нужно добавлять некоторые элементы для определения смысла обобщённых слов. Например, при переводе личности «председателя» в самом начале отрывка оригинала переводчик добавляет имя председателя “习近平”.

Пример 8

Текст оригинала:

Мы склоняем головы перед светлой памятью сыновей, дочерей, отцов, матерей, дедов, мужей, жён, братьев, сестёр, однополчан, родных, друзей. Всех, кто не вернулся с войны. Всех, кого уже нет с нами.

Текст перевода: 我们将永远牢记女儿、儿子、父亲、母亲、丈夫、妻子、战友、亲人、朋友, 所有没能够从战争中坚持下来的, 没有能够幸存的人。

В переводе обобщённое слово “所有人” обозначает определённое местоимение «все», под которым подразумеваются “儿子” (сыновья), “女儿” (дочери), “父亲” (отцы), “母亲” (матери) и т.д.

В. Эллипсис

Эллипсис – это подразумеваемый в речи знак, фигурирующий в предшествующем или последующем контексте [Балли, 1955: 175]. Эллипсис того или иного элементов предложения зависит, в свою очередь, от коммуникативной нагрузки членов предложения. Опускается, в первую очередь, тот элемент предложения, который носит нагрузку тематики. Как средство для связности текста эллипсис зачастую используется в русском и в китайском языках.

В обоих текстах часто бывают предложения или высказывания, в которых фигурируют несколько глаголов, но подлежащее (или субъект действия) этих глаголов одно и то же. При этом с помощью

спряжения глаголов в русском языке постоянно опускается подлежащее, которое уже появлялось в предыдущем тексте. Вместе с тем, в китайском языке нет словоизменения, но, тем не менее, возможно эллиптировать субъект действия.

Пример 9

Текст оригинала:

Мероприятия Года китайского туризма будут красочными и интересными, **Ø** расширят географию взаимных туристических поездок, **Ø** будут способствовать большему знанию наших граждан друг о друге и **Ø** будут укреплять наши особые стратегические отношения³.

Текст перевода:

中国旅游年活动将十分精彩和有趣, **Ø** 也将扩大两国相互旅游的地区, 并且 **Ø** 增进我们相互了解, **Ø** 也将加强我们的特殊战略关系。

В этом примере и в русском, и в китайском языках лишь один раз упоминают подлежащее (мероприятия Года китайского туризма 中国旅游年活动). С помощью контекста мы легко понимаем, что подлежащим для глаголов «расширят» (扩大), «будут способствовать» (增进), «будут укреплять» (加强) является «мероприятия Года китайского туризма» (中国旅游年活动).

Кроме вышеуказанного, иногда в русском языке возможно опустить подлежащее, а в китайском нельзя.

Пример 10

Текст оригинала:

Ø подчеркну, что Год российского туризма в Китае прошёл весьма успешно... **Ø** убеждён, что популярность нашей страны у граждан КНР будет расти и дальше.

Текст перевода:

我想强调在中国的俄罗斯旅游年取得了圆满成功... 我相信俄罗斯会越来越对中国人有吸引力。

В этом примере в китайском переводе восстанавливают опущенные в русском подлежащие “我”.

Следует отметить, что эллипсисы двух языках всё-таки отличаются. Эллипсис в русском языке используется чаще, так как в нём существует словоизменение. В русском языке зачастую возможно опускать некоторые определённые компоненты, а в китайском языке, напротив, необходимо добавлять эти опускаемые элементы.

³ В примерах знак “**Ø**” обозначает опущение подлежащего или известной информации на этом месте.

3. Стратегии русско-китайского устного перевода на основе средств связности

Стратегия устного перевода – это необходимые навыки или определённые способности переводчика конференций к переработке информации для перевода с исходного языка на переводной язык [Илюхин, 2001: 14]. Для того, чтобы обеспечить эквивалентность и адекватность устного перевода, на основе вышеизложенной характеристики связности в русском и в китайском языках представлены следующие стратегии.

А. Стратегия генерализации, которая направлена на трансформацию непереводаемых слов в обобщённую лексику.

Б. Стратегия конкретизации, благодаря которой определяется конкретная номинация в оригинале.

В. Стратегия декомпрессии, которая помогает добавлять нужную информацию или дополнять в переводе семантическую структуру, опущенную в оригинале.

Г. Стратегия компрессии, которая позволяет реализовать лаконичность в устном переводе.

Д. Стратегия сохранения линейности, направленная на достижение наибольшей эквивалентности между оригиналом и переводным текстом.

Данные проведённого исследования свидетельствуют о том, что средства связи имеют большое значение для выбора стратегий устного перевода, точнее, для адекватной передачи смысла. Рациональная реализация связности в переводе обуславливается качеством перевода. Поэтому связность должна быть одним из критериев оценки в устном переводе.

Список литературы

- Атултанова В.Б.* Связность текста как переводческая проблема: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Москва, 2006. 234 с.
- Atultanova, V.B.* Svyaznost' teksta kak perevodchekaya problema [Text Connectivity As a Translation Problem]: candidate's thesis filol. nauk: February 20.2010, Moscow, 2006. 234 p. (in Russian).
- Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.
- Balli, Sh.* Obshchaya lingvistika i voprosy francuzskogo yazyka [General Linguistics and French Language], Moscow: Izd-vo inostrannoj literatury, 1955. 416 p. (in Russian).
- Болотнова Н.С.* Коммуникативная стилистика текста: библиографический указатель по научному направлению. Томск: Изд-во ТГПУ, 2009. 188 с.
- Bolotnova, N.S.* Kommunikativnaya stilistika teksta: bibliograficheskij ukazatel' po nauchnomu napravleniyu [Communicative Stylistics of Text: Bibliographic

- Indexin the Scientific Direction], Tomsk: Izd-vo TGPU, 2009. 188 p. (in Russian).
- Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. ред. Ярцева В.Н. М.: Советская энциклопедия, 1990. 682 с.
- Lingvističeskij ehnciklopedičeskij slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary], Gl. red. Jarceva, V.N. Moscow: Sovetskaya ehnciklopediya, 1990. 682 p. (in Russian).
- Илюхин В.М.* Стратегии синхронного перевода (на материале англо-русской и русско-английской комбинаций перевода: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Москва, 2001. 223 с.
- Илюхин, В.М.* Strategii sinhronnogo perevoda (na materiale anglo-russkoj i russko-anglijskoj kombinacij perevoda [Simultaneous interpretation strategies (on the Basis of the Material of English-Russian and Russian-English Translation Combinations)]: candidate's thesis filol. nauk: February 20.2010. Moscow, 2001, 223 p. (in Russian).
- Мурзин Л.Н.* Текст и его восприятие. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 171 с.
- Murzin, L.N.* Tekst i ego vospriyatie. [Text and its Perception.]. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1991. 171 p. (in Russian).
- Bachman, L.F.* Fundamental Considerations in Language Testing. Oxford, OUP, 1990. 408 p.

Ху Гумин, доктор филологических наук, профессор, заместитель директора Института иностранных языков и литературы Уханьского университета, г. Ухань, КНР; e-mail: mishahu324@aliyun.com

О ПРИМЕНЕНИИ НЕКОТОРЫХ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ПРИ УСТНОМ ПЕРЕВОДЕ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА КИТАЙСКИЙ

Русский язык и китайский язык относятся к разным языковым семьям. Они отличаются по фонетике, лексике, грамматике и языковой традиции. Как лучше применять некоторые языковые средства китайского языка при устном переводе с русского языка на китайский? Хорошее владение этими языковыми средствами и их применение способствуют повышению качества устного перевода. В статье рассматриваются такие особые лексические средства китайского языка, как словосочетание из четырёх иероглифов, повторное применение одного и того же иероглифа, составное слово из антонимических иероглифов, повтор слова. Мы уверены, что результаты исследования повлияют на скорость и качество переводов.

Ключевые слова: словосочетание из четырёх иероглифов, повторное применение одного и того же иероглифа, составное слово из антонимических иероглифов, повтор слова, устный перевод с русского языка на китайский язык.

Hu Guming, Ph.D., Professor at the Russian Language Department of Wuhan University, Assistant Dean of the College of Foreign Language and Literature, Wuhan, PRC; e-mail: mishahu324@aliyun.com

THE APPLICATION OF SOME SPECIAL CHINESE LANGUAGE MEANS IN RUSSIAN-CHINESE INTERPRETING

Russian and Chinese belong to different language families. They are different in terms of vocabulary, grammar, language usages, etc. Therefore, the issue of how to use some Chinese skills in interpreting is worth discussing. The appropriate use of these skills can greatly improve the quality of interpreting. This paper makes a detailed analysis of some special Chinese lexical means such as four-character phrases, reduplicated words, antonym compound words and repetition. The research results can help professionals in the field improve the speed and quality of interpreting.

Key words: four-character phrases, reduplicated words, antonym compound words, repetition, Russian-Chinese interpreting.

Введение

Устный перевод является более трудным, чем письменный перевод. Он требует, чтобы переводчик в течение короткого времени правильно выразил смысл оригинального текста. Поэтому он должен отвечать критериям «точности, слаженности, быстроты». Под словом «точность» подразумевается то, что переводчик должен хорошо

понимать услышанное и правильно интерпретировать смысл говорящего. Под словом «сглаженность» подразумевается то, что переводчик должен передать содержание услышанного на чистом китайском языке. Под словом «быстрота» подразумевается то, что переводчик должен начать переводить сразу после окончания речи говорящего, без перерыва. В данной статье мы в основном рассмотрим проблему сглаженности переводного текста.

Китайский язык является одним из самых развитых, самых богатых экспрессивностью языков в мире. Он обладает теми особыми лексическими средствами, каких не существует в других языках, например, словосочетание из четырёх иероглифов, повторное применение одного и того же иероглифа, составное слово из антонимических иероглифов, повтор слова. Если при переводе правильно использовать эти особые лексические средства, то можно не только решить задачу быстроты и сглаженности, но и улучшить качество перевода. Известный китайский учёный в области перевода Сюй Юаньчун [Xu Yuanchong] поощряет «конкуренцию перевода с подлинником» [цит. по: Сюй Цзюнь, 1996: 5]. Размышляя над китайским переводом французского романа Стендаля «Красное и чёрное», он писал: «Перевод — это именно конкуренция двух языков, а художественный перевод даже конкуренция двух культур. Можно сравнить перевод и подлинник с рисованием, поэтому перевод должен не только подражать подлиннику, но и подражать модели, которой подражает подлинник» [там же]. Далее он писал: «Если мы можем пользоваться преимуществом китайского языка, а именно применять лучший способ выражения, в частности фразеологизм из четырёх иероглифов. Это значит, малое количество побеждает большое количество другого языка. Четыре иероглифа выражают содержание больше десяти слов, что похоже на то, что во время соревнования по бегу на сто метров за 4 секунды пробежать полную дистанцию, которую другие люди пробегают больше чем за 10 секунд. Это, можно считать, уже намного опережает других, стоит далеко впереди. Соревнование — это состязание не только по скорости, но и по глубине, высоте, глубине и точности. Можно сказать, художественный перевод — это конкуренция двух культур, это своего рода искусство. А в соревновании способ завоевания победы — это пользоваться преимуществом переводящего языка, иначе говоря, пересоздание подлинника» [там же].

1. Применение словосочетаний из четырёх иероглифов

В китайском языке, чтобы передать оригинал чётко и ясно, кратко и точно, часто употребляются словосочетания из четырёх иероглифов, поэтому в переводе тоже часто пользуются словосо-

четаниями из четырёх иероглифов, включая фразеологизмы и другие устойчивые выражения из четырёх иероглифов. Если мы можем удачно употребить это средство, то мы сможем не только верно передать содержание оригинала, но и улучшить качество перевода, усилить его экспрессивность, короче говоря, это гораздо лучше, чем обычный «буквальный» перевод. Например:

1) **Степь без конца и края** тянулась на **все концы света**.

Сравните:

没有尽头的草原朝各个方向伸展着。

无边无际的草原向四面八方伸展着。

2) **Широкая улыбка на лице** хозяина говорила о том, что он рад гостям.

Сравните:

主人脸上舒展的笑容说明他对客人的到来感到高兴。

主人笑逐颜开, 说明他对客人的到来感到高兴。

3) Вы должны **действовать так, как будут подсказывать обстоятельства**.

Сравните:

你应当按情况所提示的那样行动。

你应当见机行事。

4) Надо уметь учитывать момент **и быть смелым в решениях**.

Сравните:

要善于估计情况, 勇敢作出决定。

要善于估计情况, 当机立断。

5) Два могучих жилищных массива **как бы вырастают** здесь **из земной поверхности**.

Сравните:

两座巨大的住宅建筑物在这里似乎是从地面长出来的。

两座巨大的住宅建筑物在这里拔地而起。

6) Два часа продолжалась лекция, но никто не заметил, как прошло время. Ковалевская говорила об очень трудных вещах **так ясно и просто**, что никто не устал.

Сравните:

讲座持续了两个小时, 但谁都没有察觉时间过得这么快。科瓦列夫斯卡娅把非常难以理解的东西讲得讲得简单明了, 没有人觉得疲倦。

讲座持续了两个小时, 但谁都没有察觉时间过得这么快。科瓦列夫斯卡娅把非常难以理解的东西讲得深入浅出, 没有人觉得疲倦。

7) Ожидая его возвращения, она **места себе не находила**: то сидела за стол, то при каждом звуке шагов выбегала на лестницу.

Сравните:

等他回来的时候，她**找不到自己的座位**：一会儿坐到桌子后面，要么一听到脚步声就奔向楼梯。

等他回来时，她**坐立不安**：时而坐到桌子旁，时而一听到脚步声就跑到楼梯上。

2. Повторное применение одного и того же иероглифа

Слова могут употребляться повторно, например, 干干净净, 收拾收拾, 白花花. Такие слова в тексте обладают сильной выразительностью и экспрессивностью, особенно усиливают чувство рифмы, красоту ритма, и тем самым достигают функции подчёркивания. Имеются четыре часто употребляющихся способа образования повторного применения одного и того же иероглифа.

- 1) AABV: 工工整整, 慌慌张张
- 2) AVAV: 收拾收拾, 研究研究
- 3) AVV的: 黑压压的, 轰隆隆的
- 4) AA的: 圆圆的, 绿绿的

Например:

- 1) По обеим сторонам дороги тянутся ровные **ряды** зданий.

Сравните:

道路两侧有几**排**整齐的楼房。

道路两侧有一**排排**整齐的楼房。

- 2) **Тяжёлые** колосья пшеницы колышутся на тихом ветру.

Сравните:

沉重的麦穗在微风中摇晃。

沉甸甸的麦穗在微风中摇晃。

- 3) Пароход давно ушёл, на пристани было **пусто**.

Сравните:

轮船早已开走了, 码头上**空了**。

轮船早已开走了, 码头上**空荡荡的**。

- 4) Язык создан не одним каким-нибудь классом, а всем обществом, всеми классами общества, усилиями **сотен поколений**.

Сравните:

语言不是某一个阶级创造的, 而是整个社会各阶级**数百代**人的努力所创造的。

语言不是某一个阶级创造的, 而是整个社会各阶级**世世代代**的努力所创造的。

3. Применение составного слова из антонимических иероглифов

Составное слово из антонимических иероглифов – это особое явление китайского языка, состоящее из иероглифов с противоположными значениями.

Например:

1) У него появились сомнения насчёт **выполнимости** этой программы.

Сравните:

他对这个规划的**完成性**产生了怀疑。

他对这个规划**能否完成**产生了怀疑。

2) Эта операция решает **исход** войны.

Сравните:

这次战役决定战争的**结局**。

这次战役将决定战争的**胜负**。

3) **Судьба** рассказа зависит от его цельности в большей степени, чем судьба повести или романа.

Сравните:

短篇小说的**命运**比中篇或长篇更取决于它的完整性。

短篇小说的**成败**比中篇 或长篇更取决于它的完整性。

4) **Цена** товаров зависит от **объёма** заказов. Чем больше заказов, тем ниже цена.

Сравните:

商品的价格取决于**订货量**。订货越多，价格就越低。

商品价格的**高低**取决于**订货量的多少**。订货越多，价格就越低。

4. Применение повтора

Повтор является важным стилистическим средством, которое существует и в русском, и в китайском языках. Но в китайском языке чаще употребляется, чем в русском. Рассмотрим несколько ситуаций.

4.1. Применение средства повторения для перевода синонимов, местоимений или наречий в подлиннике

В устном переводе с русского языка на китайский мы часто сталкиваемся с такими случаями, когда употребляются лексические синонимы, контекстные синонимы, или местоимения, используемые в качестве замены слов предыдущем предложении. Это связано с тем, что стилистика русского языка не любит повторов. А китайский язык – наоборот. Например:

В нашей стране **демократия** является не только убеждениями, а надеждой всего человечества. Это **идеал**, к которому мы стремимся, и которым мы не монопольно владеем, а стараемся поделиться со всеми. Это **вера**, которую мы врезали себе в память и непрерывно передаём из поколения в поколение.

在我们的国家，民主不仅是一种信念，而是全人类的希望，民主我们不会独占，而会竭力让大家分享；民主我们将铭记在心，并且不断传播。

В этом примере в оригинальном предложении употреблены три слова «демократия, идеал, вера», которые обозначают «демократию». В переводе три раза повторяется слово 民主, увеличивающее экспрессивность и обладающее особой выразительностью.

4.2. Применение замены и повтора при переводе эллипсиса

В русском языке эллипсис (опущение) и замена являются важным средством соединения текста. Часто употребляются такие заменяющие слова, как личные местоимения, притяжательные местоимения и относительные местоимения, которые должны заменить повторяющиеся слова во избежание однотонности. А в китайском языке, наоборот, чаще употребляется повторяющееся, чем заменяющееся слово. Например:

Что касается того, примет ли ваша сторона этот проект или нет, мы пока ещё не знаем. А что касается нас, мы примем его.

至于贵方是否采纳这个方案，我们尚不大清楚，但对我们来说，我们是要采纳这个方案的。

В этом примере после словосочетания «или нет» опущены глагол и дополнение, что соответствует традиции русского языка. А в переводе на китайский язык, чтобы сохранить полноту предложения и выделить функцию подчёркивания, обязательно надо восстановить пропущенные глагол и “还是不要采纳这个方案”.

В русском языке есть ещё один вид опущения, то есть опустить раньше уже названные имена существительные. А в переводе на китайский язык надо восстановить их. Например:

1) **Энергия** существует во многих формах – механическая, химическая, тепловая, радиоактивная и др.

能量以多种形式存在，如机械能、化学能、热能、辐射能等。

2) В сегодняшнем мире существуют две важные проблемы: мир и развитие.

在当今世界存在两大主要问题：一个是和平问题，一个是发展问题。

В этих двух примерах «энергия» и «проблема» повторяются в переводе на китайский язык. Это сделало перевод аккуратным, чётким и ритмичным.

4.3. Применение повтора для перевода общего члена предложения русского языка

В русском языке часто употребляется несколько прилагательных для определения одного существительного, а в переводе на китайский язык обычно применяется повтор слова, таким образом, предложение будет короче и ритмичнее. Например:

1) Они должны разработать подходящие стратегии развития, технологической инновации и маркетинга в зависимости от изменений ситуаций на внутреннем и мировом рынках.

他们应当根据国内外市场的变化正确制定企业发展战略，技术创新战略和市场营销战略。

В этом примере в русском языке употребляется общее слово «стратегии», что соответствует краткости русского языка, а в переводе на китайский язык трижды повторили “策略”, что помогает выделить тематическое значение и особенности данного предложения.

2) При данных условиях, Китай и Европа, как две главные экономики, политические силы и два культурных мировых источника, свидетельствуют, что их дружбы уже далеко превысили двусторонние отношения и приобретают более важные глобальные стратегические значения.

面对当前形势，作为当今全球两大经济体，作为两支正在上升的政治力量，作为人类文明的两大发源地，中欧关系已远远超越双边范畴，具有越来越重要的全球战略意义。

В русском языке появилось одно количественное число «две (два)», которое определяет различную меру, что соответствует традиции употребления. Однако в китайском языке нужно использовать разные мерные слова, то есть надо повторно употреблять “两”.

4.4. Применение средства для обеспечения равновесия и симметрии предложения

В китайском языке редко употребляются союзы для связи предложений, поэтому при переводе с русского языка на китайский надо рационально повторять слова для обеспечения аккуратности предложения и связанности текста, что отвечает характерным чертам китайского языка. Например:

1) Где есть солнце и дождь, там поля всегда зелёные.
哪里有充足的阳光和雨水，哪里就有绿油油。

2) Работать согласно закону природы, а не против.
要顺应自然工作，不要违反自然工作。

В предыдущих двух примерах повтор “哪里”, “自然工作” сделал перевод не только хорошо читаемым, ритмичным, но и связанным по значению.

4.5. Применение повтора для перевода русских синонимов

Синонимическое богатство русского языка – способ избежать повторов. Однако при переводе русского текста на китайский повторы обязательны. Например:

1) Наши страны уже стали **добрыми** соседями, **хорошими** партнёрами и **большими** друзьями.

我们两国已成为**好邻居、好伙伴、好朋友**。

2) Миру **нужен** мир. Страна **нуждается** в развитии. Общество **стремится** к прогрессу. Это стало уже непреодолимым веянием времени.

世界**要**和平，国家**要**发展，社会**要**进步，已成为不可抗拒的潮流。

3) – Ваш **телефон** – секретарша протянула Хэ Цзюаню **мобильник**.

“你的手机。”女秘书把手机递给何隽。

4) – Вот глупышка! **Не больно**. Я сделаю тебе укол, и ты **ничего не почувствуешь**, поверь мне.

“傻丫头！**不疼**。到时候我给你打麻药。保证一点儿都不疼！”

Заключение

Мы рассмотрели такие особые лексические средства китайского языка, как: словосочетание из четырёх иероглифов, повторное применение одного и того же иероглифа, составное слово из антонимических иероглифов и повтор слова. Правильное применение этих средств способствует сглаженности и быстроте устного перевода, повышая его качество.

Список литературы

徐曼琳、华莉、朱达秋编著，实战俄语口译，外语教学与研究出版社，2015年，第75页。

Суй Манлин, Хуа Ли, Чжу Дацю (Xi Manglin, Hua Li, Zhu Daqiu). Практический курс устного перевода с русского языка [Hands-on Russian Interpretation]. Пекин: Издательство «Преподавание и исследование иностранных языков», 2015. 75 с.

许钧主编，文字·文学·文化——“红与黑”汉译研究，南京大学出版社，1996年，第5页。

Суй Цзюнь (Xi Jun) и др. Слово. Литература. Культура – исследование перевода на китайский язык романа «Красное и чёрное» [Words Litera-

- ture – Culture Research in Translation into Chinese of The Red and the Black]. Нанькин: Издательство «Нанькинский университет», 1996. С. 5.
- 胡谷明主编, 汉俄翻译教程 (学生用书), 上海外语教育出版社, 2010年, 第75, 78, 82, 103, 111页。
- Ху Гумин (Hu Guming) и др.* Учебник «Курс перевода с китайского языка на русский» (для студентов-филологов) [A Course Book on Chinese–Russian Translation (Student Book)]. Шанхай: Шанхайское издательство «Преподавание иностранных языков», 2010. С. 75, 78, 82, 103, 111.
- 蔡毅等编著, 俄译汉教程 (增修本, 上), 外语教学与研究出版社, 2006年, 第30–40页。
- Цай И (Cai Yi) и др.* Учебник «Курс перевода с русского языка на китайский» (исправленное и дополненное, часть 1) [A Course Book on Russian-Chinese Translation (Extended Version, Volume A)]. Пекин: Издательство «Преподавание и исследование иностранных языков», 2006. С. 30–40.
- 杨仕章编著, 俄汉翻译基础教程, 高等教育出版社, 2010年, 109–114页。
- Ян Шичжан (Yang Shizhang).* Учебник «Курс основы перевода с русского языка на китайский» [An Elementary Course book on Russian-Chinese Translation]. Пекин: Издательство «Высшее образование», 2010. С. 109–114.

ДИДАКТИКА ПЕРЕВОДА

Мэн Ся, доктор филологических наук, профессор, декан факультета русского языка Института иностранных языков Шэньсийского педагогического университета, г. Сиань, КНР; e-mail: xmeng003@163.com

СИНОНИМИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ КАК КЛЮЧ КОМПЕТЕНЦИЙ ПЕРЕВОДА С РОДНОГО ЯЗЫКА НА ИНОСТРАННЫЙ: АСПЕКТ МЕХАНИЗМА РЕЧЕВОГО ПОРОЖДЕНИЯ¹

В статье с позиции речевого порождения вскрывается связь между ментальной моделью, существующей в сознании переводчика и синонимическим явлением. На основе этого положения проводится сравнение между переводом с родного языка на иностранный (А-В) и наоборот (В-А). Указывается то, что синонимическая компетенция является одним из самых важных факторов для повышения уровня перевода с родного языка на иностранный, выдвигается мысль о том, что синонимическую компетенцию можно рассматривать как ключ к формированию и совершенствованию переводческой компетенции, особенно модели перевода В-А.

Ключевые слова: перевод с родного языка на иностранный, ментальная модель, синонимия, синонимическая компетенция.

Meng Xia, Ph.D., Professor, Dean of the College of Foreign Language of Shannxi Normal University, Xi'an, PRC; e-mail: xmeng003@163.com

SYNONYMIC COMPETENCE AS A KEY COMPETENCE IN TRANSLATION FROM ONE'S MOTHER TONGUE TO A FOREIGN LANGUAGE: THE MECHANISM OF SPEECH GENERATION

The article reveals an essential connection between the mental model existing in the interpreter's consciousness and the synonymous phenomenon from the perspective of speech generation. Based on this provision, a comparison is made between the translation from the mother tongue to a foreign language (A-B) and the opposite (B-A). It is pointed out that synonymous competence is one of the most important factors for improving the level of translation from the mother tongue to a foreign language. It is suggested that synonymous competence can be considered as a key to the formation and improvement of translation competence, especially the translation model of B-A.

Key words: translation from the mother tongue to a language, synonymy, mental model, synonymous competence.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке общественного научного фонда КНР (16ВУУ190). Проект «Исследование синонимичной компетенции при переводе с китайского языка на русский» (This article is supported by the Fundamental Research Funds for the Central Universities "Study on the development of Russian linguistic typology" (16SZYB13)).

1. Введение

Признанным является факт, что трансформация языковых знаков с родного языка на иностранный язык (А-В) труднее, чем обратная трансформация. Но почему это сложно? В чём заключаются трудности? Какой фактор является ключевым? Что влияет на переводческую компетенцию? На все вышеуказанные вопросы исследователи пока ещё не нашли точного научного объяснения.

В данной статье на основе анализа механизма речевого порождения синонимических явлений нами сделана попытка выявить связь между синонимической компетенцией и переводческой и доказать, что степень сформированности переводческой компетенции переводчика будет во многом зависеть от уровня владения им компетенцией синонимической трансформации.

2. Обзор исследований в Китае и за его рубежом

В последние годы исследование сущности переводческой профессиональной деятельности с родного языка на иностранный вызывает всё больше интереса в разных странах мира. Например, в Испании исследовательская группа РАСТЕ (Procesd' Adquisiciodela Competencia Traductorai Avaluacio) Автономного университета Барселоны уделяет большое внимание вопросам возможности моделирования переводческой компетенции с родного языка и наоборот.

В Китае исследование данного вопроса проводится, главным образом, в кругу учёных, занимающихся переводом с китайского языка на английский, и пока он мало касается других иностранных языков.

Важно и то, что в работах, как за рубежом, так и в Китае, в большей степени описываются факторы, влияющие на формирование языковой, трансформационной, стратегической, психобиологической и других компетенций, но при этом почти не упоминаются факторы, определяющие степень влияния синонимической компетенции.

Однако заметим, что синонимия, являющаяся признанным знаковым языковым явлением, была в центре внимания научной мысли с древнейших времён и остаётся актуальной темой научных дискуссий и в наши дни.

Так, известно немало работ в области исследования синонимии, которые были сделаны в современной западной лингвистике, например, представителем Копенгагенской лингвистической школы Л. Ельмслев, американским учёным Н. Хомским и многими другими. Российские учёные В.П. Сухотин (1960), Ю.Д. Апресян (1969; 1974), Г.А. Золотова (1982), И.А. Мельчук (2012) и др. тоже посвя-

тили ряд своих работ анализу, классификационным описаниям данного языкового явления в разных аспектах.

В Китае с 60-х годов прошлого века синонимия стала важным вопросом стилистики, исследованием которого занимались китайские учёные. После 80-х годов исследование синонимических явлений вышло из рамок ограничения одной языковой системы, и появились работы сопоставительного характера. Китайские русисты 倪波 / Ни Бо, 顾柏林 / Гу Болин (1991), 汪嘉斐 / Ван Цзяфэй (1998), 王铭玉 / Ван Мин-юй (1996), 武瑗华 / У Айхуа (1998) и др. в своих работах при анализе особенностей синонимических синтаксических конструкций исходили из языковых систем двух языков, китайского и русского. Однако их исследования в основном всё-таки носили дидактический характер и были связаны, скорее, с вопросами обучения русскому языку как иностранному, нежели с собственно переводческой деятельностью.

Однако со временем с возросшей ролью английского языка как языка международного общения, широко используемого в переводческой практике, стали появляться работы сопоставительной направленности в области синонимии двух языков, китайского и английского, в которых так и или иначе затрагивались вопросы владения синонимической трансформацией и её роли в процессе формирования переводческой компетенции [汪榕培 / Ван Жунпэй, 王晓娜 / Ван Сяона, 2002: 39–42].

В наши дни можно отметить тот факт, что исследования в этом направлении почти не отражены в научной литературе, хотя увеличение потребности в переводе с китайского языка на иностранные языки, включая русский, требует настоящего внимания со стороны специалистов.

В ходе предварительного изучения результатов исследований речевого порождения, нами было замечено явное различие между переводом (А-В) и переводом (В-А). Данное несоответствие заслуживает, как нам думается, серьёзного всестороннего анализа, поскольку является ключевым фактором в ходе формирования переводческой компетенции с родного языка на иностранный.

3. Синонимическая трансформационная компетенция как ключ переводческой компетенции (А-В)

Различие между переводом (А-В) и переводом (В-А)

Как правило, мы исследуем процесс перевода как межъязыковой и в отношении трансформации знаков существуют две модели перевода: перевод с родного языка на иностранный (перевод А-В) и перевод с иностранного языка на родной (перевод В-А).

С позиции общей теории перевода две модели имеют общие свойства, поэтому, хотя их способы трансформации разные, но бывает так, что они рассматриваются как единый объект и исследуются в общей рамке межъязыкового перевода.

Однако с точки зрения аспекта психологического процесса речевого порождения, между этими двумя моделями перевода, на самом деле, существует существенная разница.

Нужно подчеркнуть, что сравнительно долгое время из-за недостаточного внимания к содержанию направленности переводческой деятельности не различались компетенции перевода с родного языка на иностранный (перевод А-В) и перевода с иностранного языка на родной (перевод В-А). Хотя имели место толкования особенностей и трудностей перевода с родного языка на иностранный (перевод А-В), например, активность или пассивность в понимании и выражении на родном и иностранном языке [叶慧君 / Е Хуэйцзюнь, 郭雨祺 / Го Юци, 2014: 94–98]. Однако, так как никто не предпринимал сравнительный анализ модели в аспекте её языкового семиотического порождения, которое существенно влияет на качество перевода с родного языка на иностранный, её качественные характеристики до сих пор остаются не описанными.

Общеизвестно, что язык является средством мышления человека и между ними существует самая тесная связь [Выготский, 1984].

Перевод, как особая языковая деятельность, имеет более сложную связь с мышлением. Мыслительная деятельность переводчика состоит из двух частей: мышление на родном языке и мышление на иностранном языке, среди которых мышление на родном языке является активным и неосознанным, а мышление на иностранном языке является пассивным и осознанным.

Следовательно, можно допустить, что на иностранном языке по сравнению с родным уровень понимания всегда ниже (если это не билингв), что не может не влиять на качество выражения. Более того, даже если у переводчика чтение, слух на иностранном языке уже почти достигают или равняются уровню носителя языка, то всё равно его говорение и письмо на иностранном языке, как правило, бывает хуже, чем на родном языке.

А теперь представим себе процесс знаковой трансформации В-А. На первом этапе необходимо принять информацию на иностранном языке через слух и чтение в отдельности или одновременно. Далее на втором этапе выразить содержание информации на родном языке. Что же происходит в сознании переводчика? Считается, что в этот момент идёт столкновение мышления на родном языке с мышлением на иностранном языке и чутьё родного языка, мыш-

ление на нём всегда будут играть активную роль, и это обязательно возьмёт верх, поскольку представляет собой в сознании переводчика позитивно сформированную ментальную модель. Поэтому переводчик достаточно быстро сможет сделать выбор подходящего варианта из числа возможных для выражения мыслей прослушанной, прочитанной иноязычной информации на родной язык. Скорость перевода при этом будут зависеть от его глубины знаний двух языков и практического опыта.

Процесс же знаковой трансформации перевода (перевод А-В) как раз наоборот: на первом этапе переводчику требуется принять информацию на родном языке через слух и чтение в отдельности или одновременно, а на втором этапе выразить её на иностранном языке.

Заметим, что в процессе столкновения двух моделей мышления: на родном языке и на иностранном — в сознании переводчика первая модель всегда возобладает. Это объясняется тем, что она более устойчива и позитивна, но это никак не будет способствовать успешной языковой трансформации, а наоборот — будет препятствовать ей. Другими словами, позитивное мышление на родном языке с особенностями самого языка и его культуры будет препятствовать выражению информации на иностранном языке.

Такие препятствия связаны с разностью языковых систем, с конкретными различиями в способах выражении мыслей и интенций, что нередко наблюдается при построении инофонами языковых конструкций и отсутствии в них логической связи, что сказывается на нарушении строя повествования, узуса выражения, на стилистических предпочтениях и культурных традициях и т.д.

Ещё очень важным моментом является то, что говорение и писание переводчика не может достичь уровня говорения и писания на родном языке, оно может только приблизиться к этому уровню, но тождества ожидать не приходится, поскольку в сознании переводчика хранится гораздо меньше ментальных моделей на иностранном языке, чем на родном языке. Поэтому у переводчика выбор вариантов выражения одного смысла на иностранном языке бывает более ограниченным, чем на родном. Нередко мы встречаемся с тем, что грамматика перевода правильна, но стиль не уместен.

Поэтому анализ двух моделей: перевод с родного языка на иностранный (А-В) и перевод с иностранного языка на родной (В-А), с учётом речевого порождения, помог нам выявить не только недостаточное внимание к направленности переводческой деятельности, но и обнаружить нередкое их смешивание.

Результаты исследований механизма порождения речи убедительно показывают, что различие компетенции перевода с родного

язык на иностранный (А-В) и перевода с иностранного языка на родной (В-А) объясняется несовпадением ментальной модели целевого языка самого перевода.

Синонимическое явление и синонимическая компетенция

Общеизвестно, что язык всегда стремится как можно точнее описывать материальное состояние мира. В плане перевода, весь комплекс языковых средств любого языка представляет собой особый интерес, ибо подразумевает систему взаимодействия и взаимообусловленности ментальных моделей объектов действительности и возможных операций с ними.

Среди многочисленных языковых средств предметом нашего рассмотрения являются синонимы и, как совокупное явление, процесс их функционирования и формирования — синонимия.

Установлено, что синонимия присуща каждому национальному языку. Ещё древние греки пришли к выводу, что в синонимии заключается богатство языка: изобилие мыслей в словах и разнообразие выражений. Греческий учёный Демокрит в IV веке до н.э. уже обратил внимание на то, что одно понятие может выражаться разными словами и выдвинул понятие синонимы (букв. с греч. *synonymos* — одноимённый). В Китае так говорят: «И хуа ю сань шо», значит, что одна мысль может выражаться в трёх, как минимум, вариантах.

Понятно, что язык на каждом своём уровне имеет свой богатый арсенал средств, который может служить вариантами для выражения одного смысла говорящим или пишущим [王铭玉 / Ван Мин-юй, 1996: 6]. Наличие синонимических вариантов позволяет человеку выбрать подходящее предложение для того, чтобы выразить своё представление о мире.

Современная лингвистика уделяет большое внимание изучению синонимии. В лингвистических словарях описаны понятия, вошедшие уже в метаязык как принятые терминологические сочетания, среди них: *синонимическая связь*, *синонимическая замена*, также *синонимическая трансформация*, которые устанавливают отношения между основными и дополнительными смыслами синонимов и границы их функционирования.

В 1998 году китайский русист, профессор Ван Цзяфэй, отметил, что синонимию можно рассматривать как фокус всей языковой практики. Он считал, что благодаря разнообразным синонимическим средствам носитель любого языка избегает однообразия и повтора, достигает тонкости, понятности и экспрессивности выражения.

На продвинутом этапе обучения русскому языку в китайских вузах, в поствузовском образовании требование к учащимся и стажёрам предполагает не только соответствие их речи грамматическим нормам ПЯ, но и культуре иноязычной речи [汪嘉斐 / Ван Цзяфэй, 1998: 6]. А это требование, несомненно, связано с компетенцией выбора оптимального варианта из числа синонимов, синонимических конструкций ПЯ, которые должны храниться в их памяти.

Компетенция, как мы знаем, является современным понятием, которое было введено в профессиональный обиход в процессе модернизации образования. Этот термин был предложен американским учёным Н. Хомским, который выдвинул понятие «лингвистическая компетенция».

В середине 60-х годов И.А. Мельчук в своей работе «Язык: от смысла к тексту» отметил, что владение языком проявляется у человека в умении говорить одно и то же по-разному, другими словами, перифразировать свои высказывания [Апресян, Цинман, 1998: 177].

На основе данного положения мы сделали следующий вывод: что синонимическая компетенция может служить важным показателем языковой компетенции человека. И мы полностью разделяем эту точку зрения.

Когда речь идёт о переводческой компетенции, то, по мнению большинства специалистов, уровень её сформированности проявляется в двух моментах: в скорости перевода и в его уместности.

Мы знаем, что суть перевода заключается в трансформации, которая состоит из двух частей: явной и скрытой. Явная часть (материальная) представляет собой оригинал и перевод. Скрытая часть – это процесс мышления, который происходит будто в чёрном ящике, является совсем невидимым.

У переводчика, который начал изучать иностранный язык во взрослом возрасте, нам совсем нетрудно заметить существенное различие в уровне владения им родным и иностранным языком, особенно при выборе и употреблении в его речи синонимов и синонимических конструкций.

Это значит, что переводческая компетенция зависит синонимической компетенции, что относится и к квалифицированным переводчикам, которые гораздо лучше осуществляют перевод с иностранного на родной язык, достаточно легко устанавливают эквиваленты языковой трансформации.

Анализ трансформации ментальной модели из мыслительного пространства в языковое пространство и вскрытие отношений между ментальной моделью и синонимией показывает, что синонимическая компетенция является самой ключевой из переводче-

ских компетенций, и одновременно самой трудной, самой слабой, и легко игнорируемой компетенцией.

Вот почему большинство переводчиков чувствует, что перевод с иностранного языка на родной легче, чем наоборот. Поэтому формирование как внутриязыковой, так и межъязыковой синонимической компетенции играет существенную роль в повышении переводческой компетенции в целом.

4. Заключение

Исходя из теоретического положения о речепорождении, мы выявили внутреннюю связь между синонимией и ментальной моделью и сделали сравнение перевода с родного языка на иностранный (перевод А-В) с переводом с иностранного языка на родной (перевод В-А). В работе было установлено, что именно синонимическая компетенция обуславливает качество перевода с родного языка на иностранный. Она играет приоритетное значение для определения общего содержания компетенции перевода.

В дальнейшем на основе исследования психологического процесса и механизма трансформации мышления, соглашаясь с тем, что синонимическая компетенция является ключом перевода с родного языка на иностранный, руководствуясь когнитивными закономерностями языка мы можем проводить поиски наиболее эффективных путей для повышения данной компетенции с учётом рече-языковых особенностей конфорнтируемых (противопоставляемых) языков.

Надеемся, что результаты нашего анализа и комментарии будут полезны для дальнейшего всестороннего исследования сложившийся стереотипов непреодолимой трудности в сфере перевода с родного языка на иностранный и привлекут внимание учёных для разработки специальных курсов теории перевода с родного языка на иностранный, в частности с китайского на русский.

Список литературы

- Апресян Ю.Д.* Синонимия и синонимы. Текст / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания, 1969. № 4. С. 75–91.
- Aprésyan, Yu.D.* Sinonimiya i sinonimy. Tekst [Synonymy and Synonyms. Text]. Yu.D. Aprésyan. *Voprosy yazykoznanija*, 1969, No. 4, pp. 75–91 (in Russian).
- Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974. 368 с.
- Aprésyan, Yu.D.* Leksicheskaya semantika: Sinonimicheskie sredstva yazyka [Lexical semantics: Synonymous means of language]. Moscow, 1974. 368 p. (in Russian).

- Апресян Ю.Д., Цинман Л.Л.* Перифразирование на компьютере // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998. С. 177–202.
- Aprésyan, Yu.D., Cinman, L.L.* Perifrazirovanie on the computer [Perifrazirovanie na komp'yutere]. *Semiotics and computer science*. Issue. 36. Moscow, 1998. pp. 177–202. (in Russian).
- 汪榕培、王晓娜. 同义手段说与跨文化交际—王希杰先生的“同义手段说”给翻译研究的启示[J]. 外语与外语教学, 2002, 04: 39–42.
- Ван Жунпэй, Ван Сяона (Wang Rongpei, Wang Xiaona).* Синонимические средства и межкультурная коммуникация: размышление о переводческом исследовании // Иностранные языки и обучение иностранным языкам, 2002. № 4. С. 39–42.
- Выготский Л.С.* Мышление и речь. Изд. 5, испр. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
- Vygotskij, L.S.,* Myshlenie i rech' [Thinking and speaking]. Izd. 5, ispr. Moscow: Labirint, 1999. 352 p. (in Russian).
- 汪嘉斐. 俄语同义现象研究的现状与前瞻[J]. 外语研究, 1998, 03: 6–8.
- Ван Цзяфэй (Wang Jiawei).* Исследование синонимического явления русского языка: нынешнее состояние и его перспектива. 1998. № 3. С. 6–8.
- 王铭玉. 现代俄语同义句的界定标准[J]. 中国俄语教学, 1996, 01: 1–6.
- Ван Мин-юй (Wang Mingyu).* Определение синтаксической синонимии в современном русском языке // Обучение русскому языку в Китае, 1996. № 1. С. 1–6.
- 叶慧君, 郭雨祺. 如何协调教学中母语与外语的关系[J]. 河北大学学报 (哲学社会科学版), 2014, 06: 94–98.
- Е Хуэйцзюнь, Го Юци (Ye huijun, Guo Yuci).* Как наладить отношения между родным языком и иностранным языком в процессе обучения // Вестник Хэйбэйского университета (Философия и общественные науки). 2014. № 1. С. 94–98.
- Золотова Г.А.* Коммуникативные аспекты синтаксиса. М.: Наука, 1982. 368 с.
- Zolotova, G.A.* Kommunikativnye aspekty sintaksisa [Communicative aspects of syntax]. Moscow: Nauka, 1982, 368 p. (in Russian).
- 倪波、顾柏林. 俄语语句同义转换—方法和手段[M]. 上海译文出版社, 1991: 237.
- Ни Бо, Гу Болин (Ni Bo, Gu Bolin).* Методы и средства синонимического преобразования в русском языке. Шанхай, 1991. 237 с.
- Сухотин В.П.* Синтаксическая синонимика в современном русском литературном языке. М., 1960. 260 с.
- Suhotin, V.P.* Sintaksicheskaya sinonimika v sovremennom russkom literaturnom yazyke [Syntactic synonym in the modern Russian literary language]. Moscow, 1960, 260 p. (in Russian).
- 武媛华. 俄汉语境同义手段对比[J]. 外语研究, 1998, 03: 35–37.
- У Айхуа (Wu Aihua).* Русско-китайский сравнительный анализ контекстуально-синонимических средств // Исследование иностранных языков. 1998. № 3. 35–37 с.

Н.Ю. Царева, доцент, профессор факультета русского языка Института иностранных языков Шэньсийского педагогического университета, г. Сиань, КНР; e-mail: tsareva23@mail.ru

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ КАК ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ РКИ ПРИ ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ¹

В статье с лингводидактических позиций на основе адресности обучения, с учётом психолингвистических факторов, влияющих на порождение ответного высказывания будущих переводчиков, рассматриваются синтаксические синонимы, близкие, но не тождественные по смыслу. Автор обращает внимание на актуальность употребления в речи простого предложения и анализирует возможности его употребления с учётом семантики и наличия синонимических конструкций. В статье на многочисленных примерах убедительно доказывается мысль о том, что выбор из числа синтаксических синонимов предполагает как глубокое их осмысление, со стороны обучаемых, так и системное комментирование в учебных целях, со стороны преподавателей.

Ключевые слова: психолингвистические факторы, иноязычная личность, речемыслительная деятельность, синонимия, синтаксические синонимы, простое предложение, семантика, структура, типы, предикат, предикативность.

Natalia Yu. Tsareva, Associate Professor, Professor at the College of Foreign Language of Shaanxi Normal University, Xi'an, PRC; e-mail: tsareva23@mail.ru

SYNTACTIC PARALLELS AS A LINGUODIDACTIC PROBLEM IN THE THEORY AND PRACTICE OF RUSSIAN TEACHING AS A FOREIGN LANGUAGE TO FUTURE TRANSLATORS

The article provides a linguodidactic perspective on targeted training while taking into account psycholinguistic factors influencing the generation of future interpreters' response and syntactic synonyms that are close, but not identical, in meaning to one another. The author analyzes the importance of the use of simple sentences in speech as well as possibilities of their usage while considering semantics and the presence of synonymous constructions. The author provides the reader with numerous examples to illustrate the idea that selecting specific syntactic synonyms implies both their deep rethinking on the part of the students and systemic commenting on the part of the teachers.

Key words: psycholinguistic factors, foreign language personality, speech activity, synonymy, syntactic synonyms, simple sentence, semantics, structure, types, predicate, predicativity.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке общественного научного фонда КНР (16BYU190). Проект «Исследование синонимичной компетенции при переводе с китайского языка на русский». (This article is supported by the Fundamental Research Funds for the Central Universities «Study on the development of Russian linguistic typology» (16SZYB13)).

Введение

Начнём с нескольких вводных положений, которые являются общепринятыми и могут служить в качестве основы для дальнейших размышлений.

Первое. По сути, русский язык как иностранный, с точки зрения речемыслительной деятельности, есть перевод. И нужно оставить заманчивую лингвометодическую мечту о том, что все учащиеся в результате особых тактик и стратегий начнут думать по-русски. Такое явление случается, но касается, скорее, билингвов, и убеждает нас в этом именно практика.

Второе. Русский язык чрезвычайно богат коммуникативно-синтаксическими разновидностями. Причём динамика их движения и изменения весьма высока, особенно на современном этапе развития общества. А если так, то требуется постоянное внимание и изучение данного предмета.

Третье. В русском языке на синтаксическом уровне смысл зачастую определяет выбор строя предложения. Нарушения структур (их языкового выражения, порядка слов) приводит к коммуникативным неудачам.

Если всё вышесказанное принять как априори, то важность рассматриваемой в статье проблемы не может вызывать никакого сомнения.

А теперь позволим себе поделиться некоторыми наблюдениями и их анализом.

Объектом для рассмотрения синтаксических параллелей будет служить единица синтаксиса, именуемая предложением. При этом мы попробуем его проанализировать в плане ответного действия, требующего выполнения триединой функции, а именно: слушающего – думающего – интерпретирующего [Яacobсон, 1985].

Казалось бы, логика ясна относительно следования речевых действий, да и используемые коммуникативно-синтаксические разновидности тоже вполне предсказуемы. Однако имеет место большое «НО», о котором писал выдающийся лингвист, профессор А.А. Потебня:

«Думать при слове то, что думает другой, значит перестать быть самим собою. Поэтому понимание в смысле тождества говорящего и слушающего есть такая же иллюзия, как и та, в силу которой мы принимаем собственные ощущения за внешние предметы» [Потебня, 1990: 138].

В наше время, в этой связи, ценное замечание принадлежит и видному учёному Б.М. Гаспарову, который указывал на то, что в сознании личности все процессы совершаются индивидуально, и их течение и результат неотделимы от характера и жизненного

опыта, поэтому в полном своём объёме они всегда уникальны для каждого [Гаспаров, 1996].

Любопытно то, что при всей индивидуализированности коммуникативного ответного действия адекватность понимания субъектом вполне возможна. Однако это с той оговоркой, что количество и качество его составляющих, обеспечивающие эффективность и реактивность осмысления, будут всегда варьироваться.

Почему? Дело в том, что любое ответное речевое действие включает в себя момент интерпретации, связанный с деятельной природой понимания. Причём по степени интеллектуальной активности, понимание в процессе интерпретации будет требовать от реципиента значительно больших усилий, чем понимание на уровне восприятия. Это во многом объясняется двойственной природой интерпретации: с одной стороны, она связана с реконструкцией, или репродукцией, а с другой — с созданием чего-то нового, то есть продукцией. Свидетельством тому является любое переложение. Ведь всё, что проходит через процесс индивидуального осмысления является, по сути, уже новым произведением [Леонтьев, 1969].

Поэтому, с коммуникативной точки зрения, предложения-ответы учащихся представляют собой не только информативную единицу (знаю), но и речетворческую (выражаю), ибо, по теории профессора М.М. Бахтина, пространство смыслового целого есть пространство, в котором оно функционирует и его поле включает в себя личный опыт, знания того, что обеспечивает осмысление и понимание [Бахтин, 1986].

Все указанные теоретические положения имеют своё развитие и среди лингвистов не вызывают сомнения. И это именно то, чем можно руководствоваться при определении приоритета в необходимости лингводидактического комментирования изучаемых языковых единиц, в частности для китайских учащихся.

Хотелось бы подчеркнуть и тот факт, что работа в китайской аудитории при обучении РКИ требует намного больших усилий для создания условий, побуждающих к речетворчеству, чем при обучении носителей европейских языков. Препятствием являются, как известно, разность языковых систем, разность осмысления окружающего пространства, разность лингвистического опыта и культуры приобретения знаний.

Безусловно, на всех уровнях языка есть свои зоны трудностей, и синтаксический здесь не исключение. Если говорить о китайских учащихся, это особенно заметно при порождении ими некоего смыслового целого в виде предложения. Ошибки связаны со строем предложения, с выбором в нём предиката с учётом его формы и коннотации, особенно если грамматические формы его в родном

языке отсутствуют (например, в китайском – краткие формы прилагательных или личные формы глагола).

Напомним, что параллельными синтаксическими конструкциями, или синтаксическими синонимами, называются те, которые, «различаясь словесно (лексически), структурно и ситуативно, несут в себе одно общее содержание и поэтому, в большей или меньшей степени, способны заменять друг друга, а значит, вступать в синонимические отношения» [Энциклопедический словарь, 2008: 297].

Чаще всего устанавливаются параллели между простым и сложным предложением, в частности, между простым предложением с причастием или деепричастием и сложным. Случаи эти хорошо описаны, они достаточно структурны, содержательно прозрачны (отношения: деятель-деятельность, субъект-объект и их освоение не должно вызывать больших затруднений).

На наш взгляд, исходя из опыта ведения курса «Практической стилистики» в китайском вузе при обучении выбору языковых средств, следует больше внимания уделять синтаксическим параллелям, имеющим место на уровне простого предложения.

Причина связана с тем, что в современной речи простое предложение явно доминирует, его употребление весьма востребовано как в устной, так и в письменной речи. В разных жанрах прозы и публицистики мы встречаем простое предложение чаще, чем сложное. Объяснения этого факта исследователи связывают с тем, что как коммуникативная единица, простое предложение способно задавать определённый ритм, динамику нарративности, содержать не только в себе сообщение, но и, что немаловажно, указывать на качественную характеристику явлений, в нём может присутствовать оценочное суждение о субъекте или объекте действия [Рогова, 2006].

С точки зрения обучения, нам интересно то, что между разными типами простого предложения устанавливаются синонимические отношения, то есть можно наблюдать общность их содержания, но при разности структурных компонентов и при наличии дополнительной коннотации.

Как мы знаем, полных синонимов практически нет, всегда существуют оттенки, нюансы и прочее. А значит, чтобы выразить мысль, мы находимся перед выбором наилучшей логико-смысловой структуры, реализующейся в виде того или иного типа предложения и составляющих его сегментов.

Конечно, любое словосочетание или предложение обретают свой законченный смысл только в тексте. Однако мы имеем все основания рассматривать те или иные структуры как важные части смыслового целого, которые влияют на качество их понимания и уместность употребления. Наибольшую сложность для иноязычной личности в ходе овладения неродным языком представляет

собой выбор из числа синонимичных языковых элементов, в частности синтаксических синонимов, поскольку затрагивают область не только собственно синтаксическую, то есть строй и внутренние связи, но и семантическую.

Например, синонимия возможна между разновидностями односоставных предложений, а именно, между инфинитивными и обобщённо-личными. Смысл, проявление степени категоричности, в данном случае, будут условием выбора той или иной синтаксической конструкции. Приведём примеры:

(1) <i>Этого не решить!</i>	(2) <i>Этого не решишь!</i>
(1) <i>Его не догнать!</i>	(2) <i>Его не догонишь!</i>

Как мы видим, инфинитивное предложение (1) ориентировано на действительное (не)выполнение действия неким субъектом, который формально не выражен. И конечно, степень категоричности, в нашем случае отрицания, будет достигать наивысшей степени. В обобщённо-личном предложении (2) иная дополнительная коннотация: в нём субъектная неопределённость достигает предела. В данном предложении очевидно обращение к себе, и хотя оно не привязано к конкретному времени, однако указывает на констатацию некоего сложившегося положения, в нём угадывается размышление. И те, и другие конструкции весьма активно используются современными СМИ, в прозе, в разговорной речи, поэтому особенности их употребления, безусловно, заслуживают комментирования в иноязычной аудитории.

Другой пример синтаксических параллелей возможен между аккумулятивными предложениями (1) и безличными (2), особенно если это касается погодных условий (*дождь, снег, град, волна, ветер, туча, облака, песок, молния* и пр.), что играет в последнее время важную роль в новостной информации.

(1) <i>Река размыва берега.</i>	(2) <i>Рекой размыво берега.</i>
(1) <i>Молния убила его.</i>	(2) <i>Молнией убило его.</i>
(1) <i>Волна унесла баркас.</i>	(2) <i>Волной унесло баркас.</i>

При всей общности содержания данных структур, мы сталкиваемся с явными стилистическими предпочтениями. Так, аккумулятивные предложения тяготеют к научному стилю речи. Безличные стилистически нейтральны и, скорее, область их употребления – разговорная речь.

Кстати, употребление конструкции: *Берега размывты рекой* – тоже возможно, однако пассивность субъекта (*берега*) всё-таки будет указывать нам на книжный характер выражения.

Обратим внимание на то, что изменчивость структурно-смыслового наполнения предложения, его дополнительная коннотация

заложена, прежде всего, в предикате! Да, действительно, русский язык предикативен, именно предикат является важнейшим компонентом в структуре предложения, который во многом определяет его рисунок и смысловые отношения, указывает на тональность суждения.

Предикативность – предельно абстрактная категория и, как считают специалисты, она может быть представлена через описание её грамматических составляющих: синтаксического времени, синтаксического лица и объективной модальности [Солганик, 2016]. Эта категория может быть выражена в предложении разными частями речи, но преимущественно всё-таки глаголом. Нужно заметить, востребованность в передаче смыслов с помощью данного класса слов ведёт к постоянному его пополнению и расширению за счёт отымённых образований.

Так, характеризующее значение всё чаще в русском предложении имеют не только имена, но и глаголы, обозначающие занятия, свойства, цвет, характер, поведение лиц. Среди них глаголы на *-ничать*: *важничать, модничать, бездельничать, сплетничать, вредничать, деликатничать, капризничать, умничать, жадничать* и пр.

В комментариях по РКИ наряду с выполнением глаголом предикативной функции в предложении, именной словообразовательной структурой, стоит отметить и его смысловые оттенки, связанные зачастую с отрицательной экспрессией: *модничает, деликатничает, умничает*.

Сравним: (1) *Он умный человек.* (2) *Он умничает.* Если первое предложение нейтрально по тону, то второе содержит скрытую иронию, при этом некое единое начало значений двух предложений уже будет стираться, их семантическая схожесть станет весьма относительной.

Отымённые глаголы, выполняя роль предикатов, способны не только характеризовать предмет, но и сохранять свойственную глаголу процессуальность, среди них глаголы на *-еть*: *розоветь, белеть, стареть, молодеть, уметь, сесть, взрослеть, осиротеть, густеть, добреть, густеть* и прочие. Например:

Конечно, с годами мы умнеем, но при этом стареем, седеем, болеем...

Обратим внимание, что синтаксическая параллель с использованием полного прилагательного в качестве предиката, конечно, возможна, но тон такого высказывания, согласитесь, будет более жёстким, резким. Почему? Видимо, потому, что заложенная в глаголе процессуальность сглаживает силу признака, и поэтому тон суждения уже становится менее категоричным. Здесь будет нелишним напомнить и то, что уместность категоричности в суждениях весьма ситуативно ограничена, и её присутствие никогда не считалось показателем культуры общения.

Можно привести другие синтаксические параллели в использовании глагольного и именного предиката, которые будут близки по смыслу, но не тождественны. К примеру: (1) *Он давно пишет.* (2) *Он давно писатель.*

В первом предложении речь идёт о занятии или увлечении, можно лишь предполагать, что он хороший писатель, а во втором предложении точно устанавливается род занятий и профессиональное признание.

Или сравним ещё два выражения предиката в простом предложении, которые тоже несут в себе дополнительную информацию. Например:

(1) *Он танцор.* (2) *Он танцует.* (1) *Он столяр.* (2) *Он столярничает.*

В первых предложениях речь идёт о профессии субъекта действия, а во-вторых, — о навыках, умениях субъекта что-либо делать.

Заметим, что синонимия синтаксических структур (синтаксические параллели) приводит к сплетённости лексико-грамматических форм, что предполагает довольно сходные семантические эффекты, и выбор конструкций и предикатов уже будет зависеть не от смысла, а от автора и его манеры изложения и языкового вкуса... К примеру: *Он на вид моложав.* *Он выглядит моложаво.*

Синтаксические параллели, их наличие в русском языке свидетельствует ещё об одной особенности современного его состояния, а именно указывают на явное сближение разных типов речи в лексико-грамматическом пространстве русского языка. Примером может служить активное использование краткого прилагательного в качестве предиката в простом предложении, которое раньше свидетельствовало о книжности речи, а сейчас становится данностью разговорной.

К примеру: (1) *Брат ещё совсем молодой.* (2) *Брат ещё совсем молод.*

Как видим, в смысловом отношении данные предложения, можно сказать, равнозначны. И даже если мы обнаружим предпочтительность в современной речи второго, то это будет объясняться внутренними языковыми процессами: стремлением языка к экономии речевого выражения, к большей лаконичности, большей яркости выражения, недаром краткая форма в качестве предиката так востребована в поэзии: *Я и молод, и свеж, и влюблён...* (А. Блок). Причём, если попробовать воспользоваться полными формами, ритм будет потерян и как следствие — поэтичность угаснет.

Заключение

Наш анализ даже ограниченного числа простых предложений и их предикатов убедительно доказывает, что ресурсы синтаксиса русского языка просто неисчерпаемы, поскольку тесно связаны

с семантикой. При обучении выбору строя предложения и его синтаксических составляющих всегда нужно учитывать экспрессивный градус выражения. В этой связи будем помнить, что критерием хорошей речи, наряду с её правильностью, являются уместность и выразительность.

Сегодня такие факторы, как: *возрастание личностного начала, ослабление жёстких рамок публичного общения и свобода речевого поведения* – не означают отсутствие норм, но предполагают всегда поиск лучшего из числа возможного, и выбор среди синтаксических параллелей являются тому подтверждением.

Список литературы

- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
Bahtin, M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo, 1986. 445 p. (in Russian).
- Гаспаров Б.М.* Язык, образ, память. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
Gasparov, B.M. Yazyk, obraz, pamyat'. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya [Language, speech, speech activity]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1996. 352 p. (in Russian).
- Леонтьев А.А.* Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969. 214 с.
Leont'ev, A.A. Yazyk, rech', rechevaya deyatel'nost' [Language, speech, speech activity]. Moscow: Prosveshchenie, 1969. 214 p. (in Russian).
- Потебня А.А.* Теоретическая поэтика. М.: Высшая школа, 1990. 344 с.
Potebnya, A.A. Teoreticheskaya poetika [Theoretical poetics.]. Moscow: Vyshaya shkola, 1990. 344 p. (in Russian).
- Рогова К.А.* О некоторых особенностях стиля «другой» литературы – литературы «новой волны». Сборник статей «Обретение смысла». СПб.: «Осипов», 2006. С. 535–539.
Rogova, K.A. O nekotoryh osobennostyah stilya “drugoj” literatury – literatury “novoj volny”. *Sbornik statej “Obretenie smysla”* [On some features of the style of “other” literature – the literature of the “new wave”. Collection of articles “The acquisition of meaning”]. Saint-Petersburg: “Osipov”, 2006, pp. 535–539 (in Russian).
- Солганик Г.Я.* Русский язык и культура речи. М.: Аспект-Пресс, 2016. 256 с.
Solganik G. Ya. Russkij yazyk i kul'tura rechi [Russian language and culture of speech]. Moscow: Aspekt-Press, 2016. 256 p. (in Russian).
- Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Под редакцией А.Н. Тихонова. Т. 2, М.: Флинта-Наука, 2008. 816 с.
Enciklopedicheskij slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov i ponyatij [Encyclopaedic dictionary-reference of linguistic terms and concepts]. Pod redakciej A.N. Tihonova. Vol. 2, Moscow: Flinta-Nauka, 2008. 816 p. (in Russian).
- Якобсон Р. О.* Избранные работы. М.: Прогресс. 1985. 460 п.
Yakobson, R.O. Izbrannye raboty [Selected works]. Moscow: Progress, 1985. 460 p. (in Russian).

Чжао Хун, доктор филологических наук, профессор, директор Института русского языка Сианьского университета иностранных языков, г. Сиань, КНР; e-mail: xwzhaohong@163.com

О.В. Дубкова, кандидат филологических наук, доцент, иностранный специалист Института русского языка Сианьского университета иностранных языков, г. Сиань, КНР; e-mail: linuan12@mail.ru

ВОСТРЕБОВАННОСТЬ И ПОДГОТОВКА В КНР ПЕРЕВОДЧИКОВ-РУСИСТОВ В ПЕРИОД СТРОИТЕЛЬСТВА «ОДНОГО ПОЯСА И ОДНОГО ПУТИ»

В данной статье рассматриваются общие проблемы подготовки переводчиков-русистов в КНР и их востребованность в рамках строительства «Одного пояса и одного пути». На основании анализа истории подготовки переводчиков в Китае определяются уже существующая практика подготовки и её преимущества. Отмечается важность кадровых ресурсов как первой движущей силой продвижения социально-экономического развития, а также значимость профессионально участвующих в межкультурной коммуникации переводчиков во всестороннем продвижении новой модели международного и регионального экономического сотрудничества. Выдвигается идея изменения статуса русского языка в продвижении инициативы «Один пояс и один путь», что определяет изменение в подготовке переводчиков, которая с ориентации на один язык и одну страну, должна преобразоваться в подготовку переводчиков русскоязычных стран. Указывается важность соединения внешних и внутренних факторов для достижения результатов в исторической перестройке подготовки переводчиков-русистов.

Ключевые слова: «Один пояс и один путь», переводчик-русист, востребованность, требования к переводчику, подготовка переводчика.

Zhao Hong, Ph.D., Professor, Director of the Institute of the Russian Language, Xi'an University of Foreign Languages, Xi'an PRC; e-mail: xwzhaohong@163.com

Olga V. Dubkova, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Foreign Specialist at the Institute of the Russian Language, Xi'an University of Foreign Languages, Xi'an, PRC; e-mail: linuan12@mail.ru

DEMAND FOR AND TRAINING OF RUSSIAN LANGUAGE TRANSLATORS IN THE CONTEXT OF THE ONE BELT ONE ROAD INITIATIVE

The article examines the general problems of training Russian-language translators in the PRC and their relevance in the framework of the development of The One Belt One Road Initiative. Based on the analysis of the history of translators' training in China, the already existing practice of training and its advantages are determined. The importance of human resources as the first driving force behind the promotion of social and economic development is noted, as well as the importance of translators/interpreters who are professionally involved in the cross-cultural communication in the comprehensive promotion of a new model of international and regional economic cooperation. The idea of changing

the status of the Russian language in promoting The One Belt One Road Initiative is proposed, which determines the change in the training of translators/interpreters, which, along with the orientation to one language and one country, should be transformed into the training of translators/interpreters in Russian-speaking countries. The importance of combining external and internal factors to achieve results in the historical reconstruction of the training of Russian-language translators/interpreters is shown.

Key words: One Belt One Road Initiative, a translator specialist in Russian, demand, training translators/interpreters.

Кадровые ресурсы – это первая движущая сила социально-экономического развития. Всестороннее продвижение новой модели международного и регионального сотрудничества «Одного пояса и одного пути» требует обеспечения и интеллектуальной поддержки различных кадровых категорий. Согласно опубликованному в марте 2015 года совместному документу Государственного комитета по реформам и развитию, Министерства иностранных дел КНР, Министерства торговли КНР «Перспективы и мероприятия по стимулированию совместного строительства Экономического пояса Шёлкового пути и Морского Шёлкового пути XXI века» (*далее «Перспективы и мероприятия»*), инициатива «Один пояс и один путь» охватывает более 40 стран, более 4,4 млрд человек. В настоящее время в строительстве «Одного пояса и одного пути» участвует более 60 стран и международных организаций, расположенных в данном регионе. В этих условиях на различных уровнях необычайно сложно решить проблему языковых контактов. Для дальнейшего развития вышеуказанной инициативы языковое общение становится проблемой, которую нужно решить в первую очередь.

В «Перспективах и мероприятиях» указывается на 3 важнейших направления развития Экономического пояса Шёлкового пути: 1) Китай – Центральная Азия, Россия и Европа; 2) Китай – Центральная Азия, Западная Азия, Персидский залив и Средиземное море; 3) Китай – Юго-Восточная Азия, Южная Азия, Индийский океан. Первые два направления связаны с русским языком, на этих направлениях помимо Российской Федерации, которая является стратегическим партнёром КНР и в которой русский язык является государственным, более чем в 10 странах используется русский язык в качестве языка межнационального общения. Кроме того, русский язык – один из рабочих языков ШОС. Можно предположить, что в долгосрочной перспективе русский язык продолжит играть важную роль в строительстве и развитии «Одного пояса и одного пути».

Как отмечают специалисты, история преподавания русского языка в Китае насчитывает более 300 лет, однако в разные исторические периоды цель и задачи подготовки существенно различались. После создания Нового Китая в стране масштабное развитие

получило преподавание русского языка, подготовлено огромное количество переводчиков-русистов, в которых возникла острая необходимость. Резюмируя вышесказанное о ситуации с переводчиками-русистами в Китае, выделяем 4 характерные особенности:

1. В 1949–1959 гг. Китай, истерзанный внутренними беспорядками и внешней агрессией, получил реальную помощь от Советского Союза для укрепления социалистической идеологии и развития национальной экономики. В этот период подготовлено большое количество переводчиков-русистов двух типов: переводчик в общественно-политической сфере и переводчик в научно-технической сфере.

2. В первые десять лет после создания Новый Китай учился у Советского Союза. Советская литература также стала важнейшим объектом чтения у китайцев. Как отмечает Чэнь Цзяньхуа, «С октября 1949 года по декабрь 1958 года в общей сложности количество переведённых на китайский язык литературных произведений достигло 3527 (не включая произведения периодической печати), общий тираж составил 82 млн экземпляров. На них приходится примерно две трети общего числа переводов иностранных литературных произведений за тот же период и три четверти тиража» (перевод наш. – Ч.Х., О.Д.) [陈建华 / Чэнь Цзяньхуа, 1998: 184].

3. После 80-х гг. XX в. реформы и открытость в значительной степени способствовали развитию позиции Китая на мировой арене. После распада СССР непрерывно развиваются китайско-российские отношения, устанавливаются дипломатические отношения с другими странами, в которых используется русский язык (важнейшими являются 5 стран Центральной Азии). Для обеспечения взаимной выгоды, всеобщего процветания, мира и дружбы на основе многочисленных обменов перевод с русского языка постепенно получает многостороннее развитие, при этом основное внимание отводится переводу в гуманитарной и экономической сферах.

4. По мере развития дипломатических отношений Китая с РФ и другими русскоязычными странами, опираясь на идеи «мира, развития, сотрудничества и взаимного выигрыша» XXI века, особенно после выдвижения инициативы «Один пояс и один путь», следующего духу «мира и сотрудничества, открытости и толерантности, обучения друг у друга, взаимной выгоды и взаимного выигрыша», для переводчиков-русистов начался весьма благоприятный многовекторный и всеохватывающий период.

Анализ ситуации на каждом из этапов позволяет обнаружить очевидные изменения в требованиях к переводчикам-русистам в период строительства «Одного пояса и одного пути». Считаем целесообразным обратить внимание на следующее:

1. Увеличивается количество стран, в которых используется русский язык. После распада Советского Союза помимо китайско-русских отношений стратегического партнерства в настоящее время отношения КНР со странами Центральной Азии переживают самый благоприятный период за всю историю. Кроме того, КНР создал дружественные дипломатические и торгово-экономические отношения с Украиной, Белоруссией, Азербайджаном, Арменией и другими странами. Хотя русский язык остаётся востребованным в этих странах, но все они имеют свою собственную политическую систему, историю, религию, культуру и обычаи, поэтому обмены и сотрудничество в соответствующих областях значительно отличаются.

2. Постоянно расширяется и развивается сфера востребованности переводчиков-русистов. От сближения КНР с русскоязычными странами до участия в ШОС, впоследствии отклик на китайскую инициативу «Одного пояса и одного пути» пяти стран Центральной Азии, а затем и других государств бывшего Советского Союза постоянно расширяется спрос на письменных переводчиков-русистов в разных сферах, включая культуру, торговлю, финансы, управление, право, образование, сельское и лесное хозяйство, геологию, медицину, технику, археологию, Интернет, спорт и т.д., а также на комплексное владение двумя языками: русским и казахским, русским и украинским, русским и белорусским. Следует отметить необходимость формирования у переводчиков-русистов регионоведческих знаний, расширения когнитивных областей, знакомства с обликом и особенностями различных стран, где используется русский язык.

3. Усилятся требования для переводчиков-русистов к знанию родного языка и культуры китайского народа. По мере роста «мягкой силы» Китая для репрезентации страны в мире и «выхода вовне» постоянно расширяется объём и содержание переводимой на русский язык информации [周红 / Чжоу Хун, 2016: 5]. С научной точки зрения, в межкультурной коммуникации только на основе культурного самосознания, культурного самодоверия и культурного обмена можно достичь передачи информации на другом языке, распространить и передать традиционную культуру каждого народа. Иными словами, каждый переводчик – это не только «транслятор», но и наследник родного языка.

4. Постоянно обогащаются виды и типы перевода. Китай – страна-инициатор «Одного пояса и одного пути», которая берёт на себя обязательства по мероприятиям «Одного пояса и одного пути». Под влиянием экономической глобализации, интернационализации

и геополитических трансформаций во всех мероприятиях участвует всё больше стран, обогащается содержания обменов, постоянно углубляется взаимодействие. Многие страны объединяются на различных мероприятиях, и, как правило, рабочими языками являются китайский, русский, английский. Ситуацию с переводом можно назвать «разнообразной»: двусторонний китайский и русский, письменный и устный, перевод с (без) использования технических средств, трёхсторонний перевод с использованием языка-посредника (английский и другие языки) и т.д.

5. Новое развитие получают технологии и исследования перевода с русского языка. С развитием Интернета и перевода с русского языка как самостоятельной отрасли появились электронные переводчики с русского языка. Согласно статистическим данным, в настоящее время существует около 10 брендов портативных электронных словарей; множество компьютерных электронных словарей и видов программного обеспечения электронного словаря смартфона, они имеют большую ёмкость, могут не только осуществлять перевод на русский и китайский языки, но и переводить между русским, китайским и другими языками, осуществляя функцию обратного перевода. В настоящее время необычайно развиты китайские и российские технические средства письменного перевода, веб-сайты, информационные базы данных, программное обеспечение для электронного перевода, толковые словари, энциклопедии, словари аббревиатур, ономастические и другие словари, в комбинациях с русским, китайским и другими языками существует множество интернет-платформ для перевода на русский язык, а также другие средства оказания помощи в области письменного перевода. Использование этих средств повышения количества и качества переведённых материалов требует и нового подхода к подготовке переводчиков-русистов.

6. Интенсивно повышается спрос на перевод, увеличивается количество и масштабы переводимых материалов, что привело к созданию профессии переводчик-русист и значительному изменению профессиональных требований. В соответствии с объективной ситуацией на рынке труда появились переводчики свободной профессии, образовались союзы переводчиков; всё больше задач переводчиков-русистов требуют профессионального управления и специализированного функционирования. Практика перевода на крупномасштабных мероприятиях и проектах уже прошла путь от персональной работы «одного переводчика на рабочем месте и многомесячной работы в разных местах» с использованием «бумаги, ручки и словарей» до совместной деятельности создания базы пе-

реводов и единой терминологической библиотеки при помощи нескольких переводчиков и даже нескольких десятков переводчиков через Интернет. Для обеспечения оперативности письменного перевода и его качества письменные переводчики не только должны обладать современными методами перевода, но и, что ещё важнее, следовать принципам коллективной работы и коллегиальности.

7. Повышается важность перевода с развитием языковой поддержки, а спрос на переводческие кадры становится более очевидным. Во многих случаях перевод с русского языка от языка вторичного государства постепенно превратился в один из необходимых языков языковой поддержки. Если 10 лет назад переводчики «могли говорить» и «быть мегафоном», то теперь они стали «способны устанавливать контакты и могут выполнять работу».

На основе вышеизложенного анализа и практического исследования предполагается, что переводчики-русисты для обслуживания строительства «Одного пояса и одного пути» должны обладать следующими способностями:

1. Обладать высокими политическими и идеологическими качествами, иметь хорошее физическое и психическое здоровье, выдерживать влияние многокультурности, адаптироваться для различных условий работы и окружающей среды.

2. Иметь широкое видение существующей международной обстановки и чувство новаторства и инициативы.

3. Хорошо владеть китайским языком и владеть знаниями о богатой китайской культуре.

4. Обладать хорошими знаниями русского языка, понимать общее положение и культуру России и других стран, говорящих на русском, знать их взаимные различия.

5. Обладать межкультурной коммуникативной компетентностью.

6. Понимать английский язык, постепенно изучать другой язык стран русскоязычного региона.

7. На основе собственных интересов изучать международную торговлю, международную политику, международное право и другие аспекты.

Вышеуказанные аспекты должны стать основой для преобразования и строительства специальности переводчик-русист «Одного пояса и одного пути».

Высшие учебные заведения КНР всегда являлись основной силой подготовки переводчиков. Если говорить о переводчиках-русистах, то в последние почти 70 лет после образования Нового Китая каждый этап подготовки русистов имеет сложные исторические причины, но сама подготовка требует нашего изучения. Необходимо

сравнить два периода: период первого десятилетия образования Нового Китая (1949–1959) и период от начала реформ и открытости (1979) до настоящего времени. Без труда можно заметить, что появление внезапного потепления к изучению русского языка на предыдущем этапе имеет глубокие политические причины в стране и за рубежом. Хотя многие аспекты заслуживают нашего отражения, но также необходимо признать, что этот этап для обучения иностранному языку, особенно в новой эре изучения русского языка и подготовки кадров, накопил ценный опыт.

1. Укрепление образовательной системы по подготовке переводчиков-русистов. В первое десятилетие строительства государства, несмотря на нерациональные факторы «Большого скачка и максимального развития» [刘利民 / Лю Лиминь, 2009: 2], русский язык создал благоприятную среду и атмосферу для изучения и использования русского языка в Китае. В каждом вузе основой ориентации специалистов с русским языком является обучение кадровых переводчиков и преподавателей русского языка всех уровней, специалистов по научным исследованиям советской литературы, а также открытие аспирантуры в квалифицированных учреждениях и т.д. [王金容 / Ван Цзиньжун, 2010: 6]. Не следует игнорировать роль русского языка в университетской подготовке в композитной профессиональной компетентности «все сферы и все специальности + русский язык».

2. Профессиональные переводчики в сфере социальной политики, экономики, культуры и искусства, науки и техники, преподаватели-переводчики в вышеуказанной многомодельной системе показали свои способности, на практике взяли на себя ответственность, постоянно совершенствуясь и непрерывно развиваясь, сыграли важную роль в деле содействия развитию общества.

3. Можно заметить, что реформа и развитие подготовки кадров — это не только внутренняя проблема данной учебной специальности, но и проблема, тесно связанная с общей стратегией страны и тенденцией социального спроса. Влияние и ограничение двух последних при диверсификации модели занятости университета зачастую являются более эффективным, более мощным и более глубоким, чем внутренняя мотивация в пределах учебной дисциплины [郑体武 / Чжэн Тиу, 2015: 5].

4. Спрос на переводчиков-русистов и социальные цели обучения созданы потребностью Китая в иностранной помощи для содействия национальному строительству и созданию международного лагеря. Принимая во внимание упоминание о том, что строительство «Одного пояса и одного пути» сопоставимо с соци-

альными потребностями, отражает общее развитие, равенство и дружбу, множественные обмены, предполагаем, что спрос на специалистов-переводчиков в данной ситуации развития и взаимного выигрыша более устойчив, чем на первом этапе.

«Один пояс и один путь» – это стратегия открытости Китая внешнему миру на новом этапе, а также важная национальная всеобъемлющая региональная и даже глобальная стратегия. Её реализация и всестороннее продвижение предоставляет новые возможности для профессиональной подготовки переводчиков-русистов. Возникают естественные вопросы: Как лучше всего готовить переводчиков-русистов в новый исторический период? Каких специалистов по переводу следует готовить?

С 2015 года на новом этапе социально-экономического развития Китая в рамках строительства «Одного пояса и одного пути» обучение русистов в Китае получило новые возможности. В этих условиях необходимо адаптироваться к новым требованиям, принять различные меры и содействовать новому этапу реформирования специальности «русский язык». В процессе разработки своевременное внесение изменений и необходимых корректировок уже стало общим мнением. С помощью различных методов продолжается обсуждение, в теории выдвинуто несколько моделей обучения кадров.

Во-первых, это стратегия «большого русского языка». В 2015 г. на научной конференции «Строительство Экономического пояса Шёлкового пути и подготовка русистов» бывший заместитель министра Министерства образования КНР, председатель КАПРЯЛ Лю Лиминь отмечает, что мы должны построить великую русскую стратегию для Экономического пояса Шёлкового пути, то есть концепцию изучения русскоговорящего региона или науки русскоговорящего региона. «В центре данной концепции должен находиться русский язык. Постоянно расширяя академический кругозор и рамки исследований, стремимся к различным сферам гуманитарного сотрудничества, торгово-экономического сотрудничества, в сторону большего географического и пространственного расширения и развития. Если учебные заведения, где преподаётся русский язык, будут иметь такую концепцию, то они будут иметь более светлые перспективы и воспитание кадров новой модели станет местом, где можно будет проявить себя в полной мере» (перевод наш. – Ч. Х., О.Д.) [刘利民 / Лю Лиминь, 2015: 4].

Во-вторых, комбинированная модель подготовки русистов. Китайские русисты, которые имеют относительно сильные языковые способности, владеют богатыми знаниями о российской куль-

туре, могут быть определены как комплексные специалисты-русисты. Российская история, литература, политические, экономические, дипломатические и другие общие культурные знания хорошего качества имеют большой потенциал, это дает возможность получить в краткосрочной перспективе вторую, или даже третью, четвертую специальность или квалификацию [国玉奇 / Го Юйци, 2005: 13].

В-третьих, уникальные специалисты-русисты. Они обеспечивают стратегию национального и национального развития, адаптируются к региональному социально-экономическому развитию, в полной мере обеспечивают преимущества образования и преподавания, потребности в подготовке кадров регионального экономического развития в интернационализации инновационных талантов [赵红 / Чжао Хун, 2013: 12; 李建刚 / Ли Цзяньган, 2015: 30].

Хотя данные модели акцентируют внимание на одной из сторон, но имеют и общее: в период социально-политического и экономического развития в условиях глобализации подготовка русистов-переводчиков требует эпохальной трансформации. В настоящее время по всей стране открыто более 150 вузов со специальностью «русский язык», учебные заведения представляют разные типы и уровни вузов, ежегодное количество выпускников составляет более 5000, что в целом соответствует необходимому количеству специалистов для строительства «Одного пояса и одного пути», но очевидной остается проблема качества. Уровень подготовки – только одна из сторон проблемы, более важная – это проблема структуры качества. Структурная трансформация, по-прежнему, самая важная задача, стоящая перед специальностью «русский язык» для осуществления подготовки переводчиков «Одного пояса и одного пути».

Что касается учебных заведений, то строительство модели имеет важнейшее значение, однако более важным является внедрение модели. Многие институты и университеты в деле внедрения комплексной модели обучения использовали базовую модель «1+1», но не получили желаемого результата. Таким образом, различные учебные учреждения в данных обстоятельствах нуждаются в конкретном анализе конкретных проблем. Рамки статьи не позволяют подробно остановиться на опыте подготовки переводчиков-русистов в СУИЯ, однако, следует отметить, что нами активно используются географические и геополитические преимущества, а также кадровые и социальные особенности.

Практика подготовки русистов, а также их востребованность от самой первой идеи «Возрождения древнего Шёлкового пути» до концепции «Один пояс и один путь» показывает, что независимо от модели подготовки профессиональных кадров подготовка пере-

водчиков-русистов обязательно должна занимать преимущественное положение в стратегии национально-экономического развития «Один пояс и один путь», соответствовать высокому положению, связанному с Китаем и страной изучаемого языка, соответствовать исторической эпохе, учитывать собственные традиции и преимущества, познание себя и постижение других и отвечать специализированному направлению подготовки переводчиков. Только таким образом может быть достигнута цель подготовки переводчиков-русистов, способных применять свои знания и навыки на практике.

Список литературы

- 王金容, 中国俄语教育的历史与现状探析, 《四川理工学院学报》(社会科学版), 2010/6, 95–98.
- Ван Цзиньжун (Wang Jinrong)*. Анализ истории и современного преподавания русского языка в Китае / Вестник Сычуаньского политехнического института (Социальные науки), 2010. № 6. С. 95–98.
- 国玉奇, 复合型俄罗斯学人才的培养与课程改革, 《中国俄语教学》, 2005/4, 11–14页。
- Го Юйци (Guo Yuqi)*. Комплексная подготовка русистов и обновление учебной программы // Русский язык в Китае, 2005. № 4. С. 11–14.
- 国家发展改革委, 外交部, 商务部. 2015. 推动共建丝绸之路经济带和 21 世纪海上丝绸之路的愿景与行动[R]. 北京: 外交出版社。
- Государственный комитет по реформам и развитию КНР, Министерство иностранных дел КНР, Министерства торговли КНР. 2015. Перспективы и мероприятия по стимулированию совместного строительства Экономического пояса Шёлкового пути и Морского Шёлкового пути XXI века. Пекин: Изд-во Международные отношения.
- 李建刚, 新形势下我国俄语专业特色与现代化建设思考, 《中国俄语教学》, 2015/3, 28–31页。
- Ли Цзяньган (Li Jiangang)*. Анализ особенности специальности «русский язык» в нашей стране и строительство модернизации в новой обстановке // Русский язык в Китае. 2015. № 3. С. 28–31.
- 刘利民, “一带一路”框架下的中俄人文合作与交流, 《中国俄语教学》, 2015/8, 1–4 页。
- Лю Лиминь (Liu Limin)*. Китайско-российское гуманитарное сотрудничество и обмена в рамках «Одного пояса и одного пути» // Русский язык в Китае, 2015. № 8. С. 1–4.
- 刘利民, 新中国俄语教育60年, 《中国俄语教学》, 2009/11, 1–6 页。
- Лю Лиминь (Liu Limin)*. Шестидесятилетие преподавания русского языка в Новом Китае // Русский язык в Китае. 2009. № 11. С. 1–6.
- 周虹, “一带一路”需要跨文化人才支撑 (新论), 《人民日报》, 2016.2.1, 第5版。
- Чжоу Хун (Zhou Hong)*. «Один пояс и один путь» требует поддержки специалистов кросс-культурных коммуникаций. Жэньминьжибао. 2016.02.01. С. 5.

赵红, 西安外国语大学俄语特色专业建设十年回顾与展望, 《亚太地区俄语教学》(俄), 2013年, 5—11页。

Чжао Хун (Zhao Hong). Итоги 10-летнего развития и перспективы строительства особой специальности «русский язык» в Сианьском университете иностранных языков // Преподавание русского языка в Тихоокеанском регионе, 2013. С. 5—11.

郑体武, 面对新契机, 俄语专业何为, 《中国俄语教学》, 2015年第3期, 5—8页。

Чжэн Тиву (Zheng Tiwu). Что делать специальности «русский язык» перед лицом новых возможностей // Русский язык в Китае 2015. № 3. С. 5—8.

陈建华, 《20世纪中俄文学关系》, 学林出版社, 1998年, 184页。

Чэнь Цзяньхуа (Chen Jianhua). Китайско-российские литературные связи в XX веке. Пекин: Изд-во «Сюэлинь», 1998. 184 с.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

Ван Цуй, доцент, зам. декана факультета русского языка Института иностранных языков Шэньсийского педагогического университета, г. Сиань, КНР; e-mail wangcui@snnu.edu.cn

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КИТАЙСКОГО НАРЕЧИЯ “也” И ЕГО ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК¹

В данной статье мы анализируем многофункциональную особенность наречия на примере “也” в китайском языке и его перевод на русский язык. На основе системно-функциональной лингвистики мы разделяем наречие “也” на два класса: выражающее логическое значение и межличностное значение соответственно. Логическое значение включает в себя традиционное сочинение, присоединение; а в межличностном значении включены разные модальности. При употреблении в логическом значении перевод “也” на русский язык разнообразный: это может быть «и, и... и, даже, да... и, кто (как, какой) бы ни, так... и, но» и др., а если наречие “也” имеет межличностное значение, обычно оно переводится как «даже», «и» или путём семантического преобразования. Многогранная функция “也” и разные варианты перевода его на русский язык явно показывают смешанную особенность наречия.

Ключевые слова: наречие, слово “也”, перевод с китайского на русский язык, логическое значение, межличностное значение.

Wang Cui, Associate Professor, Deputy Dean of the Russian Language Department of the School of Foreign Languages Shaanxi Normal University, Xi'an, PRC; e-mail wangcui@snnu.edu.cn

A FUNCTIONAL ANALYSIS OF THE CHINESE ADVERB “也” AND ITS TRANSLATION INTO RUSSIAN

In this paper, we analyze multi-functional features of adverbs by means of studying “也” in the Chinese language and its translation into the Russian language. Within the framework of Systemic Functional Linguistics, we divide the adverb “也” into two groups: expressing logical meanings and expressing interpersonal meanings. The logical meanings include a traditional composition and joining, whereas the interpersonal meanings contain different modalities.

When the word “也” is used to express logical meanings, translations of this word into Russian vary. It can be translated as “и, и... и, даже, да... и, кто (как, какой) бы ни,

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке фундаментального исследовательского фонда для центральных университетов «Исследования развития лингвистической типологии в России» (16SZYB13) (This article is supported by the Fundamental Research Funds for the Central Universities “Study on the development of Russian linguistic typology” (16SZYB13).

так... и, но”. If, however, the adverb “也” expresses interpersonal meanings, it is usually translated as “даже” or “и”. When there is no regular equivalent between Chinese and Russian, the semantic transformation is often used.

The multifaceted function of “也” and its various translations into Russian clearly show the mixed features of adverbs.

Key words: adverb, the word “也”, translation from Chinese into Russian, logical meanings, interpersonal meanings.

Введение

Наречие – особая часть речи. Это едва ли не самый спорный лексико-грамматический класс слов. Главная причина этого заключается в том, что наречия отличаются разнообразием функций и форм выражения, у которых мало очевидной маркировки и свободное место в предложении. Наречия разделяются на группы по разным критериям. Определение наречия в лингвистике затруднено. В.В. Виноградов [Виноградов, 2001: 595] считал, что категория наречий истари была свалочным местом для всех так называемых «неизменяемых» слов. Аналогичное мнение у китайского лингвиста Люй Шусяня «Наречие было изначально мешаниной» [吕叔湘 / Люй Шусян, 1979: 42]. Известный британский грамматист Р. Кверк (R. Quirk) разделял такую точку зрения: «Из-за большой неоднородности наречие является самым туманным и загадочным классом слов. Можно сказать, что наречие – это слова, которые нельзя отнести к другим категориям слов» [Quirk, 1985: 438]. По статистике Го Жуй: «в китайском языке общее число наречий (равное 999) составляет меньше половины числа прилагательных (2355), но частота употребления наречий больше, чем прилагательных, при этом наречия по частотности употребления следуют за глаголом и существительным» [郭锐 / Го Жуй, 2002: 275]. Иными словами, на самом деле наречие представляет собой смешанную и высокочастотную часть речи. Его активность в выражении показывает разнообразие употребления при коммуникации. Это неизбежно приводит к трудностям в усвоении наречий, особенно для иностранных учащихся.

В данной статье мы будем анализировать многофункциональную особенность наречия на примере “也” в китайском языке и его перевод на русский язык.

Семантика и функция высокочастотного наречия “也” в современном китайском языке сложны и разнообразны. Проводившиеся исследования сосредоточены главным образом на вопросах семантики и функции “也” в предложении. Одни учёные, такие как Чжу Дэси [朱德熙 / Чжу Дэси, 2007: 196], Ма Джэнь [马真 / Ма Джэнь, 1982: 283–288], Ян Имин [杨亦鸣 / Ян Имин, 1988: 56] и Ли Зоньздянь [李宗江 / Ли Зоньздянь, 1997: 164], считают, что слово “也” имеет только одно основное значение – аналогичность, а другие

значения являются периферийными. По мнению других грамматистов, например, Люй Шусян [吕叔湘 / Люй Шусян, 1982: 351] и Ван Цзыцян [王自强 / Ван Цзыцян, 1998: 233] и др., “也” может выполнять функции сочинения, корреляции и модальности. Кроме того, в «Словаре Синьхуа» [2004: 561] и в «Словаре современного китайского языка» [丁声树 / Дин Шэншу, 2017: 1528] перечисляют вышеизложенные семы, добавляя значение аналогичности, уступки и противопоставления. С точки зрения синтаксиса “也” рассматривается как обстоятельство в простом предложении или как адвербиальная конъюнкция в сложном предложении. Исследования разъяснили разные значения наречия “也”, но разделение его функций ещё расплывчатое, невозможно системно объяснить семантическую и синтаксическую роль наречия “也” в разных конструкциях. В связи с этим мы будем анализировать наречие “也” в рамках системно-функциональной лингвистики главным образом на основе перевода художественного текста.

1. Логическое значение и синтаксическая функция наречия “也”

Согласно системно-функциональной лингвистике, функция языка постоянно меняется, после обобщения бесконечных возможностей языка выделены три абстрактных типа метафункции: эмпирическая метафункция (*experiential metafunction*), которая выражает процесс развития субъективного или объективного мира и соотношения между собой; межличностная метафункция (*interpersonal metafunction*), отражающая социальные связи между людьми и дающая разные оценки или суждения; текстуальная метафункция (*textual metafunction*), которая отвечает за то, как значения в предложении организованы в связи с окружающими их идеями и встроены в более широкий контекст высказывания.

На основе системно-функциональной лингвистики мы разделяем наречие “也” на два класса: выражающее логическое значение и межличностное значение соответственно. Логическое значение включает в себя традиционное сочинение, присоединение; а в межличностном значении включены разные модальности. Например:

(1) 第二天我起得很迟午饭之后, 出去看了几个本家和朋友, 第三天也照样。[鲁迅, 祝福]. *На следующий день я встал поздно и после обеда отправился с визитами. Третий день тоже прошёл в визитах к родственникам и друзьям* (Лу Синь. Моление о счастье, перевод А.П. Рогачева).

В этом примере “也” выступает в качестве союзного наречия, соединяющего сочинительные предложения, при этом оно выражает традиционное значение, добавляя новую информацию о действии

агента предложения. Слово “也” здесь обозначает то, что сделано во второй день, ещё раз повторено в третий день. Такое значение соответствует основному содержанию русского наречия «тоже», «также». Дополнительную новую информацию можно ввести любым актантом предложения, например, агентом в примере (1) или пациентивом в примере (2):

(2) 学校被他抛到了脑后, 老师也被他睬在了脚下。[莫言, 变].
Он окончательно и бесповоротно порвал со школой, оставив её далеко позади и растоптал учителей (Мо Янь. Перемены, перевод Н. Владова).

В этом отрывке автор Мо Янь описывает картину, когда Хэ Чжиу бросил учёбу и распрощался со школой. В этом предложении автор сопоставил отношение Хэ Чжиу к школе и учителям. “也” добавляет новую информацию о пациентиве (учителе) предложения, соединяя два сочинительных предложения, связанных присоединительной связью. Поэтому союзное наречие “也” переведено как союз «и» в русском языке.

Наречие “也” может добавлять новую информацию о самом процессе или образе действия, как в примере (3) и (4). В общем, упомянутая выше присоединенная или дополняемая информация, введенная наречием “也” во фразу, реализована в любом семантическом компоненте. В таком случае “也” обычно переведено как наречие «тоже», союз «и» (4), «и... и», «такой... как...» (3), а иногда нет лексического эквивалента (5).

(3) 前面一伙小孩子, 也在那里议论我; 眼色也同赵贵翁一样, 脸色也铁青。[鲁迅, 狂人日记]. *Ребяташки, шедшие толпой впереди, тоже говорили обо мне. Выражение их глаз было таким же, как у Чжао Гуй-вэня, лица – темны, как чугуун* (Лу Синь. Записки сумасшедшего, перевод С. Тихвинского).

(4) 她有了孕, 作了母亲, 她更好看了, 也更大方了—我简直的不忍再用那个 “野” 字! [老舍, 我这一辈子]. *Она забеременела, стала матерью, при этом похорошела и стала держаться ещё более свободно – мне не хотелось бы вновь употреблять слово «распущенно»!* (Лао Шэ. Моя жизнь, перевод А.А. Родионова).

(5) 这样, 我们作活, 一边工作也一边游戏, 仿佛是。[老舍, 我这一辈子]. *Таким образом, выполняя заказ, мы одновременно и работали, и играли, как будто так* (Лао Шэ. Моя жизнь, перевод А.А. Родионова).

Иногда дополнительное отношение не отражается в конкретных компонентах, а просто описывает аналогичную ситуацию. В примере (6) конструкция с “也” обозначает: то, что случилось с белым снегом, происходило и с листвой вечнозелёного остролиста. Их поглотило чернеющее море голов.

(6) 岳之峰从飞机场来到X城火车站的时候吓了一跳—黑压压的人头，压迫得白雪不白，冬青也_也不绿了。[王蒙，春之声]. *Когда Юэ Чжифэн с аэродрома ехал на вокзал в N, он испуганно вздрогнул: и белизну снега, и листву вечнозелёного остролиста поглотило чернеющее море голов* (Ван Мэн. Весенние голоса, перевод С. Торопцева).

Связь между двумя аналогичными ситуациями даже может превосходить рамки фразы или текста, может реализовываться на основе контекста. Такое употребление “也” чаще встречается в художественных текстах, например:

(7) 有钱船总儿子，爱上一个弄渡船的穷人家女儿，不能成为稀罕的新闻，有一点困难处，只是这两兄弟到了谁应取得这个女人作媳妇时，是不是也_也还得照茶峒人规矩，来一次流血的挣扎？[沈从文，边城]. *Сыновья богатого лодочного начальника влюбились в девушку из бедной семьи паромщика — и это не было такой уж редкой новостью, была только одна сложность: когда придётся выяснять, кто же возьмёт её в жены, неужто дело дойдёт до обычаев Чадуна и братья сойдутся в кровавой схватке?* (Шэнь Цунвэнь. Пограничный городок, перевод Н.А. Сомкиной).

В романе «Пограничный городок» автор Шэнь Цунвэнь ни разу не описывал обычай Чадуна, по которому мужчины решают конфликты между собой путём проведения поединка. Здесь традиция с “也” добавляет такую внетекстовую информацию, наречие “也” связывает текст с контекстом, т.е. внетекстовой культурной экзотикой. Если братья влюбились в одну девушку, по обычаю Чадуна в аналогичном положении мужчины должны сойтись в кровавой схватке. С такой ассоциацией автор задает стилистический вопрос, надо ли поступать как Чадуны? Сопоставляя два аналогичных дела, Шэнь Цунвэнь употребляет наречие “也”. При переводе на русский язык союз «и» присоединяет два целых предложения, поясняя ранее изложенную мысль или обобщая предшествующее высказывание.

Когда наречие “也” употребляется в конструкциях с составными союзами, оно может выражать логическое значение, например, значение условия, уступки, поворота, предположения, причины и следствия. В таком случае наречие “也” часто переводится как «кто (как, какой) бы ни», «всё равно», «даже», «да... и», «всё-таки», «всё равно» и т.п. по их семантической функции в предложении. Например, в (8) фрагменте составной союз “不论...也” указывает на любое предполагаемое лицо, значение условия выражено устойчивым оборотом «кем бы он ни был». В (9) — “哪怕...也” обозначает понятие «во всяком случае... всё ещё», значение уступки выражено повелительным наклонением единственного числа «поднимись» и частицей «всё равно» для усиления противопоставления ранее вы-

сказанному. В (10) – “就是...也” подчёркивает результат предшествующего действия, добавляя значение уступки, которое выражено частицей «даже» и союзом «да... и». Значение предположения/причины или следствия в (11) выражено с помощью союза «так и».

(8) 学徒的意思是 一半学手艺, 一半学规矩。在初到铺子去的时候, 不论是 谁也得害怕, 铺中的规矩就是 委屈。[老舍, 我这一辈子]. *Подразумевается, что подмастерье половину времени изучает ремесло, а половину – правила поведения. Кто попадал в мастерскую, кем бы он ни был, должен был устрашиться, ведь правила там были строгие* (Лао Шэ. Моя жизнь, перевод А.А. Родионова).

(9) 真正辽阔的不是海而是天空, 到海边去看看天空吧, 他多么想凌空展翅! 坐在飞机上, 哪怕上升到一万米, 两万米, 大概也体会不到一只燕子的欢乐。[海的梦, 王蒙]. *По-настоящему бескрайне не море, а небо. Глядя с берега в небесный простор, он мечтал о полёте! Поднимись в самолёте на десять, на двадцать тысяч метров, всё равно не постигнешь упоения ласточки* (Ван Мэн. Весенние голоса, перевод С. Торопцева).

(10) 裁缝老婆下了断语: “我看这娘儿们最多再等上一年。那矮子再不出来, 她就得改嫁。要是我啊—现在就离婚改嫁, 等那矮子干嘛, 就是放出来, 人不是人, 钱也没了!” [冯骥才, 高女人和她的矮丈夫]. *Жена портного заключила: «Думаю я, она подождёт ещё годик да и выйдет замуж. По мне, так ей и сейчас уже надо развестись и выйти за кого другого. Чего ждать этого коротышку? Если даже его и выпустят, всё равно он уже не человек, да и денежки тую-тую!»* (Фэн Цицай. Высокая женщина и её муж-коротышка, перевод Б. Рифтина).

(11) 苏小姐想说: “这话不对。不偷钱袋是因为钱袋不值得偷; 假如钱袋里容得几千万, 偷了跟纳贿一样的安全, 他也会偷。” [钱钟书, 围城]. *Су захотелось возразить: знай, мол, этот чиновник, что в кошельке тоже лежат сотни тысяч и что кража может сойти ему с рук, так и притронулся бы* (Цянь Чжуншу. Осаждённая крепость, перевод В. Сорокина).

Но бывают случаи, когда логическое значение, выраженное китайским наречием “也”, в русском переводе включено в целую лексическую, интонацию или внутреннюю логику, поэтому нет лексических эквивалентов. Так, в примере (12) значение поворота “也” соединено воедино с союзом «но», а в примере (13) значение поворота “也” в конструкции с составным союзом “即使...也” выражено сопоставлением описания прекрасного пейзажа и действия людей, а не лексическим эквивалентом в русском переводе.

(12) 梅毒在遗传上产生白痴、疯狂和残疾, 但据说也能刺激天才。[钱钟书, 围城]. *Передаваясь по наследству, сифилис приводит*

к появлению умственно или физически дефективных детей, но он же, как утверждают, способствует выявлению таланта (Цянь Чжуншу. Осажденная крепость, перевод В. Сорокина).

(13) 即使在风平浪静, 蓝天白云的上好天气, 即使在海水清得可以看见每一条游鱼和每一团海藻的时候, 即使海浪的拍拂轻柔得像母亲向摔痛了的孩子吹的气, 大部分人也只是在离岸二十米以内, 在海水刚没过脚脖子, 最多刚没过膝盖的地方嬉戏。[海的梦, 王蒙]. *Ну, когда тишь да гладь, голубое небо да белые облачка, словом, погодка хоть куда, когда в прозрачной воде видны юркие рыбёшки и водоросли на дне и едва-едва – так мать дует на ранку ушибшегося малыша – колышется поверхность моря, отдыхающие, слегка омочив ступни, самое большое колени, сидят метрах в двадцати от воды* (Ван Мэн. Весенние голоса, перевод С. Торопцева).

2. Межличностное значение и синтаксическая функция наречия “也”

Чжан Ишэн [张谊生 / Чжан Ишэн, 2000: 20] указал, что в современном китайском языке все коррелятивные наречия одновременно принадлежат к другой категории, нет чистого коррелятивного наречия Чэнь Хуняо [陈鸿瑶 / Чэнь Хуняо, 2012: 97] анализировал “也” с когнитивной точки зрения, он полагал, что “也” отражает сопоставление говорящим реального события и предпосылки события, потом выражается оценка отношения, т.е. “也” ограничит рамку сопоставления. В общем, мы считаем, что слово “也” в китайском языке является модальным и коррелятивным наречием. Оно может выражать смягчённую критику или интенсивное значение, поэтому его считают модальным наречием. С точки зрения семантики модальность как основной элемент модуля межличностной метафункции включает разные семантические оттенки. Все модальности имеют одну общую черту, которая добавляет субъективную оценку высказыванию (факту или утверждению). Мы разделяем модальные функции “也” на два типа: отражение мягкого тона и подчёркивание смысла высказывания.

Например:

(14) 你也太不懂事了。 – *И ты слишком неразумный.*

В (14) “也” добавляет смягчённый укор говорящего. “也” намекает, что не только ты, но и другие неразумны. Итак, сильная оценка укора «ты слишком неразумный» ослабевает. Употребление «и» в русском переводе отражает тактичную модальность.

В примере (15) “也” тоже перед сказуемым выражает модальные оттенки сомнения или колебания говорящего лица, которое избе-

гает категорического отказа. Сомнительная модальность не буквально переведена на русский язык, а только путём семантической трансформации смысла, выражаясь парафразой «только вряд ли».

(15) 我准备再远走五十里, 看看可有些獐子兔子。但是, 怕也难。当我射封豕长蛇的时候, 野兽是那么多。[鲁迅, 奔月]. *Думаю, проехать ли на пятьдесят дальше, авось попадетя косуля или заяц. Только навряд ли... Вот когда я стрелял вепрей и удавов, тогда зверя было в избытке...* (Лу Синь. Побег на луну, перевод В. Сухорукова).

В примере (16) “也” подчёркивает некую одинаковую ситуацию для субъектов или объектов, без исключения. Когда наречие “也” играет роль подчёркивания, оно указывает семантический центр высказывания в определённой рамке. Когда вопросительные местоимения “谁/什么/哪儿” (кто/что/где или куда) сочетаются с наречием “也”, как в примере (16)а, вопросительные местоимения “谁/什么/哪儿” не обозначают конкретного человека/предмет/место, а имеют общий характер, подчёркивая смысл высказывания, который касается любого компонента контекста.

(16)а. 谁也不说话。 – *Никто не говорит.*

б. 他连水也不能喝。 – *Он даже воды выпить не может.*

В (16)б “连...也” является тесно связанной конструкцией, в которой частица усиления “连”, склоняющаяся к агглютинативному члену предложения, вместе с наречием “也” играет роль определения слова «вода» в высказывании. В (16)б “连...也” вместе ограничивает минимальную сферу физиологической деятельности человека, отражая эффект подчёркивания плохого положения человека. В таких случаях “也” часто переводят на русский язык как «даже, но даже».

Вывод

Слово “也” – особое наречие, отличное от типичного. Оно не может быть фокусом высказывания, не может определяться другим словом, к нему нельзя задать вопрос. С точки зрения функции модальное наречие “也” прямо определяет синтаксический компонент, но не является обычным обстоятельством. Модальное значение наречия “也” представляет собой деривацию логического значения. При употреблении в логическом значении перевод “也” на русский язык разнообразный: это могут быть «и, и... и, даже, да... и, кто (как, какой) бы ни, так... и, но» и др., а если наречие “也” имеет межличностное значение, обычно оно переводится как «даже», «и» или путём семантического преобразования. Многогранная функция “也” и разные варианты перевода его на русский язык явно показывают смешанную особенность наречия.

Список литературы

- Виноградов В.В.* Русский язык (грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. М.: Русский язык, 2001. 720 с.
- Vinogradov, V.V.* Russkij yazyk (grammaticcheskoe uchenie o slove). [Russian language]. Moscow: Russkij yazyk, 2001. 720 p. (in Russian).
- Власова Н.* (пер.). Мо Янь. Перемены. М.: Эксмо. 2014. 145 с.
- Vlasova, N.*(per.). Mo Yan. Peremeny [Change]. Moscow: Eksmo. 2014. 145 p. (in Russian).
- Рифтин Б.*(пер.). Фэн Цицай. Высокая женщина и её муж-коротышка / Сорокин (сост.) Современная китайская проза, перевод с китайского языка. М.: Известия, 1984. С. 222–235.
- Riftin, B.* (per.) Feng Jicai. Vysokayazhenshchina I eemuzh-korotyshka. Sorokin (sost.) Sovremennaya kitajskaya proza, perevod s kitajskogo yazyka [The tall woman and her short husband]. Moscow: Izvestiya, 1984, pp. 222–235 (in Russian).
- Рогачева А.П.* (пер.). Моление о счастье / С. Хохлова (ред.). Лу Синь. Повести и рассказы. М.: Художественная литература, 1971. С. 171–185.
- Rogacheva, A.P.* (per.) Molenie o schast'e / S. Hohlova (red.) Lu Xun. Povesti i rasskazy [Blessing]. Moscow: Hudozhestvennaya literature, 1971, pp. 171–185 (in Russian).
- Родионов А.А.* (пер.). Лао Шэ. Моя жизнь / А.А. Родионов (сост.). Пограничный городок. Китайская проза XX века: Перевод с китайского языка. СПб.: Институт Конфуция в СПбГУ, 2012. С. 7–65.
- Rodionov, A.A.* (per.) Lao She. Moja zhizn'. A.A. Rodionov (sost.) Pogranichnyj gorodok. Kitajskaya proza XX veka: Perevod s kitajskogo yazyka [My life]. St. Petersburg: Institut Konfuciya v SPbGU, 2012, pp. 7–65 (in Russian).
- Сомкина Н.А.* (пер.). Шэнь Цунвэнь. Пограничный городок / А.А. Родионов (сост.) Пограничный городок. Китайская проза XX века: Перевод с китайского языка. СПб.: Институт Конфуция в СПбГУ, 2012. С. 111–193.
- Somkina, N.A.* (per.) Shen Congwen. Pogranichnyj gorodok. A.A. Rodionov (sost.). Pogranichnyj gorodok. Kitajskaya proza XX veka: Perevod s kitajskogo yazyka [The border town]. St. Petersburg: Institut Konfuciya v SPbGU, 2012, pp. 111–193 (in Russian).
- Сорокин В.* (пер.). Цянь Чжуншу. Осажденная крепость. М.: Художественная литература. 1989. 513 с.
- Sorokin, V.* (per.). Qian Zhongshu. Osazhdennaya krepost' [Fortress besieged]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1989. 513 p. (in Russian).
- Сухоруков В.*(пер.). Лу Синь. Побег на луну / С. Хохлова (ред.). Лу Синь. Повести и рассказы. М.: Художественная литература, 1971. С. 341–351.
- Suhorukov, V.* (per.) Lu Xun. Pobegnalunu. S. Hohlova (red.) Lu Xun. Povesti i rasskazy. [The flight to the moon]. Moscow: Hudozhestvennaya literature, 1971, pp. 341–351 (in Russian).
- Тихвинский С.* (пер.). Лу Синь. Записки сумасшедшего / С. Хохлова (ред.). Лу Синь. Повести и рассказы. М.: Художественная литература, 1971. С. 49–59.
- Tihvinskij, S.* (per.) Lu Xun. Zapiski sumasshedshego. S. Hohlova (red.) Lu Xun. Povesti i rasskazy [A madman's diary]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura. 1971, pp. 49–59 (in Russian).

- Торопцев С.* (пер.) Ван Мэн. Весенние голоса. Грёзы о море / Сорокин (сост.) Современная китайская проза, перевод с китайского языка. М.: Известия. 1984. С. 17–45.
- Toropcev, S.* (per.) Wang Meng. Vesenniegolosa. Sorokin (sost.) Sovremennaya kitajskaja proza, perevod s kitajskogo yazyka [Voices of spring]. Moscow: Izvestiya. 1984, pp. 17–45 (in Russian).
- 王自强. 现代汉语虚词词典[Z]. 上海: 上海辞书出版社, 1998. 324 с.
- Ван Цзыцян (Wang Ziqiang).* Словарь служебных слов в современном китайском языке. Шанхай: Шанхайское лексикографическое издательство. 1998. 324 с. (на китайском языке).
- Wang Ziqiang.* The dictionary of the function words in the Chinese language, 1998. 324 p. (in Chinese).
- 郭锐. 现代汉语词类研究[M]. 北京: 商务印书馆, 2002. 320 с.
- Го Жуй (Guo Rui).* Исследование частей речи в современном китайском языке. Пекин: Коммерческое издательство, 2002. 320 с. (на китайском языке).
- 丁声树. 现代汉语词典[Z]. 北京: 商务印书馆, 2017. 1800 с.
- Дин Шэншу (Ding Shengshu).* Словарь современного китайского языка. Пекин: Коммерческое издательство, 2017. 1800 с. (на китайском языке).
- 新华字典[Z]. 中国社会科学院语言研究所. 北京: 商务印书馆, 2004. 908 с.
- Словарь Синьхуа. Институт лингвистики Китайской академии общественных наук. Пекин: Коммерческое издательство, 2004. 908 с. (на китайском языке).
- 李宗江. “也”的来源及其对“亦”的历时替换[J]. 语言研究, 1997, 02: 60–67.
- Ли Зоньцзянь (Li Zongjiang).* Источник слова “Ye” и диахроническая замена слова “Yi” // Изучение языка и лингвистики. 1997. № 2. С. 60–67. (на китайском языке).
- 吕叔湘. 中国文法要略[M]. 北京: 商务印书馆, 1982. 469 с.
- Лью Шусян (Lv Shuxiang).* Очерк грамматики китайского языка. Пекин: Коммерческое издательство, 1982. 469 с. (на китайском языке).
- 马真. 说“也”[J]. 中国语文, 1982, 04: 283–288.
- Ма Джэнь (Ma Zhen).* О слове “Ye” // Изучение китайского языка. 1982. № 4. С. 283–288. (на китайском языке).
- 张谊生. 现代汉语副词研究[M]. 上海: 学林出版社, 2000. 425 с.
- Чжан Ишэн (Zhang Yisheng).* Исследование наречия в китайском языке. Шанхай: издательство Сюе Линь. 2000. 425 с. (на китайском языке).
- 朱德熙. 语法讲义[M]. 北京: 商务印书馆, 2007. 231 с.
- Чжу Дэси (Zhu Dexi).* Лекционные заметки о грамматике. Пекин: Коммерческое издательство, 2007. 231 с. (на китайском языке).
- 陈鸿瑶. 副词“也”主观性的认知解释[J]. 东北师范大学学报 (哲学社会科学版), 2012, 02: 98–98.
- Чэнь Хуняо (Chen Hongyao).* Когнитивное объяснение субъективности наречия “Ye” // Вестник Северо-Восточного педагогического университета (серия философии и общественной науки), 2012. № 2, pp. 95–98. (на китайском языке).
- 杨亦鸣. “也”字的语义初探[J]. 中国语文, 1988, 04: 56–59.

- Ян Имин (Yang Yiming)*. Семантическое исследование слова “Ye” // Изучение китайского языка, 1988. № 3. С. 56–59. (на китайском языке).
- Quirk, R.A.* Comprehensive Grammar of the English Language / R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik. London: Longman, 1985. 1779 p. (in English).
- 王蒙. 春之声/徐绍建 (主编). 大学语文[M]. 武汉: 武汉大学出版社, 2009. С. 490–502.
- Ван Мэн (Wang Meng)*. Весенние голоса / Сюй Шаоцзянь (ред.). Курс китайского языка и литературы (в университете). Ухань: Уханьский университет. 2009. С. 490–502. (на китайском языке).
- 王蒙. 海的梦/王铁仙 (主编). 新时期文学[M]. 2002. С. 115–128.
- Ван Мэн (Wang Meng)*. Грёзы о море / Ван Тесянь [Wang Tiexian] (ред.). Сборник литературы новой эпохи. Шанхай: Шанхайское образование. 2002. С. 115–128. (на китайском языке).
- 老舍. 老舍集[M]. 武汉: 长江文艺出版社. 2012. 367 с.
- Лао Шэ (Lao She)*. Собрание сочинений Лао Шэ. She. У Хань: Литература и искусство Янцзы. 2012. 367 с. (на китайском языке).
- 鲁迅. 狂人日记 / 鲁迅大合集[M]. 北京: 北京新世界出版社, 2012. С. 2–6.
- Лу Синь (Lu Xun)*. Записки сумасшедшего / Лу Синь. Полное собрание сочинений Лу Синя. Пекин: Издательство «Новый мир». 2012. С. 2–6. (на китайском языке).
- 鲁迅. 祝福 / 鲁迅大合集[M]. 北京: 北京新世界出版社, 2012. С. 55–61.
- Лу Синь (Lu Xun)*. Моление о счастье / Лу Синь. Полное собрание сочинений Лу Синя. Пекин: Издательство «Новый мир». 2012. С. 55–61. (на китайском языке).
- 鲁迅. 奔月 / 鲁迅大合集[M]. 北京: 北京新世界出版社, 2012. С. 135–142.
- Лу Синь (Lu Xun)*. Побег на луну / Лу Синь. Полное собрание сочинений Лу Синя. Пекин: Издательство «Новый мир», 2012. С. 135–142. (на китайском языке).
- 莫言, 变[M]. 北京: 海豚出版社, 2010. 85 с.
- Мо Янь (Mo Yan)*. Перемены. Пекин: Издательство Дельфина. 2010. 85 с. (на китайском языке).
- 冯骥才. 高女人和她的矮丈夫 / 王铁仙 (主编). 新时期文学[M]. 上海: 上海教育出版社, 2002. С. 47–59.
- Фэн Цзицай (Feng Jicai)*. Высокая женщина и её муж-коротышка / Ван Тесянь (Wang Tiexian) (ред.). Сборник литературы новой эпохи. Шанхай: Шанхайское образование, 2002. С. 47–59. (на китайском языке).
- 钱钟书. 围城 / 钱钟书作品集[M]. 北京: 中国工人出版社, 2003. С. 112–442.
- Цянь Чжуншу (Qian Zhongshu)*. Осаждённая крепость / Сборник произведений Цянь Чжуншу. Пекин: Китайский рабочий, 2003. С. 112–442. (на китайском языке).
- 沈从文. 边城 / 林乐奇 (选编). 沈从文小说[M]. 杭州: 浙江文艺出版社. 2007. С. 231–314.
- Шэнь Цунвэнь (Shen Congwen)*. Пограничный городок / Линь Лэци (сост.). Сочинения Шэнь Цунвэня. Хан Чжоу: Литература и искусство Чжэцзян. 2007. С. 231–314. (на китайском языке).

Цзя Юннин, аспирант кафедры новейшей русской литературы Литературного института имени А.М. Горького; старший преподаватель факультета русского языка Сианьского нефтяного университета, г. Сиань, КНР; e-mail: Jianin9@yandex.ru

ПЕРЕВОД КИТАЙСКОЙ КЛАССИКИ ВАЛЕРИЕМ ПЕРЕЛЕШИНЫМ

Статья посвящена анализу переводов антологии китайской классической поэзии «Стихи на веере» и древнекитайского трактата «Дао дэ цзин» поэтом Валерием Перелешиним. В статье изложена история создания переводов, дан подробный анализ адекватности перевода в единстве формы и содержания, т.е. соответствия с миниатюрной формой китайской поэзии и адекватности впечатления по содержанию. В статье также рассматривается внутрилитературный синтез в переводе «Дао дэ цзин». Излагается трудность в выборе жанра перевода трактата, ритмической прозы. На основе анализа поэтического перевода Валерия Перелешина с трёх сторон – по форме, образу поэмы и её композиционной структуре, выявляются эстетическая красота перевода и переосмысление поэта философского образа и идей в оригинале путём абстракции конкретных предметностей и перделки циклической структуры в общераспространённом варианте трактата на логическую и линейную, созвучную поэме структуру.

Ключевые слова: перевод, адекватность перевода, китайская классическая литература, миниатюрная форма, внутрилитературный синтез, форма, образ, структура, философская идея.

Jia Yongning, Postgraduate Student at the Department of Modern Russian literature of the Literary Institute named after A. M. Gorky, Moscow, Russia; Senior Lecturer at the Department of Russian Language of Xi'an shiyou University, Xi'an, Xi'an, PRC; e-mail: Jianin9@yandex.ru

VALERY PERELESIN'S TRANSLATIONS OF CHINESE CLASSIC LITERATURE

The article is dedicated to translations of the Chinese classical poetry anthology “Poems on a Fan” and the ancient Chinese treatise “Dao de Jing” by the Russian poet Valery Pereleshin. The article also describes the history of the creation of the translations, as well as provides a detailed analysis of the translations’ adequacy in the unity of the form and content, i.e. compliance with a miniature form of Chinese poetry and the adequacy of impressions made by the original poetry on the reader. The phenomenon of literary synthesis in translations of “Dao de Jing” is also studied in the article. It describes the difficulty of selecting a genre for the translation of the treatise written in a rhythmic prose. Based on a triple analysis of Valery Pereleshin’s poetic translation (the form, the image of the poem and its compositional structure), the article reveals the aesthetic beauty of the translation and the poet’s rethinking of the philosophical images and ideas contained in the original by means of abstracting specific objectivity and translating the circular structure found in the widespread version of the treatise into a logical and linear structure conformable with the original poem.

Key words: translation, adequate translation, Chinese classical literature, miniature, literary synthesis, form, image, structure, philosophical ideas.

Введение

Китайская классическая литература — драгоценное культурное наследие Китая и всего мира. Её история насчитывает около трёх тысячелетий: с доимперского периода вплоть до последней династии Цин. Её принято разделять на категории: классическая литература (цзин — тринадцатиканоние конфуцианства), история (ши), философия (цзы) и изящная словесность (цзи — поэзия и художественная литература) и т.д. Китайская классическая литература имеет следующие основные жанры: Ши (двустихие), Цы (вид стихов, со своими слоговыми и тональными моделями), Гэ (песни), Цу (Юань Цюй, стиль музыки и песен в опере), Фу (описательно-содержательные стихотворения), проза и роман. Эти жанры получили своё развитие в разные исторические периоды. История китайской классической литературы проходила следующие этапы развития: Литература доимперского периода. В этот период китайская литература берёт своё начало от классической Шицзина (Книга песен), сборника народных песен и ритуальных гимнов, созданных в период между XI и IV вв. до н.э. К этому периоду относятся и великие исторические хроники, как Чунь Цю и Цзо Чжуань, основополагающие памятники древнекитайских философских школ, как «Лунь Юй» («Беседы и суждения» Конфуция), «Дао дэ цзин» и др. В конце IV в. до н.э. литература государства Чу достигла своего расцвета, представительным поэтом данного стиля был Цюй Юнь, который создал поэму «Ли Сао» (скорбь отринутого). В литературе в династиях Цинь (221 г. до н.э. — 207 г. до н.э.) и Хань (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.) получили большое развитие жанр «Фу» и музыкальная поэзия. В период династий Вэй и Цзинь появился первый крупный поэт жанра «Ши» (пятисложный стих) Цао Чжи (192–232 н.э.) и поэт Тао Цянь (372–427 н.э.), воспевающий уход от суетного мира. Династия Тан (618–907 гг.) была периодом расцвета жанра «Ши» старого и нового стилей, поэты этого времени считались самыми лучшими на протяжении всей эпохи истории Китая. Династия Сун (960–1279 гг.) — период расцвета жанра «Цы», лирических стихотворений, унаследовавших поэтику песен жанра «юэфу». В периоды династий Тан и Сун развивалась и жанр прозы (эссе). Новый вид поэзии — «Саньцзюй», более свободная и простая поэзия, и музыкальная драма появились в период династии Юань (1206–1368). Литература в династиях Мин (1368–1644) и Цин (1616–1911) славется великими классическими романами.

Валерий Перелешин (1913–1992) – русский поэт первой волны эмиграции. В 7 лет эмигрировал с матерью в Китай и прожил там более тридцати лет вплоть до 1953 года. В этот период он изучал китайскую классическую литературу и был ею весьма увлечён¹. Он писал стихи на русском языке и переводил с китайского и английского языков. В 1953 году поэт переселился в Бразилию. Всю последующую жизнь прожил в Рио-де-Жанейро. А с середины 1960-х начался новый период его поэтической и переводческой деятельности. Находясь далеко от своей второй родины, в Бразилии, он скучал по своему «Южному дому»², «Издаleка»³ глядел на него и с глубоким чувством любви, связанной с волнующими воспоминаниями, начал воссоздавать мир китайской классики...

Так, в переводе Валерия Перелешина в 1970 году вышла антология китайской поэзии «Стихи на веере», в 1971 году – древнекитайский трактат «Дао дэ цзин» и в 1974 году – «Ли Сао» Цюй Юаня. Данная статья будет посвящена анализу первых двух из числа названных переводов.

1. «Стихи на веере» – книга перевода классической китайской поэзии

Название «Стихи на веере» было взято из стихотворения «Песня о жалобе» (Юань Гэйхин, I в. до н.э.) поэтессы Бань Цзе-юй династии Хань, переведённого Перелешиним ещё 16 декабря 1942 г. и опубликованного в журнале «Рубеж» под заглавием «Стихи на веере». Этот перевод был подарен императору Ханьской династии Чжэн-ди дамой его двора, госпожой Бань Цзе-юй.

Антологию переводов «Стихи на веере» составляют двадцать четыре стихотворения и две поэмы, анонимная баллада «Мулань» времени династии Лян (5 в. н.э.) и поэма «Песня Мандолины» (Пипахин) Бай Цзюй-и династии Тан (816 г.) Главным образом были выбраны стихотворения известнейших поэтов династий Тан и Сун, времени расцвета китайской поэзии. В том числе были включены стихотворения Ли Бо (6), Ван Вэя (6), О Ян Сю (2, династия Сун) и по одному стихотворению Мын Хао-жэня, Чжан Ци, Хэ Чжи-чжана, Синь Ци-Цзи (династия Сун) и других поэтов.

Мы будем рассматривать перевод «Стихов на веере» в двух аспектах: соответствия миниатюре, жанру традиционной китайской поэзии, и в плане адекватности самого перевода.

¹ См. [Крейд, 2001: 381] Живёшь в глуши страны чернильной,/ Записок, выписок из книг.../ Среди тысячелетних строк –/ Вдруг разглядетьверху бездонный./ Сквозной и синий потолок... (20.05.1935).

² «Южный дом»: пятая книга стихотворений Валерия Перелешина.

³ «Издаleка»: стихотворение (19.05.1953), включённое в «Южный дом».

1.1. Соответствие перевода жанру миниатюры китайской поэзии

Китайская поэзия для В. Перелешина, как он сам выразил, это море для выбора, он был сосредоточен на «Ши». «Ши», развивавшиеся с конца династии Хань до конца династии Тан (2–10 вв. н.э.), «состоят из однообразных строф, обычно четверостиший, по пять или семь идеограмм в строке. Рифмуются иногда две, иногда три и очень редко все четыре строки» [Перелешин, 1970: II].

Заметим, что в период правления династии Тан существовали два вида *Ши* – поэзия архаического стиля (четырёх-, пяти- и семисловные стихи, без регламентации последовательности тонов) и новые стихи (уставные стихи в восьми строках и четверостишия с регламентацией последовательности тонов). В «Стихах на веере», кроме 5 стихотворений известнейшего романтического поэта Ли Бо «Песни о жалобе» поэтессы Бань Цзе-юй и двух поэм, которые были написаны в архаическом стиле, все остальные стихотворения – в новом стиле.

Новые миниатюрные стихи, появившиеся и развивавшиеся с эпохи Тан, составили яркую особенность китайской поэзии. Их и по сей день читают и любят.

В. Перелешин очень высоко оценивал миниатюру в китайской поэзии: «Миниатюра – это особый жанр, обладающий подчас неотразимым очарованием, которое исчезает, если миниатюра станет многословной» [там же: V]. Он выступает против любого увеличения числа строк. При глубоком восприятии китайской поэзии в переводе поэт придерживается следующего принципа: «Почти все Ши переведены одним размером – ямбом, пятистопным для стихов по пять иероглифов в строке и шестистопным для стихов по семь иероглифов; отсутствие флексий в китайском языке мы пытались передать применением почти исключительно мужских рифм» [там же: 3–4]. Для примера приведём перевод стихотворения «Встреча с земляком» из антологии «Стихи на веере».

Вы возвратились из родной страны.

Что происходит там, вы знать должны.

В тот день, как вы мой миновали дом,

*Не расцвела ли слива под окном?*⁴ [Перелешин, 1970: 19]

Это известное четверостишие, написанное поэтом Ван Вэем династии Тан, было по пять иероглифов в строке. Получилось

⁴ Сравните с переводом последней строки другой переводчицы: *И сливу нашу видел ты – / Скажи же поскорее мне: / Свежи ль ещё её цветы?* [Перелешин, 1970, с. VI]. По В. Перелешину, тут половина – «отсебятина», ненужная и неподозволенная [см. там же].

в оригинале всего 20 иероглифов. В. Перелешин в соответствии с лаконичностью оригинала перевёл также четверостишием, используя пятистопный ямб с рифмами в каждом двух строках.

1.2. Адекватность перевода

Сохраняя высокую степень лаконичности китайской поэзии в переводе, В. Перелешин следит за строгой рифмовкой русской поэзии, что показывает высокое мастерство его поэтического перевода. Перевод, верный оригиналу по форме, доставляет высокое эстетическое удовольствие. Между тем передача содержания оригинала рождает вопросы. Перелешин стремится к «адекватности впечатления»⁵, при сохранении смысла, структуры и рифмы каждого стихотворения, он отметил: «Мы предпочитали лучше терять собственные повторения и несущественные детали, чем добавлять. Потери были неизбежны...» [там же: 5].

Для достижения адекватности перевода поэт иногда заменяет некоторые заглавия и образы, опускает детали оригинала. Например, стихотворение Ван Вэя, представленное выше, не имело названия. В. Перелешин придумал заглавие «Встреча с земляком» и заменил «узорное окно» в оригинале «моим домом», а «зимнюю сливу» «сливой»⁶.

Замена названий не раз используется В. Перелешиним при переводе стихотворений. Так, известное стихотворение романтического поэта Ли Бо «В одиночестве пью под луной» было в его переводе под новым названием «Трое». Можно допустить, что это было сделано в целях передачи семантического значения оригинала, ибо компанию поэта составили трое: луна, поэт и его тень. Другое стихотворение Ван Вэя «Двор в бамбуковом лесу» переведено как «Одиночество», также совпадающее с его идеей.

Опускание деталей часто возникает в связи с конкретизацией предметов в китайском языке, что, наоборот, несвойственно русскому языку. Кони, одежда? – ничего не нужно! (Ли Бо «Застоль-

⁵ В 1964 г. американский учёный Найда выдвинул теория «эквивалентности перевода», на основе которой развивается и концепция адекватного перевода. Это обозначает воссоздание единства формы и содержания оригинала средствами другого языка, т.е. соответствие, равноценность текста перевода тексту подлиннику. Подразумевается как смысловое, стилистическое, так и структурное соответствие, что достигается использованием прямых соответствий оригиналу, а также субститутов. При этом переводчик не допускает каких-либо, даже малейших сокращений переводимого, каких-либо дополнений, вставок в текст от себя.

⁶ Слива в Китае символизирует долголетие, зиму, красоту, чистоту, отшельничество. Так как слива цветёт зимой, она также олицетворяет силу, стойкость и триумф. Слива, бамбук и сосна – это «три друга зимы» в холодную пору, т.е. в несчастье.

ная песня») Но в оригинале есть описание коней и одежд (*Кони редкой породы, шерсть которых пяти цветов, одежда — дорогостоящий мех*). Очевидно, для сохранения единства формы и содержания в переводе поэт опустил несущественные детали.

Придерживаясь принципов адекватного перевода, автор добился больших успехов в переводе антологии «Стихи на веере», посвящённой поэтом своему любимому Китаю. В частности, очень удачными переводами, на наш взгляд, представляется весь цикл новых стихов вообще, и в особенности переводы стихотворений поэта Ван Вэя, для творчества которого характерны лаконичность, недосказанность и глубокая философия. Это частично связано с темпераментом самого переводчика. Замечательны были переводы баллады «Муланы» и поэмы «Песня мандолины». Это объясняется тем, что присутствие завершённого сюжета в поэмах совпадает с линейной поэтической мыслью и делает перевод более свободным и лёгким. Переводы романтических стихотворений Ли Бо оказались менее удачными из-за сложности перевода исторических событий и удивительно богатого и необычного воображения в оригинале.

2. Перевод древнекитайского трактата «Дао дэ цзин»

В 1971 году Валерий Перелешин перевёл древнекитайский трактат «Дао дэ цзин», основополагающий источник учения и один из выдающихся памятников китайской мысли, оказавший большое влияние на культуру Китая и всего мира. Традиционно автором книги считается Лао-цзы (VI–V вв. до н.э.), поэтому иногда книга носит его имя.

В. Перелешин впервые читал «Дао дэ цзин» в Пекине в частичном переводе с версии на английском языке. Перечитывая «Дао дэ цзин» в Бразилии, он нашёл данную основную даосскую работу «удивительной, глубокой как сочинения Платона». Он видел в Лао-цзы настоящего философа и мистика. Переводчик приступил к работе над книгой «Дао дэ цзин» в начале 1971 года, был сильно увлечён и восхищён красотой оригинала, что подтверждают его слова: “The beauty of the original drives me to a frenzy (I know that my translation, closer to the original than any existing one, is nevertheless a pathetic and helpless attempt in comparison with the divine beauty of the original)”⁷ [Bakich, 2015: 187].

⁷ «Красота оригинала доводит меня до иступления. (Я знаю, что мой перевод, оказавшийся ближе к оригиналу, чем любой другой существующий вариант, был на самом деле жалкой и бесполезной попыткой в сравнении с божественной красотой оригинала.)» (Перевод мой. – Ю.Ц.).

В данной статье мы сосредоточимся на двух моментах: на трудностях в выборе жанра перевода и на особенностях перевода В. Перелешина.

2.1. Трудность в выборе жанра перевода

«Дао дэ цзин» часто называют ритмической прозой. Сам трактат «Дао дэ цзин» представляет собой прозу, но «Более двух третей книги Лао-цзы имеют форму рифмованных пассажей. ...Жанровая неоднородность – примечательное свойство всей Даосской литературы, свидетельствующее о творческой свободе её создателей» [Малявин, 2006: 34].

Для разбора этого явления выделим следующие два аспекта: особенности классического китайского языка вообще и особенности трактата «Дао дэ цзин» отдельно. Классический китайский язык (Вэньянь) отличается лаконичностью – текст на нём содержит примерно вдвое меньше иероглифов, чем тот же текст на современном китайском. Язык трактата «Дао дэ цзин» вполне соответствует классическому китайскому языку в отношении лаконичности. Кроме того, он обладает и поэтическим ритмом и рифмовкой.

Китаеведы высоко оценили философскую глубину и, главное, поэтическую красоту «Дао дэ цзина». При этом возникает проблема в выборе жанра перевода. Ведь одновременно сохранять и жанр прозы и ритмичность в переводе очень трудно. Переводчики, усмотревшие в «Дао дэ цзине» прозу, тотчас же забыли о понятии ритмичности и превратили поэму в обыкновенную прозу или наоборот, сделали его ритмической поэзией с частичной потерей информации в содержании и даже глубокой философской мысли оригинала.

2.2. Особенности поэтического перевода у В. Перелешина

В. Перелешин – первый автор перевода «Дао дэ цзин» на русский язык, использовавший поэтическую форму. Он рассматривал работу над «Дао дэ цзином» как пробу в «поэтическом переводе». Поэт воспринимал его не как «философский трактат», а как поэзию и не разделял мнение тех специалистов, которые называли его ритмической прозой. “The emphasis should be not on ‘prose’, but on ‘rhythmic’.” He now saw Zheng Lin’s prose translation as “disgusting,” “because he managed to expel all poetry and the beauty from the book”⁸ [Bakich, 2015: 187].

⁸ «Акцентирование должно быть не на «прозе», а на «ритмической». Он теперь находит прозаический перевод Чжэн Линя «отвратительным», «потому что он стремился вычеркнуть всю поэтичность и красоту из книги» (Перевод мой. – Ю.Ц.).

Для анализа особенностей перевода поэта мы приведём и перевод другого автора, Ян Хиншуна, чей перевод в форме прозы признан первым научным переводом и издан в 1950 году Академией Наук СССР. Он и до сих пор является самым точным, самым издаваемым и популярным переводом «Дао дэ цзин» в России.

Позволим себе провести сопоставление перефразирования оригинала в поэтическом переводе В. Перелешина и дословного перевода Ян Хиншуна на основе трёх показателей: формы, поэтического образа и композиционной структуры. Для анализа языковой формы возьмём переводы отрывка главы 14:

Смотрю на него и не вижу, а поэтому называю его невидимым. Слушаю его и не слышу, поэтому называю его неслышимым. Пытаюсь схватить его и не достигаю, поэтому называю его мельчайшим. Не надо стремиться узнать об источнике этого, потому что это едино (Перевод Ян Хиншуна).

Сравним:

*Чего увидеть нельзя —
Безобразно и незримо.
Чего не уловит слух —
Беззвучно, неуловимо.
Чего не тронешь рукой —
Бесплотно, неосятимо.
К такому свойству тройному
Уму не прийти земному:
Их три, но они — одно.*

(Перевод Перелешина) 12(26)⁹

Если смотреть с чисто эстетической точки зрения, то поэтический перевод, несомненно, достигает высшей художественной ценности. Действительно, у Перелешина — это настоящий поэтический мир, созданный на основе ритмического рисунка четырёхсложного двухстопного ямба в сочетании с анапестом, удачной получилась и его рифмовка с употреблением звуковой -имо- и -ому.

В отношении содержания перевода, зададимся вопросом, как поэт выражает и переосмысляет в поэтическом строении философские образы. Приведём переводы отрывков главы 41:

Великий квадрат не имеет углов; большой сосуд долго изготавливается; сильный звук нельзя услышать; великий образ не имеет

⁹ В приведённом и дальнейших примерах перевода Перелешина первая цифра обозначает порядок строф варианта у Перелешина, вторая цифра в скобках — добавление автором его нумераций в обычном порядке строф общераспространённого варианта оригинала.

формы. Дао скрыто [от нас] и не имеет имени. Но только оно способно помочь всем существам и привести их к совершенству (Перевод Ян Хиншуна).

*Прямейшее – искривлённым,
Удачное – невозможным,
Торжественное – ничтожным,
Великий Образ – безвидным,
А Истина – безымянной.*
(Перевод Перелешина) 33 (91)

*Ничто, как Истина одна,
Сильна даяньем и свершеньем.*
(Перевод Перелешина) 34 (92)

Переосмысление философского образа переводчиком наблюдается в абстрагировании конкретных предметных образов оригинала. Так, из дословного перевода Ян Хиншуна видно, что в оригинале в данном отрывке для описания Дао автор использовал параллель асоциальных конкретных предметов: «квадрат, сосуд, звук и образ». В переводе поэта эти образы заменены абстрактными словами «прямейшее, удачное, торжественное и великий Образ». Данная особенность перевода явно проявлялась и в переводе антологии «Стихи на веере» заменой названий и опущением несущественных деталей. Думается, это объясняется различным стереотипом мышления и выражения в русском и китайском языках.

Строфа перевода Перелешина написана необычным размером, можно увидеть сочетание ямба и хоря с двухсложными и трёхсложными стопами. Помимо того, ритмичность и рифмовка остаются как в вышесказанной строфе, сохранился тут и принцип наименований, т.е. абстракция конкретных предметов, при частичной потере информации в оригинале. Но ценно то, что семантический приём контекстуальной антитезы, используемый в оригинале, не был утрачен при создании поэтического образа, и в результате Перелешину удалось передать читателю суть философской мысли.

Наконец, мы хотим обратить внимание на композиционную структуру перевода. В этой связи будут уместны слова профессора Д.Н. Воскресенского:

«“Поэма” Перелешина – не перевод, но художественное воспроизведение идей и образов китайского трактата. Поэт изменил привычную структуру текста, взяв один из его вариантов, не являющийся общераспространённым и нормативным. Однако в этом ва-

рианте заключена своя логика, которая оказалась созвучной поэту» [Перелешин, 2000: 240].

Так, с самого начала перевода «Дао дэ цзина» Перелешиным началось объяснение основы Дао, его истока и развития, объяснение которых в оригинале общепринятого варианта в основном даётся в главах 1, 25 и 52. В. Перелешин сразу поставил на первую строфу перевод главы 25, а не главу 1, а после произошло слияние названных нами трёх глав¹⁰.

Перестроение у Перелешина, возможно, связано с тем, что автор на основе глубокого осмысления сути философской идеи в оригинале пытался линейной поэтической формой выразить философское наполнение, которое скрыто в казавшейся неорганической, циклической структуре. Последовательный и логический ход мысли, лаконическая и рифмованная поэтическая форма, безусловно, делает древнекитайский философский трактат более простым и ясным, но такое перестроение, на взгляд некоторых учёных, представляется ненужным, и даже вредным. Как отметил Владимир Малявин: «Традиционная композиция “Дао дэ цзина” отнюдь не произвольна и не бессмысленна, подлинная цельность – и ценность – даосского канона определена не темой, а неизъяснимо-внутренним и притом требующим большого духовного мужества отношением к жизни; отношением, которое предваряет субъективное знание и опыт, превосходит любую ограниченную “точку зрения”» [Малявин, 2006: 35].

Заключение

В заключение мы бы хотели сказать, что переводы «Стихов на веере» и «Дао дэ цзина» у В. Перелешина, насыщенные глубоким поэтическим осмыслением по форме, содержанию и идее, хотя не достигли совершенства, но освещены блеском художественности и смысла. Это проявление настоящего поэтического творчества, отличающегося своеобразным ярким стилем. Оно, с одной стороны, восходит к постсимволизму, точнее, акмеизму в русской поэзии начала XX века, а с другой – оно и сохраняет в себе отличительную черту китайской поэзии, связанную с предельной лаконичностью и недосказанностью. Этот особенный знак китайской поэзии не только царит в переводных стихотворениях «Стихов на веере» и достаточно чётко выражен в поэтическом переводе трактата «Дао

¹⁰ См. “Instead of the generally accepted order of Daodejing’s 180 sections, Perelshin followed Zheng Lin’s order, but supplemented his numbering with the usual order in parentheses.” (Вместо общераспространённого порядка 180 строф «Дао дэ цзин», Перелешин применил порядок у Чжэн Линя, но с добавлением его нумераций в обычном порядке в скобках.) (Перевод мой. – Ю.Ц.) [Bakich, 2015: 188].

дэ цзин», но и заметен в оригинальном творчестве поэта¹¹, что свидетельствует о глубокой внутренней связи поэта с Китаем и воздействия на его поэтический дар китайских классиков.

Относительно содержания, переводы В. Перелешина полностью соответствуют требованиям «адекватности перевода», т.е. сохранения единства формы и содержания. Этого он достигает чаще всего путём абстрагирования конкретных предметов в китайском языке. Ввиду того, что конкретизация представляет собой присущую китайскому языку черту, абстрагирование стало самым излюбленным приёмом поэта-переводчика.

Если говорить об идейной составляющей переводов Перелешина, то нельзя не заметить, что поэт находился под огромным влиянием не только древнейшего философского трактата, но и высокой философичности, свойственной китайской поэзии, что, несомненно, сказалось на его философских размышлениях о собственной и человеческой жизни и выражениях своих поэтических мыслей в слове.

Список литературы

- Крейд В., Бакич О.* Русская поэзия Китая: Антология / В. Крейд и др. М.: Время, 2001. 718 с.
- Krejd, V., Bakich, O.* Russkaya poehziya Kitaya: Antologiya [Russian poetry of China : an anthology]. Moscow: Vremya, 2001. 718 p. (in Russian).
- Малявин В.В.* Лао-цзы. Дао-дэ цзин. Книга о Пути жизни / Сост. и пер. В.В. Малявина. М.: Феория, 2006. 311 с.
- Malyavin, V.V.* Lao-czy. Dao-Deh czin. Kniga o Puti zhizni / Sost. i per. V.V. Malyavina [Lao-Tzu. Tao Te Ching. The book about the Way of life]. Moscow: Feoriya, 2006. 311 p. (in Russian).
- Перелешин В.Ф.* Лао-цзы. Дао дэ цзин / Пер. с кит. В.Ф. Перелешина. Послесл. Д.Н. Воскресенского. М.: Время, 2000. 253 с.
- Pereleshin, V.F.* Lao-czy. Dao deh czin. Per. s kit. V.F. Pereleshina. Poslesl. D.N. Voskresenskogo [Lao-Tzu. Tao Te Ching]. Moscow: Vremya, 2000. 253 p. (in Russian).
- Перелешин В.Ф.* Стихи на веере: Антология китайской классической поэзии / В.Ф. Перелешин. Франкфурт: Посев, 1970. 41 с.
- Pereleshin, V.F.* Stihi na veere: Antologiya kitajskoj klassicheskoj poehzii [Poems on a Fan: Anthology of Translations From Chinese Classical Poetry]. Frankfurt: Posev, 1970. 41 p. (in Russian).

¹¹ Сравните строфу оригинального стихотворения «Мы»: *На мёрзлых полюсах планеты, / Под тропинками там и тут, / Какие к нам летают светлы, / Какие яблоны цветут?* (10.02.1934) [Крейд, 2001: 386] с «Встречей с земляком» Ван Вэя. Последняя строка последнего «*Не расцвела ли слива под окном?*» и «*Какие яблоны цветут?*» в первом выполняют сходную семантическую функцию — недосказанность в форме вопроса заставляет читателей задуматься о глубоком смысле жизни, о родине в сердце.

- Ян Х.* Древнекитайский философ Лао-Цзы и его учение. М.: Издательство Академии Наук СССР. 1950. 162 с.
- Yan H.* Drevnekitajskij filosof Lao-Czy i ego uchenie [Lao-tzu and his teachings] Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. 1950. 162 p. (in Russian).
- Bakich Olga.* Valerii Pereleshin: Life of a silkworm, University Toronto press, 2015. 408 p.
- 老子/汤漳平, 王朝华译注. --- 北京: 中华书局, 2014.7 (2016.3重印) 302页.
- Laozi/Tang Z., Wang C.* Translation and note. Beijing: China Publishing House, 2014. (2016, reprint). 302 p.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гарбовский Николай Константинович, главный редактор, член-корреспондент Российской академии образования, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Костинова Ольга Игоревна, зам. главного редактора, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Мозговая Людмила Авраамовна, ответственный секретарь, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Авайс Апри, доктор филологии, профессор, факультет языков, Бейрутский университет Св. Иосифа (Ливан); **Алексеева Ирина Сергеевна**, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургская высшая школа перевода, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (Россия);

Балью Кристиан, доктор филологии, профессор, факультет филологии, перевода и коммуникации Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Бельский Евгений Викторович**, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Вьещи Маурицио, доцент, факультет исследований в области права, языков и перевода, Триестский университет (Италия); **Горшкова Вера Евгеньевна**, доктор филологических наук, профессор, Евразийский лингвистический институт МГЛУ ЕАЛИ (Россия);

Есакова Мария Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Исолахти Нина Борисовна**, доктор наук, профессор, Тамперский университет (Финляндия);

Керо Хервилья Энрико Ф., доктор филологии, профессор, отделение греческой и славянской филологии, Гранадский университет (Испания); **Кольцова Юлия Николаевна**, кандидат культурологии, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Ли-Янке Ханнелоре, доктор наук, профессор, Женевский университет (Швейцария); **Манерко Лариса Александровна**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Марусенко Михаил Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия); **Миронова Надежда Николаевна**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Мишкурор Эдуард Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Магасов Роман Александрович**, кандидат филологических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Пан Кё Ён, доктор наук, профессор, Высшая школа перевода, Хангукский университет иностранных языков (Южная Корея); **Торсуков Евгений Георгиевич**, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Форстнер Мартин, доктор наук, профессор, Университет Майнца (Германия); **Харацидис Элефтериос Константинович**, доктор исторических наук, профессор, факультет гуманитарных наук, Университет имени Демокрита (Греция);

Хольцер Питер, доктор филологии, профессор, Институт транслатологии, Инсбрукский университет (Австрия); **Хухуни Георгий Теймуразович**, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный областной университет (Россия);

Чайковский Роман Романович, доктор филологических наук, профессор, Северо-Восточный государственный университет (Россия); **Шмитт Питер Аксель**, доктор филологии, профессор, Институт прикладной лингвистики и транслатологии, Лейпцигский университет (Германия).

EDITORIAL BOARD

Garbovsky, Nikolai K., Editor-in-Chief, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Kostikova, Olga I., Deputy Editor-in-Chief, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Mozgovaya, Ludmila A., Executive Secretary, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Awais, Henri, Professor, Dr. Sc., Faculty of Languages, Saint Joseph University (Lebanon); **Alexeeva Irina S.**, Cand. Sc. (Philology), Saint Petersburg School of Conference Interpreting and Translation, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia); **Balliu, Christian**, Professor, Dr. Sc., Faculty of Philology, Translation, and Communication, Université Libre de Bruxelles (Belgium); **Belsky, Yevgeniy V.**, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Viezzi Maurizio**, Associate Professor, Department of Legal, Language, Interpreting and Translation Studies, University of Trieste (Italy); **Gorshkova, Vera Ye.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Eurasian Linguistic Institute (Russia); **Yesakova, Maria N.**, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Isolahti, Nina B.**, School of Language, Translation and Literary Studies, University of Tampere (Finland); **Quero Gervilla, Enrique F.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Department of Greek and Slavonic Philology, University of Granada (Spain); **Koltsova, Yulia N.**, Associate Professor, Cand. Sc. (Cultural Studies), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Lee-Jahnke, Hannelore**, Professor, Dr. Sc., University of Geneva (Switzerland); **Manerko, Larisa A.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Marusenko, Mikhail N.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Saint Petersburg State University (Russia); **Mironova, Nadezhda N.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Mishkurov, Edward N.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Matasov, Roman A.**, Cand. Sc. (Philology), Lomonosov Moscow State University (Russia); **Pan, Yong-Kyo**, Professor, Dr. Sc., Graduate School of Interpretation and Translation, Hankuk University of Foreign Studies (South Korea); **Torsukov, Yevgeniy G.**, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Forstner, Martin**, Professor, Dr. Sc., University of Mainz (Germany); **Charatsidis, Elefterios K.**, Professor, Dr. Sc. (History), Faculty of Liberal Arts, Democritus University of Thrace (Greece); **Holzer, Peter**, Associate Professor, Dr. Sc., Institute of Translation Studies, University of Innsbruck (Austria); **Khukhumi, Georgiy T.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Moscow Region State University (Russia); **Tchaikovskiy, Roman R.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), North-Eastern State University (Russia); **Schmitt, Peter A.**, Professor, Dr. Sc., Institute of Applied Linguistics and Translatology, University of Leipzig (Germany).

Корректор *А.В. Изумнов*

Компьютерная верстка *Ю.В. Одинцовой*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-28752 от 4 июля 2007 г.

Адрес редакции: 119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, Первый гуманитарный корпус, к. 1150. *Тел.:* 8 (495) 932-80-72

Подписано в печать 08.02.2018. Формат 60×90/16. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 7,5. Уч.-изд. л. 7,1. Тираж 115 экз. Изд. № 10 825. Заказ №

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).

Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com

Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com

Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит».

410 004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.

Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33. E-mail: zakaz@amirit.ru Сайт: amirit.ru

ИНДЕКС 20408 (каталог «Роспечать»)
ИНДЕКС 88134 (каталог «Пресса России»)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2074–6636
ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 22. ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА. 2017. № 3. С. 1–120.